

Ф. ГРЕКУЛ

СОЦИАЛЬНО -
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
СТРОЙ
МОЛДАВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XV ВЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ

1959

Ф. А. ГРЕКУЛ
кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И
ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
МОЛДАВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора *Л. В. Черепнина*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛДАВИИ
КИШИНЕВ * 1950

Редактор *А. П. Пискарев*
Технический редактор *М. Е. Мандельбаум*
Корректор *Э. И. Шварцман*

Подписано к печати 2/ХII-1950 г.   АБ13197   Формат бум. 60x92¹/₁₆
5 бум. л.—10 печ. л.   Тираж 3000   Цена 6 р. 50 к.   Заказ № 950

Полиграфкомбинат, Кишинев, Могилевская, 35

*Памяти академика
Владимира Ивановича ПИЧЕТА*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудный и тернистый путь прошла Молдавия на протяжении своей истории. На долю молдавского народа выпали суровые испытания в борьбе против местных угнетателей и иноземных поработителей.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила молдавский народ от многовекового рабства и нищеты, навсегда положив конец неравенству и эксплуатации человека человеком.

В 1918 году, когда молодая Советская Россия, еще слабая в экономическом и военном отношении, напрягала все силы для разгрома внутренней контрреволюции и полчищ иностранных интервентов, буржуазно-помещичья Румыния воспользовалась этим положением и насильственно отторгла от Советской России часть ее территории — Бессарабию и тем самым нарушила вековое единство молдавского народа. На протяжении 22 лет Советское Правительство неоднократно ставило вопрос о необходимости мирного разрешения бессарабского конфликта. И, наконец, по соглашению с румынским правительством 28 июня 1940 года Бессарабия была возвращена Советскому Союзу.

Историческим законом, принятым VII Сессией Верховного Совета СССР 2 августа 1940 года, молдавский народ, в соответствии с принципами ленинско-сталинской национальной политики, объединился в едином государстве — Молдавской Советской Социалистической Республике. Образование Молдавской ССР является актом большой исторической значимости, знаменуя собой торжество ленинско-сталинской национальной политики. Молдавский народ начал строить свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру. При этом обнаружилась полная неразработанность истории Молдавии. В советской исторической литературе нет книги, которая познакомила бы читателя с историей Молдавии с древнейших времен до наших дней.

Одной из трудных, но в то же время очень актуальных тем из исторического прошлого Молдавии посвящается предлагаемое вниманию читателей исследование, которое пред-

ставляет собой первый опыт работы по изучению молдавского феодального общества XV в.

Заканчивая свой скромный труд, я считаю приятным долгом выразить свою глубокую благодарность дирекции Института истории и Славяноведения Академии наук СССР, а также всем лицам, содействовавшим указаниями или дружеской поддержкой появлению настоящего исследования, которое, хочется думать, окажется полезным для моей дорогой республики.

Особенно я не перестаю благодарить счастливый случай, который привел меня, еще молодого и неопытного аспиранта, к академику *В. И. Пичета*, ставшему моим руководителем. *В. И. Пичета*, великому поборнику науки и просвещения, я обязан больше чем это может быть выражено словами. Он дал мне первую научную школу. Ему я обязан горячей любовью к исторической науке, изучающей прошлое нашей великой Отчизны, на благо и процветание которой всю свою жизнь неустанно трудился *В. И. Пичета*.

С чувством глубокой благодарности и признательности отмечаю неоценимую помощь со стороны доктора исторических наук профессора Л. В. Черепнина, которую он оказал мне в написании этой работы.

По техническим соображениям при цитировании источников, буква Ъ — заменяется буквой е, буква і — буквой и, Ө — ф. Титла всюду раскрываются.

Молдавские слова и редкие термины переведены на русский язык. Кроме того, в конце работы дан краткий словарь. В целях наглядности прилагается карта размещения молдавских городов и местечек.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Тема и задачи исследования

Многовековая история Молдавии — это летопись героической борьбы молдавского народа за свою государственную и национальную независимость, это история борьбы трудящихся масс против социально-экономического и национально-политического гнета. Много страданий и лишений перенес молдавский народ, борясь за право свободного существования.

Молдавия, будучи промежуточной территорией между Востоком и Западом, с древнейших времен служила как бы коридором, через который проходили с востока на запад многочисленные кочевые народы. Этот богатый край издавна привлекал внимание кочевников, а прекрасная водная артерия, полноводный Дунай, облегчал их передвижение. Так Молдавская земля с первых веков нашей эры стала полем жарких кровопролитных битв и сражений.

Территория Молдавии испытала нашествия варварских народов: готов, гуннов, аваров, печенегов, половцев, татаро-монголов и других кочевников, которые с огнем и мечом проходили через эту страну, опустошая все, что встречалось на их пути.

В героической борьбе против иноземного ига, за свою родину и государственную независимость, за свой язык, культуру, письменность и религию молдавский народ проявил свои лучшие черты: храбрость и стойкость, выносливость, готовность к самопожертвованию для общего блага. Он научился отличать в борьбе истинных друзей от врагов. Такими неизменными его друзьями явились славянские народы, дружба с которыми скреплена кровью в общей борьбе против иноземного владычества; дружба эта обусловлена также общностью экономических интересов, культуры, обычаев, религии, письменности и т. д.

Молдавский народ неоднократно получал помощь и поддержку от украинского и русского народов. Эта поддержка видна с первых дней основания Молдавского государства и на протяжении всей его истории. Экономическое, культурное

и территориальное сближение молдавского, украинского и русского народов, прочное начало которому было положено еще в раннюю пору их истории, в последующие времена не только не ослабевало, а получило дальнейшее развитие. Мы не ставим себе целью рассматривать здесь этот вопрос, так как данная работа посвящается другой проблеме.

Здесь мы укажем на те мотивы, которыми мы руководствовались при выборе темы, отметим цель исследования, а также коснемся вопроса о степени разработанности изучаемой нами проблемы.

В русской буржуазной историографии нет работы, в которой бы объективно излагалась история Молдавии. Нет такой работы и в иностранной исторической литературе.

Румынская буржуазно-националистическая историография, рассматривавшая Молдавию как колонию боярско-помещичьей Румынии, не ставила перед собой задачи изложения подлинной истории молдавского народа. Более того, румынские буржуазные ученые не осветили правильно даже истории своего собственного народа.

В советской русской и молдавской исторической литературе также нет пока труда, в котором были бы освещены исторические судьбы молдавского народа, веками боровшегося против местных угнетателей и иноземных поработителей. Нет и отдельных монографических исследований, посвященных наиболее важным и актуальным вопросам истории Молдавии.

Неразработанность истории молдавского народа ставит в затруднительное положение начинающего исследователя и заставляет его искать новых, самостоятельных путей для достижения намеченной цели.

В силу указанных причин мы решили избрать ограниченную и посильную тему, от которой можно было бы впоследствии идти дальше в разработке более широких и сложных тем из истории молдавского народа.

В основу данной работы положено изучение с позиций марксистско-ленинской методологии ценнейших источников летописного характера, а также особенно актового материала.

Наше внимание привлекла история социально-экономического и политического строя Молдавии второй половины XV в., история непосредственных производителей аграрной страны — крестьянства. Нас интересовало материальное производство — основа общественной жизни, история орудий труда, производственные отношения, организация государственной власти и другие вопросы феодального развития Молдавии.

«Историческая наука... должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс...»¹, — учит нас И. В. Сталин.

---

¹ История ВКП(б). Краткий курс, 1945, стр. 116.

При выборе темы мы исходили и из ряда соображений источниковедческого порядка. Источники по исследуемому периоду дают достаточный материал, чтобы осветить поставленные вопросы (структуру молдавского феодального общества, место того или другого класса в государстве и т. д.), в то время как по раннему периоду, до XV в., источники почти отсутствуют.

Так, касаясь истории крестьянства, как класса непосредственных производителей, можно проследить, как свободные крестьяне превращаются в крестьян зависимых, работающих на землевладельца. На основе конкретных данных можно представить себе тот социально-экономический строй, который сложился в Молдавии к рассматриваемому периоду и который своими корнями уходит в глубь веков.

Достаточным материалом располагает исследователь и по истории государства второй половины XV в. Молдавское княжество в это время представляло собой самостоятельное, независимое государство, единую компактную территорию без каких-либо обособленных удельных княжеств, под властью единого господаря с государственным аппаратом и собственной канцелярией, во главе которой был великий канцлер — «логофет» и целый штат дьяков. Эти дьяки переписывали издававшиеся господарями хрисовулы — урики — грамоты, которые являются неоценимым источником по изучению и освещению истории социального и политического строя Молдавии.

Вторая половина XV века — время героической борьбы молдавского народа за свою государственную и национальную независимость, эпоха экономического и политического расцвета Молдавского феодального государства. Этот период представляет интерес и в том отношении, что после падения Константинополя (1453 г.) молдавский народ сыграл большую роль в общей борьбе славянских народов против турецкого владычества на Балканском полуострове и берегах Черного моря.

Больше полувека молдавский народ сдерживал натиск турецкого нашествия и успешными освободительными войнами подрывал основы Османской империи — могучего и страшного врага, перед которым дрожала вся Западная Европа. Крупные поражения, подобные нанесенному турецкому войску в 1475 г. Стефаном Великим, показали поработанным славянским народам Балканского полуострова, что господство Османской империи недолговечно и что требуется только их сплочение, чтобы сбросить с себя турецкое иго.

Пятнадцатый век, особенно его вторая половина, имеет и то огромное значение для истории Молдавии, что в силу ряда причин экономического и политического характера, в это время обнаруживаются более ярко тенденции складывания Молдавского национального государства.

Таковы те общие соображения и аргументы, которыми

руководствовался автор при выборе данной темы, сделанном при содействии и участии его куратора — выдающегося советского ученого историка-слависта академика В. И. Пичета. Последний оказывал неоценимую помощь автору в работе, так же, как и профессор Л. В. Черепнин.

Цель настоящего исследования — осветить с единственно правильных марксистско-ленинских позиций социально-экономическое и политическое развитие Молдавии во второй половине XV века, и тем самым опровергнуть лживые утверждения ряда буржуазных авторов, искажающих действительность XV в.

Таким образом, решение поставленной проблемы важно для советской исторической науки в целом и особенно для истории Молдавии, в которой эта тема совершенно не разработана. Удачное решение данной задачи даст возможность опровергнуть необоснованные, лживые «теории» румынских буржуазных ученых-националистов Йорга, Журску, Филитти и других, отрицавших наличие феодализма в Дунайских княжествах Валахии и Молдавии.

2. Обзор источников

Остановимся теперь на источниках, которые легли в основу предлагаемой работы. Они сохранились в недостаточном количестве.

Вследствие татарских набегов, нападения турок и особенно в результате частых феодальных усобиц, многие исторические памятники были уничтожены.

Источники, которые нам удалось разыскать, представляют собой большую научную ценность. Они до сих пор не разработаны и не использованы исследователями и дают богатый материал для дальнейшей научной работы. Эти источники позволяют осветить историю Молдавии второй половины XV в.

Важнейшим источником, который лег в основу нашей работы, явились сборники подлинников и копий с опубликованных грамот, договоров, актов и частично архивный материал. Были использованы нами и источники повествовательного типа, о которых речь будет идти ниже.

Первые местные источники исторического характера, не считая грамот, относятся к началу XV в. и принадлежат таким молдавским монастырям, как Быстрица, Путна, Нямец и др. Это в основном синодики, содержащие хронологические данные о молдавских господах, духовных лицах и других представителях господствующего класса.

С течением времени начали появляться в Молдавии первые молдавские летописи на славянском языке, именно на том языке, на котором писались исторические памятники в Киевской и Галицкой Руси. Славянский язык был официальным государ-

ственным языком с момента упоминания в источниках Молдавского княжества до 30—40-х годов XVII века, когда молдавский господарь Василий Лупу (1634—1654) заменил его молдавским языком.

Наиболее древней является Быстрицкая летопись, охватывающая период с 1359 по 1506 г.г. Она содержит в основном факты и события внешнеполитического характера, а также дает материал по генеалогии молдавских господарей. На такого рода летописях мы будем останавливаться очень кратко, освещая подробнее те источники, которые для нашей темы представляют большую ценность. Примерно такого же содержания, но значительно полнее, и хроника Стефана Великого, охватывающая события 1457—1499 г.г. Долгое время она оставалась неизвестной, пока ее не обнаружил в г. Мюнхене польский ученый О. Гурка. Отметим далее Путнянскую летопись, которая была скопирована монахом Исаем из монастыря Слатина; в ней события доведены до 1525 года. По своему содержанию эта летопись несколько отличается от предыдущих. В ней много подробностей о самом монастыре Путна, о его внутренней жизни, организации и т. д., а также имеется большой легендарный материал. Можно назвать еще две хроники: одна из них, анонимная, представляет собой копию Путнянской летописи, вторая — молдавско-польская, написанная на польском языке на основе молдавских хроник и доводящая события до 1566 г.

Хроника Стефана Великого, как установлено исследователями, была продолжена тремя монахами: Макарием до 1551 г., Ефтимием до 1554 г. и Азарием до 1571 г. Памятник носит имя последнего хрониста.

Названные летописи имеют религиозный отпечаток и написаны под сильным польским влиянием, но они ценны тем, что дают материал о молдавских господарях, сообщают их генеалогию и жизнеописания. При сравнении друг с другом хроники оказываются неточными и противоречивыми. Две хроники одного и того же периода трактуют факты и события по-разному.

Первый молдавский хронист — Григорий Уреке (1590—1647). Он получил хорошее образование, учась еще с детства в Польше. Польша еще в XVI в. была тем центром, где сыновья высшей молдавской аристократии получали свое образование. К началу XVII в. в Молдавии существовала партия бояр и дворян-помещиков, питавшая симпатию к Польше. Сыновья крупных бояр и помещиков учились в Кракове, во Львове, Каминице, Баре и т. д.

После возвращения к себе на родину, в Молдавию, Уреке занимал видные посты в государстве. Он был великим ворником, спатарем (меченосцем) и т. д. Хроника Григория Уреке

охватывает факты и события 1359—1595 г.г. и именуется «Летопись господарей земли Молдавской и их жизнеописание». Эта летопись в большей своей части посвящена таким господарям, как Стефан Великий, Петр Рареш, Александр Лапушнян, Деспот-Воевода, Петр Хромой, Арон Тиран и др.

Хроника Григория Уреке не сохранилась в подлиннике и дошла до нас в копии Семена Дяка. Ввиду того, что копия содержит много неточностей, трудно определить весь круг источников, которые легли в основу труда Григория Уреке. Автор в своей хронике упоминает имена многих хронистов, писавших, как нам известно, до него. Так, автор упоминает венгерского хрониста при дворе Матвея Корвина, итальянца Бонфиниуса Антонио (1427—1502)). Достаточно ярко в летописи Григория Уреке обнаруживается влияние хроники Иоакима Бельского. Немало можно найти заимствований из Длугоша, Кромера и других хронистов, которые дают материал в основном по внешне-политической истории Дунайских княжеств. В общем Григорием Уреке были использованы как предыдущие молдавские летописи, так и древние надписи, наконец, сообщения иностранцев, побывавших в Молдавии.

Хроника Григория Уреке написана под сильным польским влиянием и носит на себе глубокий отпечаток симпатий автора к Польше — стране, где он получил свое первое образование. Поэтому она отличается полонофильским духом.

Эта хроника выделяется из остальных своей тенденциозностью и отпечатком феодально-дворянского «национализма». Автор особенно подчеркивает римское происхождение молдаван: «От Рима мы приходим и с их речью смешан наш язык», — пишет Г. Уреке. Эту мысль Уреке особенно подхватили такие румынские буржуазные националисты, как Логин, Йорга и др.

Хроника Г. Уреке к тому же полна ошибок и неточностей. Несмотря на то, что она выдержала несколько изданий (М. Когальничану, К. Журеску), эти явные ошибки продолжали оставаться неисправленными, внедрялись в румынскую историографию и передаются от одного автора к другому. Так, например, хронист, восхваляя ратные подвиги господаря Стефана Великого, говорит, что от руки последнего при набеге на Молдавию погибли Лобода и Наливайко. Некоторые же даже наиболее крупные буржуазные историки Румынии, как А. Ксенополь и другие, некритически подойдя к источнику и не проверив факты, выдавали их за историческую действительность. Приведенный выше факт был позаимствован у Григория Уреке А. Ксенополем, который воспользовался им с одной стороны с целью преувеличить роль и значение Стефана Великого, который якобы покорял и побеждал всех своих соседей, в том числе и украинцев, и с другой, показать

вражду между украинским и молдавским народами. Иначе нельзя расценить намерение А. Ксенополя, ибо трудно поверить, чтобы он мог смешать факты и события и ошибаться на целое столетие.

Жизнь и деятельность Стефана Великого в основном падает на вторую половину XV в. Григорий Лобода и Наливайко были руководителями казачьих и крестьянских восстаний на Украине против шляхетской Польши, угнетавшей украинский народ. Их деятельность хронологически не совпадает с жизнью Стефана Великого и относится к гораздо более позднему времени. Итак, во-первых, Лобода и Наливайко не совершали набегов на Молдавию, и, во-вторых, никак не могли «погибнуть от руки Стефана Великого», который умер еще в 1504 г. т. е. почти на сто лет раньше действительной смерти Лободы (1596 г.) и Наливайко (1597 г.) Это далеко не единственный случай смешения исторических фактов и дат, это только один из примеров.

Вот почему требуется исключительно критическое отношение к хронике. Г. Уреке как источнику, а также и к основанной на ней румынской исторической литературе, которая нуждается в строгой проверке.

Хотя летопись Григория Уреке считается историками «древнейшим» и наиболее полным по количеству фактов и событий памятником по истории Молдавии, она не может удовлетворить нас и по той простой причине, что эта хроника написана им спустя почти двести лет после того времени, которое подвергается нами исследованию.

Правда, мы не прошли мимо летописи Г. Уреке, и она использована в нашей работе, однако, она не могла лечь в ее основу, а заимствованный нами оттуда материал сверялся с достоверными источниками, вышедшими из господарской канцелярии и относящимися непосредственно к интересующему нас периоду, — ко второй половине XV в.

Продолжателем Г. Уреке явился другой хронист Молдавии — Мирон Костин (1633—1691). Мирон Костин, проживший около двадцати лет в Польше, получил хорошее для того времени образование. Вернувшись в Молдавию из гор. Бар, где он учился, хронист занимал видные должности при господарском дворе. Он был великим ворником, а затем великим логофетом. Мирон Костин, еще будучи в Польше, писал отрывки будущих своих произведений, а также делал наброски своей хроники.

Мирон Костин написал хронику Молдавии и Валахии (1677 г.) и историю Молдавии и Валахии в стихах на польском языке (1684 г.).

Основной же работой М. Костина, которая должна быть использована как исторический источник, является «Летопись

страны Молдавской от Арона-Воеводы». Эта летопись, охватывая 1594—1691 гг., является продолжением и пополнением хроники Г. Уреке. М. Костин знал польские источники, которые легли в основу работы Г. Уреке, а также местные хроники, писавшиеся в Молдавии до него. С 1661 года источником хроники Костина послужило «то, что он сам видел и слышал», как говорит сам летописец. Его хроника подробна, написана живым и красочным языком и во многих отношениях превосходит все появившиеся до него труды подобного типа, в том числе и летопись Г. Уреке. Хроника М. Костина помещена в общем сборнике молдавских летописей под редакцией М. Когальничану. В этот сборник включена и хроника другого летописца Молдавии, сына М. Костина — Николая Костина (1660—1712). Николай Костин, прошедший хорошую школу в семье, задумал более широкий план написания хроники, которого, однако, ему так и не удалось осуществить до конца. Его летопись, в основу которой положена хроника Г. Уреке и М. Костина (отца), охватывает время «от сотворения мира» и до 1601 года. Несмотря на широко задуманный первоначальный план, Н. Костин переносит свое главное внимание на описание жизни и деятельности господаря Молдавии Н. Маврокордато. По языку и стилю Н. Костин сделал шаг назад по сравнению со своим отцом.

До некоторой степени продолжателями Н. Костина, а большей частью компиляторами его трудов, явились Н. Кипариса, Н. Мустя, А. Амирас и другие, суждения которых не представляют особого исторического интереса.

Не останавливаясь подробно на источниках, которые не дают нам непосредственно материала для нашей работы, все же отметим еще одного продолжателя Николая Костина, — Иона Некулче (1672—1745).

Его хроника также входит в сборник молдавских летописей и имеется в трех отдельных изданиях. Она отличается насыщенностью содержащегося в ней материала и стройностью изложения.

Все указанные хроники, написанные представителями господствующего феодального класса бояр и помещиков, освещают интересы этого класса. Поэтому совершенно не случайно, что все хронисты описывают роскошную жизнь феодалов и господарского двора, а не жизнь трудящихся масс. К тому же эти хроники написаны без особого плана и часто повторяют или просто копируют друг друга.

С деятельностью Иона Некулче совпадает жизнь и творчество крупного государственного деятеля того времени, ученого эрудита, молдавского господаря Дмитрия Кантемира (1673—1723). Литературное наследство Кантемира огромно. По широте и глубине знаний, по своему кругозору, по при-

влечению источников в своих работах Кантемир не имеет себе равных среди всех предыдущих хронистов, не исключая и И. Некулче.

Кантемир был высокообразованным человеком, хорошо знавшим историю своей страны — Молдавии и сопредельных с ней стран. Он знал старо-славянский, русский, греческий, латинский, турецкий, арабский, французский, итальянский, польский и персидский языки. Если предыдущие летописцы получали свое образование в Польше, то Кантемир учился в Константинополе. Он впитал в себя три культуры: восточно-славянскую — русскую, греческую, латинскую.

Дмитрий Кантемир оставил после себя множество работ, касающихся различных областей науки и искусства.

Он написал работы по логике, этике, метафизике и др. Он составил историю Оттоманской империи, которая до сих пор не потеряла своей научной ценности для изучения истории Турции и была переведена на три европейских языка: немецкий, английский и французский. Имя Кантемира было известно не только в Европе, но и далеко за ее пределами. Основной и главнейшей работой Д. Кантемира по истории Молдавии является Описание Молдавии, законченное в 1716 г. Впервые оно было напечатано на немецком языке в 1769—1770 гг., затем на английском и французском, а в 1789 году было переведено с латинского на русский язык. Дмитрий Кантемир оставил очень подробную карту Молдавского княжества, которая представляет собой большую научную ценность для изучения Молдавии XVII—XVIII вв. Здесь проявились его глубокие знания во многих областях науки, главным образом истории и географии.

Дмитрий Кантемир, опираясь в своей работе на большое количество местных и иностранных источников, выступил против «писателей басен», которые свои хроники составляли на основе непроверенных рассказов, а сами ничего не видели и не слышали. Он подчеркивал необходимость иметь историю своей страны, основанную на точных данных, и сам горячо принялся за это великое дело.

Объемистый и интересный труд Д. Кантемира, охватывающий тридцать одну главу и затрагивающий большое количество важных проблем, дает, однако, очень мало материала по истории трудящихся масс страны.

Крестьянство не нашло себе места в работе автора, так как он сам признается, что оно ему незнакомо. Но зато «молдавскому шляхетству», — господствующему феодальному классу, — Д. Кантемир посвящает специальную XV-ю главу, в которой дает богатый документальный материал для его характеристики. Остальные тридцать глав работы Д. Кантемира посвящаются самым разнообразным вопросам: геогра-

фии, политической и экономической истории Молдавии, этнографии и т. д., вплоть до молдавского алфавита.

Все упомянутые и рассмотренные нами выше источники писались и появились в большинстве случаев по собственной инициативе авторов и реже вследствие поручений некоторых молдавских господарей, сознававших необходимость вести летописание и освещать отдельные исторические факты и события.

С приходом к власти в Молдавии в самом начале XVIII в. (1711) турецких ставленников — греческих фанариотов², турецкий феодальный гнет еще больше усилился. XVIII век является самым тяжелым периодом в истории Молдавии. Несомненно, что это отразилось и на духовной жизни страны. После Д. Кантемира, который вынужден был после ожесточенной и безуспешной борьбы с турками покинуть Молдавию и переселиться в Россию, начинается период упадка молдавской национальной культуры. За последующие сто лет не появляется больше в Молдавии ни одной хроники.

Целый век молдавский народ оставался под владычеством фанариотов, но он не терял надежды освободиться от него с помощью русского народа, армия которого не раз боролась против турецкого господства на Балканском полуострове и берегах Черного моря. И этот долгожданный день для молдавского народа настал. В 1812 г. по Бухарестскому мирному договору между Турцией и Россией Бессарабия, — территория между Прутом и Днестром, — была освобождена от турецкого гнета и присоединена к России.

Экономический рост Бессарабии после ее присоединения к России способствовал развитию культуры молдавского народа. Отмечая положительное влияние России, Ф. Энгельс в письме к К. Марксу писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Россия играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей»³. С этого времени расширяется круг источников по истории Молдавии.

Первая мысль о необходимости собирать, систематизировать и издавать исторические, археологические, лингвистические и другие источники по истории Придунайских княжеств принадлежит одному из «крупных государственных деятелей дореформенной, крепостной России»⁴, графу П. Д. Киселеву. После русско-турецкой войны и Адрианопольского мира (1829 г.), он был назначен правителем Придунайских княжеств Молдавии и Валахии и получил от русского прави-

---

² Фанариоты — греки из предместья Константинополя Фанары, ставленники Турции, откупщики налогов и купцы.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

⁴ Н. М. Дружинин, Социально-политические взгляды П. Д. Киселева, ж. «Вопросы истории», № 2—3, 1946, стр. 33.

тельства «официальный мандат на преобразовательную деятельность»⁵.

Мысль П. Д. Киселева о публикации источников была оформлена специальным приказом, по которому была создана «литературная, историческая и археологическая комиссия, имевшая своей задачей заняться сбором, систематизацией и изданием археологических, исторических и других источников, освещающих историю, географию и другие вопросы прошлого княжества»⁶. Ряд историков княжеств откликнулись на это начинание П. Д. Киселева, среди них следует отметить Ф. Арона, М. Когальничану, Н. Балческу, А. Лауриана и др., подчеркнувших необходимость разыскивать и издавать источники, «которые до этого страдали в потемках неизвестности».

Первый сборник источников (грамот и актов) по истории княжеств принадлежит русскому ученому, слависту-болгароведу Ю. Венелину⁷. Сборник источников Ю. Венелина вышел на один год раньше сборника «Архива Румынскэ» (1841) и на пять лет раньше «Исторического магазина для Дакии» (1845).

Появлению в свет источников способствовали как румынские ученые, так особенно русские, которые намного раньше румынских исследователей осознали необходимость приведения в надлежащий порядок и публикации подлинников и копий источников. Копии грамот и других разновидностей актового материала увидели свет как в общих изданиях, так и в отдельных сборниках источников благодаря источниковедческой деятельности Я. Ф. Головацкого⁸, Н. Мурзакевича⁹, В. А. Ульяницкого¹⁰ и др. Особенно следует отметить деятельность двух буржуазных ученых славистов, проводивших колоссальную работу по изданию рукописных источников княжеств,— русского ученого А. И. Яцимирского¹¹, издавшего не-

⁵ Н. М. Дружинин, Социально-политические взгляды П. Д. Киселева, ж. „Вопросы истории“, № 2—3, 1946, стр. 33.

⁶ F. Aron, Manual de istorie principatului României, Bucuresti, 1839, p. 206.

⁷ Ю. Венелин, Влахо-болгарския или дако-славянския грамоты, СПб., 1840.

⁸ Я. Ф. Головацкий, Грамоты угро-влахийския и молдавския. В летописи занятий археографической комиссии за 1856—66 гг., СПб., 1868.

⁹ Н. Мурзакевич, Записки Одесского общества истории древностей Российских, Одесса, 1850; 1853, т. III, 1863, т. V и др.

¹⁰ В. А. Ульяницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XV в. в., Москва, 1887.

¹¹ А. И. Яцимирский, Дарственные, жалованные, льготные и подтвердительные грамоты молдавских господарей XV века, Москва, 1907 г. (Труды славянской комиссии, т. IV).

А. И. Яцимирский, Славянския и руския рукописи румынских библиотек (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук т. XXIX, СПб. 1905

сколько сборников документов по истории Молдавии и Валахии и румынского — Иоана Богдана¹².

К отмеченной выше группе источников относятся также 28 копий славянских документов по истории княжеств XV—XVII вв., обнаруженных П. А. Сырку¹³ в городских архивах Сибины, Брашова и Брюкентальского музея в г. Сибине, документы, помещенные в отчетах императорской Академии¹⁴, а также краткие известия о Молдавии, о молдавских городах и господарях в русских летописях¹⁵.

Число рассмотренных нами копий грамот, договоров и прочего материала, непосредственно относящегося ко второй половине XV в. или близко к этому времени, превышает три тысячи, не считая источников летописных и пр.

Из помещенных в сборниках копий различных актов их подавляющая часть вышла из господарской канцелярии в гор. Сучаве, столице Молдавии. Кроме того, в сборниках имеются документы ряда молдавских и иностранных городов, а также отдельных молдавских монастырей. В этих сборниках можно встретить копии грамот, договоров, переписку, хрисовулы и т. п., многих городов, к числу которых относятся Сучава, Яссы, Быстрица (монастырь), Роман, Бырлад, Баков, Молдавица (монастырь), Васлуй, Нямец, Путна, Хырлов, Хушь, Бадеуц, а также Венеция, Тырговиште, Вильно, Краков, Львов, Люблин и др.

Издание господарских грамот имело место не только в столице Молдавии, а и в ряде господарских резиденций (Яссы, Васлуй и др.) и других городах Молдавии, расположенных в разных частях страны. Это очень важно для нас, во-первых, потому, что многие грамоты касаются частных землевладельцев разных районов страны. Поэтому мы имеем возможность ознакомиться не с отдельной местностью, прилегающей непосредственно к столице Молдавии — Сучаве, а перед нами представляется страна в целом. Это важно и потому, что дает нам возможность осветить положение крестьянства всей страны.

Наконец, представленные в документах иностранные го-

А. И. Яцимирский, Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII в.в., СПб., 1906.

А. И. Яцимирский, Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 (Ж. М. Н. П. — № 5), 1909 г.

А. И. Яцимирский, Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи, СПб., 1901 г. и др.

¹² J. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I-II, București, 1913.

¹³ П. А. Сырку, Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами, СПб., 1906.

¹⁴ Отчет императорской Академии наук за 1893 г., СПб., 1894.

¹⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку, (ПСРЛ), т. VII, СПб., 1856.

рода важны для нас в смысле установления экономических, политических и торговых связей Молдавского княжества с другими государствами, так как нами делается первая попытка осветить жизнь молдавского города второй половины XV в., история которого вообще до сих пор не подвергалась исследованию.

Рассмотренная выше группа источников, в том числе и сборник документов И. Богдана, охватывает копии документов, рисующих социально-экономический и политический строй Молдавии рассматриваемого нами периода времени. В этой группе источников содержатся: грамоты жалованные, подтвердительные, купчие, меновые, льготные, несудимые, тарханные (иммунитетные), бенефициальные, оброчные, торговые привилегии, докончальные, сговорные (приданные), духовные, рядные, договоры, переписка с иностранными державами и т. д. Эти важнейшие источники для изучения феодального строя и истории трудящихся масс княжеств игнорировались буржузными учеными Румынии.

Напротив, нам этот вид источников, привлеченных для освещения социально-экономического и политического строя Молдавии определенного отрезка времени, представляется самым содержательным и ценным. Поэтому данная группа источников явилась основной базой почти всей нашей работы; они прольют новый свет на тот отдаленный период истории Молдавии, который до сих пор так мало изучен.

Если учесть и такой, к сожалению, печальный факт, что Дунайские княжества — Молдавия (1646) и Валахия (1601) только с XVII в. имеют свои писанные законы, регулирующие правовые нормы молдавского и валашского феодального общества, а до этого времени у них не было ничего похожего на юридические сборники типа Русской Правды или Винодольского закона, то ценность этих источников увеличится в наших глазах еще больше. Кроме того, станет ясно, насколько трудным представляется изложение правового положения населения Молдавии и насколько ценны господарские грамоты и актовый материал, составляющие вместе «конституцию» Молдавии в тот отдаленный от нас период истории, когда все права жителей Молдавии и управление страной основывались на обычном праве — «обычае земли». Это право издавна сложилось здесь и передавалось из поколения в поколение.

Вполне естественно, что в основу нашей работы должны были лечь неиспользованные еще копии и оригиналы источников, непосредственно относящихся к тому времени, которое подвергалось нами исследованию, а не легендарный и полный ошибок и неточностей материал молдавских летописей. К тому же, как было отмечено выше, летописи писались позднее второй половины XV в., в течение продолжительного вре-

мени, измеряющегося веками. Не могли также лечь в основу нашей работы относящиеся к XVII—XVIII вв. сочинения П. Алепского¹⁶, Д. Кантемира, Н. Бантыша-Каменского¹⁷ и др., которые считались румынскими учеными ценнейшими источниками по ранней истории княжеств. Ценность этих работ мы ничуть не умаляем, однако, они имеют значение для характеристики только того времени, к которому относятся.

Таким образом, поставив для разрешения новую, актуальную и интересную проблему, мы применяем основной и самый надежный, единственно правильный марксистско-ленинский метод исторического исследования, метод классового анализа и критики источников, относящихся к изучаемому нами времени. Этот метод, воспринятый нами от наших учителей, коренным образом отличается от приемов школы румынских буржуазных историков, которые пошли по линии наименьшего сопротивления, положив в основу своих работ метод ретрогрессии — попятное движение от исследованных и достаточно известных позднейших источников к более ранним явлениям и фактам. Этот последний метод очень часто ведет к необоснованным выводам и обобщениям. Поэтому не удивительно, что до последнего времени продолжало существовать в румынской буржуазной историографии, как отмечено выше, такие, например, утверждения, что якобы в XV в. жили Наливайко и Лобода, и другие небылицы. Хронист XVII в. написал это потому, что за несколько лет до того Лобода и Наливайко были известны, как руководители крестьянского восстания. А кто был летописец? Крупнейший землевладелец, великий ворник, великий логофет при господарском дворе, ему нужно было опорочить Лободу и Наливайко, сказав, что они погибли при набеге на Молдавию, но он ошибся на сто лет, указав, что они действовали в XV в.

Этот порочный метод работы румынских буржуазных историков над источниками привел их к серьезным искажениям исторической действительности, к отрицанию целых социально-экономических формаций. Этот метод работы буржуазных историков Румынии — К. Журеску, И. Филитти и других, рассматривающих историю княжеств до XVII в. на основе источников летописного характера XVII в. и более позднего времени, несомненно, вырывает явления до XVII в. из конкретной исторической обстановки.

Мы назвали основные источники, которые привлечены в нашей работе и послужили отправным пунктом для дальнейшего нашего исследования. Их пришлось не без труда разыскивать и выявлять в московских, кишиневских и черновицких

---

¹⁶ П. Алепский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII в., Вып. 1, М., 1896.

¹⁷ Н. Бантыш-Каменский, Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, М., 1810.

библиотеках, книгохранилищах и архивах. Далее необходимо было привести их в надлежащий порядок и классифицировать по времени, по степени их важности и полноте содержания и на их основе, с единственно правильных марксистско-ленинских позиций, осветить историю молдавского народа второй половины XV века.

Нами кратко изложен метод работы над источниками, являющийся прямой противоположностью методу работы над источниками историков румынской буржуазной исторической школы.

3. Историография вопроса

Отметим прежде всего незаменимый и первостепенный теоретический источник, который лег в основу нашей работы, как краеугольный камень, дал нам единственно правильную руководящую методологию, освещавшую наш путь, избавившую нас от блуждания в потемках неизученного далекого XV в., позволившую решить многие неясные вопросы и более смело и уверенно идти вперед к намеченной нами цели.

Этот теоретический источник — бессмертные произведения основоположников марксизма-ленинизма.

Классические труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина не только содержат богатый материал для освещения исторического прошлого и настоящего молдавского народа, но дают нам ключ для решения целого ряда вопросов как неизученных, так и запутанных, извращенных представителями буржуазной исторической науки.

Этот первостепенный по своему значению источник теоретического характера дает классический, исчерпывающий ответ на многие вопросы, поставленные в нашей работе, и служит прекрасной опорой для подкрепления тех наблюдений, которые нам пришлось сделать в процессе исследования. Этот источник служит также прекрасным материалом для опровержения ложных утверждений реакционных румынских буржуазных историков, утверждений, ничего общего не имеющих с исторической действительностью.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин уделяли много внимания и проявляли большой интерес к истории Дунайских княжеств. Отдельные высказывания основоположников марксизма-ленинизма служат основными вехами для освещения всех этапов исторического пути молдавского народа и основой дальнейшего развития молдавской исторической науки.

Маркс и Энгельс не только уделяли большое внимание истории Дунайских княжеств, а их примером иллюстрировали и историю других народов. Известно, что жадность и стяжательство боярина Дунайских княжеств ставятся Марксом на-

равне с ненасытной жадностью фабриканта-капиталиста в присвоении прибавочного труда. А данные о положении крестьянства в княжествах послужили классическим материалом для отдельных глав «Капитала» Маркса.

Таковы вопросы о возникновении крепостничества чисто экономическим путем, об общине Дунайских княжеств и тех признаках, которые отличают ее от других типов общины: славянской и индийской формы. Маркс показал с исключительной глубиной процесс закрепощения крестьянского труда в Валахии и Молдавии: «Этот ход развития интересен тем, — пишет Маркс, — что тут (в Валахии и Молдавии — Ф. Г.) можно показать возникновение крепостничества чисто экономическим путем без промежуточного звена в виде завоевания или антагонизма двух племен»¹⁸.

К. Маркс показал впервые, как в истории Дунайских княжеств духовные и светские сановники экспроприировали общественные земли и закрепостили крестьянский труд, при чем этот процесс происходил задолго до юридического оформления крепостного права.

Указанные строки являются лучшим ответом представителям буржуазной румынской историографии, которые рассматривают эти сложные и интересные проблемы мимоходом и оторванно от общего хода исторического процесса. Между тем, уже в XV в. можно проследить закрепощение крестьянского труда, при чем этот, трудно уловимый на коротком протяжении времени — второй половины XV в., процесс, несомненно, начавшийся значительно раньше. Однако об этом речь будет идти впереди. Сейчас остановимся на историографии изучаемого нами вопроса.

Говорить о какой-либо историографии в буквальном и строгом смысле этого слова не приходится, так как ее нет, если не считать трех-четырёх работ буржуазных румынских ученых, которые попутно затрагивали то прямо, то косвенно эту проблему. Не говоря уже о работах, посвященных отдельным специальным вопросам, мы должны констатировать, к сожалению, тот печальный факт, что в советской молдавской и русской исторической литературе пока, как было отмечено ранее, нет даже книги, которая на основе марксистско-ленинской методологии хотя бы в общих чертах познакомила читателя с историческими судьбами молдавского народа с древнейших времен до наших дней, с его вековой борьбой против иноземных поработителей. А, между тем, потребность в такой книге очевидна и несомненна.

Нет такой работы и в иностранной исторической литературе. Представители румынской буржуазной исторической науки,

---

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 161.

выражая интересы своих господ, не ставили перед собой задачи дать объективную историю Молдавии.

Тем более они, из страха перед революционными силами, таящимися в массах, боялись показать историю своего собственного народа. Румынская буржуазия и ее правящие круги преследовали всякое проявление прогрессивной мысли, подвергали гонению носителей передовых идей. Н. Балческу за свои острые и революционные строки, направленные против крупной собственности, был сослан и умер в изгнании в Палермо.

Тем более нельзя говорить об историографии какой-то специальной проблемы. Наша работа является первой попыткой изложить отдельные вопросы из истории Молдавии второй половины XV в. в свете указаний классиков марксизма-ленинизма.

Советские историки все больше и глубже овладевают теорией марксизма-ленинизма — самым острым и надежным оружием против всех и всяких фальсификаторов истории.

Отдельные наши расхождения в точках зрения с некоторыми авторами общих старых и новых работ рассматриваются и излагаются нами в каждом отдельном случае в соответствующем месте. Однако мы не можем и не должны обойти молчанием иностранную историческую литературу, в первую очередь румынскую, которая затрагивает историю Молдавского княжества и касается некоторых вопросов нашей темы. Поскольку румынские буржуазно-националистические историки и юристы (Йорга, Журеску, Филитти и др.) писали не только о Валахии, но частично и о Молдавии, перенося на молдавскую почву необоснованные факты и явления, искажая историческую действительность, постольку мы не можем оставаться пассивными созерцателями, не можем быть безразличными к точке зрения этих авторов и соглашаться со всем тем, что они нам преподносят. Мы не должны забывать то положение классиков марксизма-ленинизма, что наука является классовой, партийной и что на идеологическом фронте идет жесткая борьба. Румынские буржуазно-националистические историки, эти наемные приказчики буржуазии, писали в интересах того класса, на службе у которого они находились, отражая его взгляды. Поэтому лучшим критерием, определяющим направление, взгляды того или другого автора, является время, когда писалась та или иная работа, причины, которые ее вызвали, интересы, которые защищает в этой работе автор.

Нам хотелось бы отметить лишь те основные «течения» и «теории» румынской буржуазной историографии, которые имеют отношение к ряду вопросов по истории Молдавского княжества вообще и к нашей теме в частности, и отметить те основные проблемы, которые выдвинуты в ходе развития историографии и поставлены теперь на очередь для разрешения.

Как явствует из рассмотренной нами общей и специальной румынской исторической литературы, авторы которой касались вопроса о феодализме или только употребляли это слово, далеко не все историки и юристы в Румынии одинаково представляют себе феодализм, как определенный тип производственных отношений, присущий человеческому обществу на известной стадии его развития.

Известный валашский революционер-демократ Н. Балческу, впервые в истории княжеств употребивший в первой половине прошлого столетия слово феодализм, выступал в своих работах против феодальных порядков, которые основывались на крупной собственности и эксплуатации человека человеком.

Однако феодализм в понятии Н. Балческу — не система производственных отношений, не социально-экономическая формация, сложившаяся в процессе исторического развития, не естественно-исторический процесс, а явление политическое, которое было введено двумя «принцами» — Михаилом Храбрым в Валахии и Василием Лупу в Молдавии.

«С тех пор, от Михаила Храброго, — говорит Н. Балческу, — страна разделилась на два противоположных, враждующих лагеря, имеющих противоположные интересы».¹⁹ Ясно, что это мнение Н. Балческу является ошибочным, ибо появление классов и противоположность их интересов не может датироваться XVII веком. Точно также нельзя согласиться с его ошибочным утверждением, что крепостничество является результатом юридических актов двух господарей. В процессе изложения фактического материала мы можем убедиться, что процесс закрепощения крестьян шел и в XV в. и раньше. Это ошибочное утверждение Н. Балческу наложило глубокий отпечаток на последующую историографию, в частности, на труды Р. Россети, Г. Ташка, И. Филитти и других, и способствовало созданию целой «теории».

А. Д. Ксенополь понимает феодализм, как нечто подвижное, переходящее из одной страны в другую, а не как сложившиеся производственные отношения в конкретной стране, на ее собственном фундаменте, не как внутренний закономерный исторический процесс, а как заимствованную извне, из западно-европейских стран (через Венгрию), политическую систему.

Деятельность румынских историков Н. Йорга, И. Филитти, К. Журеску, Г. Ташка и других относится к эпохе империализма, и это определило их буржуазно-националистическое реакционное направление. Поэтому румынские буржуазные историки ревниво, хотя и без оснований, стараются навязать читателю мысль о своеобразии исторического пути развития

---

¹⁹ N. Balcescu, *Scrituri istorice*, p. 1 l.

Дунайских княжеств. Румынская буржуазная историография, особенно Н. Йорга и его «школа», отрицает наличие феодализма в прошлом княжеств. Не касаясь всех последователей этой «теории» в румынской буржуазной исторической науке, отметим, что кроме Н. Йорга, в работах которого красной нитью проходит эта «теория», она нашла благоприятную почву в трудах К. Журеску и И. Филитти.

Вышедшая в 1945 году книга Л. Патрашкану «Век социальных движений 1821—1907 гг.» порочна и вредна: она написана с позиций географического материализма. Автор игнорирует марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях вообще и о феодальной в частности. Л. Патрашкану, коснувшись вопроса о феодальном производстве, разделил его на две самостоятельные формации.

«Феодализм появляется в княжествах, — пишет Л. Патрашкану, — вскоре после их образования, а начало его ликвидации приходится на середину XVIII века. После 1749 г., вплоть до 1864 г., около столетия, румынский народ жил не под феодальным, а под крепостным режимом, что не одно и то же. Это два самостоятельных режима». Это утверждение противоречит указаниям классиков марксизма-ленинизма по вопросу об общественных формациях.

Непосредственно с вопросом о феодальном землевладении в княжествах, с утверждением Йорга, Филитти и Журеску о том, что якобы здесь не имели места формы, подобные западной сеньерии или русской вотчине, связана другая «теория»: о возникновении крепостничества и барщинного труда в княжествах. Мы привели ошибочное мнение по этому вопросу Н. Балческу, считавшего, что крепостничество и барщинный труд — результат уложений Михаила Храброго и Василия Лупу. Это утверждение очень живуче в работах Р. Росетти, И. Филитти, Г. Ташка и др. Р. Росетти говорит, что господам одним росчерком пера ввели крепостничество в княжествах, а до этого времени крестьянство жило очень хорошо, и период до XVII в. «является самым счастливым временем в истории крестьянства»²⁰ потому, что «интересы крестьянства были те же, что и у господствующего класса».²¹

Аналогичные суждения высказывает и И. Урсу в своей книге «Стефан Великий».²²

«Жители сел были закрепощены только Михаилом Храбрым, — говорит Р. Росетти далее, — и его документ о закрепощении крестьян является прекрасным доказательством, что до того крестьяне не были закрепощены, ибо если бы они были

²⁰ R. Rosetti, *Pamântul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907* p. 233-234.

²¹ Там же, стр. 234.

²² I. Ursu, *Ștefan cel Mare, București, 1925*, p. 341.

крепостными ранее, не было бы нужды еще раз их прикреплять к земле»²³.

Еще более наивными кажутся измышления румынского историка Г. Ташка, который своей работой, вышедшей в 1937 году, шагнул на целый век назад по сравнению с ошибочными строками о крепостничестве Н. Балческу.

Г. Ташка в своей работе «Как эволюционизировала барщина от начала ее введения и до сегодняшнего дня» говорит: «Барщина появляется очень поздно, только ко второй половине XVII в. и особенно в начале XVIII в., и существует по сегодняшний день»²⁴.

«До Михаила Храброго, — продолжает тот же автор, — крестьяне, сидящие на боярских землях, не обрабатывали барщину, а давали только десятину».²⁵

«Теория» румынских буржуазных историков о том, что барщина была введена в XVII в. и особенно в XVIII в., является абсолютно неверной. В процессе дальнейшего изложения станет ясно, что барщина, как и другие формы феодальной земельной ренты, имела место в истории княжеств не только в XV в., но и значительно ранее.

Из приведенных выше заявлений представителей буржуазной румынской историографии можно было прежде всего убедиться, что они не дают решения таких актуальных проблем, как, например, о феодальном социально-экономическом строе в истории Дунайских княжеств, а скорее осложняют их. Во-вторых, ясно, что те две «господствующие» «теории», которых придерживалась румынская буржуазная историография, являются по сути одной «теорией», которая, как необоснованная источниками и лишенная объективности, будет опровергнута.

Неразработанность актуальнейших тем из истории Молдавии должна привлечь внимание советских историков, и в первую очередь молдавских, перед которыми стоят большие и ответственные задачи: осветить прошлое и настоящее молдавского народа, показать его исторические судьбы с древнейших времен до наших дней, его вековую борьбу за независимость, показать историю крестьянства, города — первого очага культуры и т. д. Историкам предстоит опровергнуть, на основе марксистско-ленинской методологии, необоснованные, противоречащие всему ходу исторического процесса «теории» румынских буржуазных историков. Появление таких монографических исследований по истории молдавского народа, по отдельным наиболее актуальным проблемам из истории Молда-

---

²³ R. Rosetti, Op. cit., p. 32.

²⁴ G. Taşka, Cum a evoluat clasa dela începutul înfiinţării ei şi până az (Mem. sec. ist. ser. III) Bucureşti, 1937, p. 168.

²⁵ Там же, стр. 168.

вии и привлечение внимания советских историков к этому великому и почетному делу является горячим нашим желанием.

Не сомневаюсь в том, что такие работы в ближайшее время появятся в свет. Порукой этому служит то отрадное явление, что к 25-й годовщине Республики вышел из печати (на правах рукописи) для широкого обсуждения «Курс истории Молдавии», а несколько позднее был опубликован сборник: «Феодалные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв.». Выход в свет этих работ радует меня еще и потому, что одним из их соавторов — Н. А. Моховым, при написании им раздела по истории Молдавии в XV в., были использованы некоторые мои наблюдения и выводы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО МОЛДАВИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

1. Постановка вопроса о феодальном землевладении

Если по истории феодального землевладения и крестьянства России имеется обширная специальная литература и такие обобщающие монографические исследования как труды Ю. В. Готье¹, В. И. Пичета², С. В. Юшкова³ и особенно работы Н. М. Дружинина⁴ и академика Б. Д. Грекова⁵, то по истории землевладения и крестьянства Молдавии мы не только не имеем подобных монументальных трудов, но даже затрудняемся назвать хотя бы одну русскую работу, которая в какой-то мере касалась бы этих проблем или ставила бы их на очередь для разрешения.

Что касается иностранной историографии вопроса, то она совершенно отсутствует, если не считать нескольких работ румынских буржуазных ученых, которые косвенно затрагивают вопрос о землевладении в Молдавии. Ни Н. Йорга, ни И. Филитти, ни К. Журеску в своих работах ничего не говорят о крестьянстве—непосредственном производителе в аграрных княжествах, какими были Валахия и Молдавия.

Эти работы преследуют иную цель, чем наша. Названные авторы приходят к выводам, что «поскольку в Придунайских княжествах не существовало западного аллода» или вотчины в подлинном смысле слова, постольку в Валахии и Молдавии не могло быть и феодализма, как социально-экономической

---

¹ Ю. Готье, Очерк истории землевладения в России, М., 1912.

² В. И. Пичета, История крестьянских волнений в России, Минск, 1923.

³ С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М—Л., 1939.

⁴ Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М—Л., 1947.

⁵ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, М—Л. 1946.

формации, а следовательно, не могло быть ни эксплуатации, ни классовой борьбы.

Такое утверждение большинства румынских историков противоречит не только мнению незначительного числа их соотечественников, таких ученых, как Н. Балческу, Р. Росетти и других, но и всему объективному ходу исторического развития.

Перед нами стоит задача показать действительное положение вещей в Молдавии и восполнить тем самым пробел, существующий в русской и молдавской историографии.

Еще в 40-х годах прошлого столетия Н. Балческу справедливо заметил, что «некоторые историки, не подходящие к исследованию критически, блуждают в потемках множества легенд о первоначальной истории княжеств, думая, что Радул Черный в Валахии и Драгош в Молдавии были какими-то завоевателями, которые, овладев ненаселенными княжествами, заселили их. А отсюда историки обосновали теорию, что вся земля была собственностью государства и раздавалась в собственность населению по усмотрению господарей».⁶

Н. Балческу подверг критике «теорию» завоевания Дунайских княжеств и показал историю происхождения туземного населения. Нас здесь интересует не столько проблема образования Молдавского государства, которая является весьма сложной и может быть предметом специального исследования, сколько связанный с ней вопрос о видах землевладения в Молдавии.

Поэтому нас больше интересует вторая часть цитируемого сочинения Балческу и то обстоятельство, что поднятый им вопрос о земельной собственности породил новую «теорию» наличия феодализма в Дунайских княжествах и вопрос о своеобразии исторического пути развития последних.

Известно, — продолжает Н. Балческу, — что романские народы, так же как греки, финикийцы, карфагенцы и другие народы, пользовались правом собственности на землю. Такая форма собственности «является в настоящий момент общей у всех европейских народов».⁷ Таким образом, в работе Н. Балческу, вышедшей более ста лет тому назад, автор, как было отмечено выше, признавал наличие феодализма в княжествах, хотя не имел достаточно ясного представления о нем, как о социально-экономической формации, присущей человеческому обществу на определенной стадии его развития. Однако Н. Балческу не отрицал общности исторического пути развития и для Дунайских княжеств Валахии и Молдавии, как это делают И. Филитти, К. Журеску и Н. Йорга.

С момента выхода в свет труда Н. Балческу прошло боль-

⁶ N. Balcescu, *Scrieri istorice*, ed. III, Craiova. p.p. 155-156.

⁷ Там же, стр. 154

ше полувека, пока появилась другая работа, касающаяся этого вопроса, — Р. Росетти.⁸

Р. Росетти, на богатом архивном и опубликованном фактическом материале опровергает «теорию» завоевания Дунайских княжеств и показывает процесс образования государства в Валахии и Молдавии. Он также доказывает в своей работе, что земля в XIV—XV вв. находилась в руках частных землевладельцев.

Однако Р. Росетти, признавая наличие в Дунайских княжествах аллода под название «отнинь»⁹ (*patrimonia*) и «дединь»¹⁰ (*moşie*), неправильно отрицает наряду с ним развитие условного «землевладения в княжествах»¹¹, говоря, что при рассмотрении жалованных грамот он не нашел на него указаний. Росетти отмечает, что жалованная земля всегда представляла полную собственность ее владельца.

Возникает вопрос, — пишет Р. Росетти, — как рассматривать пожалование и утверждение (имеется в виду подтверждающая грамота — Ф. Г.) села, поселка или пустоши, путем господарского хрисовула на наследственном праве? Является ли оно для владельца или для его наследников собственностью? И. Р. Росетти отвечает на этот вопрос утвердительно. «Пожалование или подтверждение (недвижимого владения) путем господарского хрисовула, несомненно, составляло собственность, которая передавалась по наследству любым наследникам как по женской, так и по мужской линии. Тот, кто получил вотчину путем грамоты, имел право продать или подарить вотчину целиком или по частям, наследники (в свою очередь) могли ее разделить между собой, подарить или продать свои части», это составляло «больше чем аллод»¹² — утверждает Р. Росетти.

Вышедшие в свет последние работы И. Филитти и К. Журеску без всякого основания поставили под сомнение эти выводы Р. Росетти о частновладельческом праве на землю в Придунайских княжествах.

Ошибочность утверждений буржуазных румынских историков о феодализме в Молдавии происходит не только от решения специального вопроса о формах землевладения, но в основном от неправильного общего представления о социально-экономических формациях в целом, и о феодальной в частности.

Нет надобности специально доказывать самый факт наличия феодализма в Молдавии и в Валахии. На этот счет дан

⁸ K. Rosetti, *Pământul, sătenii si stăpânii în Moldova*, Bucuresti, 1907, p. 556.

⁹ Там же, стр. 143.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 153.

¹² Там же, стр. 145.

исчерпывающий ответ в работах классиков марксизма-ленинизма.

Естественно, что в истории развития каждого народа могут быть свои особенности, своя специфика, но в общем все народы прошли один и тот же исторический путь. В процессе дальнейшего изложения станет очевидней и эта общность, и специфические черты в истории Молдавии второй половины XV в. При решении стоящих перед нами задач, смеем надеяться, достаточно убедительно выяснится, что и феодализм, как формация, имел место в княжествах и притом в явно выраженной форме.

Происхождение и первые этапы развития частной собственности вообще, и на землю в частности, показаны в бессмертных трудах Маркса и Энгельса. Эти работы помогают исследователям в освещении многих конкретных тем аграрной истории.

На основании источников XIV—XV вв. мы можем сказать, что частная собственность на средства производства не только существовала, а была весьма распространенным явлением, что в Молдавском княжестве имели место прочные и очень древние обычаи наследования недвижимого имущества, а также и холспов, что довольно часто практиковались случаи отчуждения земли.

Мы располагаем довольно многочисленными грамотами светских землевладельцев и монастырей, являющимися лучшим памятником для изучения социально-экономического развития Молдавского княжества средних веков. В этих грамотах отмечаются «межи», границы земель, «нив»¹³, «сел»¹⁴, «куда из века уживали»¹⁵.

Итак, в источниках XIV—XV вв. со всей очевидностью выступает частная собственность на землю. Эти источники говорят о том, что феодальный строй в Молдавии был результатом внутреннего роста страны.

Молдавское княжество ко времени Александра Доброго и Стефана Великого успело пройти все предварительные стадии феодального развития.

Маркс отмечает, что «во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможно большим количеством ленно-зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹⁶.

Феодальный строй в Молдавии поддается изучению пре-

---

¹³ Documente II, p.p. 63, 67.

¹⁴ Там же, II, стр. 80.

¹⁵ Там же, I, стр. 84.

¹⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1930, стр. 575.

имущественно при помощи «хрисовулов» или «уриков», как называются грамоты, которые издавались господарской канцелярией и действие которых в некоторых случаях распространялось на всю страну. В этих грамотах ярко видны черты феодального способа производства. До рассмотрения вопроса о землевладении укажем основные черты феодального социально-экономического строя.

По определению В. И. Ленина, основные черты феодальной формации заключаются в следующем:

1. Господствует натуральное хозяйство.
2. Непосредственный производитель наделен феодалом средствами производства вообще и землею в частности.
3. Крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца (степень крепостной зависимости и ее формы могут быть самыми различными).
4. Техника хозяйства продолжает оставаться в рутинном состоянии, ибо ведение хозяйства было в руках крестьян, заданных нуждой и приниженных личной зависимостью и темной.¹⁷

Рассмотренные нами источники показывают, что все эти черты, характеризующие феодальную социально-экономическую формацию, имели место в экономике Молдавии.

Более полно эти черты можно будет проследить на конкретном материале и в конкретной исторической обстановке в процессе изложения документальных данных, а пока вернемся к вопросу о владении землей, его основных видах или формах.

Молдавскому феодальному праву, которое сложилось к XV в., известны формы землевладения, присущие феодальному способу производства во всех странах.

Западно-европейской сеньерии, русской вотчине соответствует молдавская вотчина, «очинэ», которая сохранила и древнерусское название «отнина».¹⁸

Наряду с вотчиной в молдавских грамотах фигурирует «дедина»¹⁹. Как отмечают источники, словом «отчиной» в Молдавии, как и в России, определялось первоначально всякое имущество, доставшееся по наследству от отца. «Дедина» в Молдавии соответствовала русской «дедине»; так называлось имущество, принадлежавшее отцу, деду, прадеду и т. д. и перешедшее от них по наследству последовательно к сыну, внуку, правнуку и т. д. В отдельных грамотах господарей Молдавии XV в. вотчина и дедина выступают одновременно и между ними ставится знак равенства. Так, в подтвердительной грамоте от 24 сентября 1498 года, данной Васутке, дочери Ромашки и его

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., том. 3, изд. IV, стр. 158—159.

¹⁸ Documente, II, p. 600.

¹⁹ Там же, II, стр. 592.

²⁰ Там же, II, стр. 126.

внуку Драгоя, говорится, что господарь подтвердил их «отнину и дедину».²⁰

Западному феодалу или лену, литовской вислуге, русскому поместью, балканской «пронии» соответствует в Молдавии «выслужение»²¹, т. е. выслуга. И это понятие больше, чем какое-либо другое, говорит о том, что пожалование связано с условием несения службы — «выслужанием».

Однако господа, как увидим ниже, раздавали земли своим вассалам и без несения какой-либо службы.

Наряду с вотчиной и «выслужанием», т. е. поместьем, которые занимали немалое место в системе частных светских владений, существовали и другие виды феодального землевладения, также хорошо известные как исследователям по русской истории, так и занимающимся историей средневековой Европы, — это земли, тянувшие к господарскому дворцу, и земли духовных учреждений.

Каждый землевладелец старался получить от господара на землю жалованную грамоту. Однако эти грамоты, как видно из источников, имели силу только при жизни господара, их выдавшего.

Поэтому Стефан Великий подтверждает хрисовулы или грамоты своих предшественников, в частности, Александра Доброго, а также грамоты, которые писались по его собственному указанию канцлером его господарской канцелярии «логофетом».

Трудным для решения представляется вопрос о том, какой из двух видов владения землей в Молдавии был более распространен. Однако при внимательном изучении источников можно установить, что основной формой земельной собственности была вотчина, которая значительно чаще и раньше по времени фигурирует в источниках. На преобладание вотчинного землевладения над «выслужанием» указывает и большая разработанность законодательства, связанного с первым видом. Число грамот, в которых фигурирует вотчина, в несколько раз превышает количество документов, упоминающих «выслужание», т. е. поместье, хотя и последнее было достаточно известно.

2. Состав молдавского феодального общества

Теперь рассмотрим состав землевладельцев и определим место, занимаемое ими в обществе во второй половине XV в. Тогда станет ясней, что представляло собой в целом молдавское феодальное общество в социально-экономическом и политическом отношениях и какую роль играли в нем тот или иной класс или социальная группа.

---

²¹ Documente, II, p. 596.

В Молдавии, как и в других аграрных странах, земледелие являлось основой материальной жизни общества. Земля была главным источником национального богатства и дохода. Земля создала возможность широкого развития таких отраслей сельского хозяйства, как земледелие, виноградарство, животноводство, огородничество и т. д. Отсюда ясно, какое значение приобретала земля для ее владельца; в конечном счете именно земельная собственность определяла, как увидим дальше, положение в обществе определенного класса, а также отдельных групп и лиц, принадлежащих к этому классу.

Первый, кто попытался показать социальную структуру молдавского феодального общества, был известный молдавский господарь Дмитрий Кантемир — образованный и выдающийся человек своей эпохи.

Д. Кантемир в своей работе по истории Молдавии уделяет специальную XV главу молдавскому «шляхетству». Автор делит его на три «статьи» или ранга.

«Когда таковым образом число дворян очень умножилось, — пишет Д. Кантемир, — угодно было княземъ разделить их на три статьи. Въ первую помещены бароны, а именно те, кои либо отъ самихъ князей употребляемы были въ первенствующия государственныя должности, или отъ таковыхъ произошли. Оные имели почти те же чины, каковыя в России бояре от прочего нижнего дворянства. Во второй статьи поставлены придворные, получившие деревни по наследству от предковъ своихъ. В третью рыцари, которые за пожалования имъ отъ князей поместья навсегда на свои собственные издержки должны ходить по войну».²²

Однако Д. Кантемир не остановился только на «шляхетстве» трех статей. Он отметил также резешей, «коих лучше назвать вольными поселянами, нежели дворянами»²³. Но о положении резешей Кантемир не говорит, так как сам признается, что ничего о них не знает.

И не только у Кантемира, но и в массе дошедшего до нас материала из фонда господарской канцелярии и из монастырских архивов мы находим в основном лишь историю феодального светского и монастырского землевладения. Вопросы же крестьянского землевладения и вообще жизнь крестьянства освещаются этими источниками весьма бегло, случайно и, большей частью, косвенно.

История непосредственных производителей — крестьян, составляющих основную массу народа, не нашла своего отражения в работе Дмитрия Кантемира. Народ, по существу, выпал

---

²² Дмитрий Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, Москва, 1789 (пер. с латинского ориг.), стр. 287—288.

²³ Д. Кантемир, Цит. соч., стр. 238.

из поля зрения автора, которого не дополнили и позднейшие историки. Наоборот, последние исказили смысл «статей» Кантемира, разделив господствующий феодальный класс — бояр Молдавии на несколько «классов», что является ошибочным. Каждый ранг или боярский чин по терминологии Кантемира был превращен ими в особый класс.

Дмитрий Кантемир, хорошо осведомленный не только в вопросах истории Молдавии и России, которую он часто упоминает в своем труде, а также и в истории других соседних с Молдавией стран (Польши, Турции, Валахии, Венгрии и т. д.), оставил ценный и авторитетный материал, к которому немало исследователей обращалось и будет еще обращаться. Однако каждый источник требует применения специального метода исторического анализа, особых критических приемов исследования, которые не доступны румынским буржуазным историкам.

Так, ряд теоретических ошибок допустил румынский ученый А. Д. Ксенополь, который, положив в основу своей работы труд Д. Кантемира, фактически исказил его.

«Бояре, по-Кантемиру, — говорил А. Д. Ксенополь, — делились на три класса»²⁴. Но это были «классы» не в нашем марксистском понимании. Такое деление, прочно внедрившееся в румынскую историографию, внесло путаницу в современное понятие класса. Последующие румынские историки Н. Йорга, Р. Росетти и другие довели количество этих «классов» до четырех и больше. Конечно, при таком делении фактически одного господствующего класса эти историки не видят антагонизма между классами и классовой борьбы.

Ошибочным также является отнесение историком Н. Йорга дворянства к крестьянству, или допущенное И. Филитти смешение дворянства в понимании Д. Кантемира с боярами.

Ошибочные утверждения Йорга и Филитти о боярах — землевладельцах и о классах вообще можно встретить и в работах других румынских историков, например, у Р. Росетти, И. Влаху и др.

О том, что молдавское общество как по своему социально-экономическому, так и правовому положению было в XV в. неоднородным, говорят сами источники.

По документам XIV—XV вв. можно наблюдать сложившийся в Молдавии феодальный строй, который своими корнями уходит в более древнюю пору.

Из приводимых ниже материалов ясно и отчетливо видно, что уже давно из общины, в процессе классового расслоения, выделилась сильная экономически и политически верхушка, феодальная знать, которая стала над общиной, овладела землей — основным источником материального обогащения и

²⁴ A. D. Xenopol, *Istoria Romanilor din Dacia Traiana*, Iasi, 1896, p. 147.

политического влияния в феодальном обществе. Видно, наконец, как государственная власть способствовала юридическому закреплению труда крестьян, обязав последних внести в ее пользу всевозможные повинности, и узаконила создавшиеся на основе внеэкономического принуждения взаимоотношения господства — подчинения между феодалами и непосредственными производителями.

В грамоте от 25 декабря 1406 г. молдавский господарь устанавливает, что монастырские села Тисмана не будут подвластны «никому князоу или болериноу»²⁵, а «будут послушаться» своему монастырю. В других источниках мы находим термины «болере», «болеринъ», «бояринъ», «великий панъ», «властелинъ», «жупанъ».

Все эти выражения являются синонимами, указывающими на один и тот же слой привилегированных людей, потомков старинной родовой знати. Это доказывается сопоставлением ряда грамот, в которых фигурируют одни и те же лица, обозначаемые разными, но, очевидно, однозначными по социальному смыслу терминами.

В оброчной грамоте от 10 мая 1466 года говорится: «властелиноу жоупану Иоану, си речь Доброулоу логофету, писати и привесити нашу печат». Здесь термин «властелин» и «жупан» выступают рядом, при чем оба эти титула относятся к Ивану Добрулу—логофету. В грамоте от 13 марта 1466 г. о том же Добруле читаем: «...боярину пану Добрулови логофету писати и печат нашу привесити».

В грамоте от 13 мая 1484 года находим следующее указание: «...препочтенному болерину жупану Таутолове логофету писати и нашу печат привесити». Сопоставим с этим выражение другой грамоты: «...болерину пану Томе логофету писати и печат нашу привести» и т. д.

Все великие бояре²⁶ носят перечисленные выше титулы и являются членами боярской рады и одновременно крупными землевладельцами. Каждый из бояр располагал обширными владениями в разных частях Молдавии.

Однако вопрос о боярском землевладении будет рассмотрен немного ниже. Выяснив основные слои, из которых состоял класс феодалов, легче будет говорить о его землевладельческих основах и о том, какое место занимали отдельные группы господствующего класса в молдавском феодальном обществе.

Бояре в Молдавии, как и в других славянских странах, делились на великих и малых. Об этом свидетельствуют до-

²⁵ R. Rosetti, Op. cit. p. 29.

²⁶ Это слово имеет два значения: бояре в широком смысле слова — это знатные, крупные землевладельцы; в узком — члены Боярской рады, носители высшего ранга боярина в государстве.

шедшие до нас источники того времени. Имена великих бояр, членов господарского Совета, рады, почти всегда приводятся в конце каждого документа, вышедшего из канцелярии господаря

Имена малых бояр персонально не перечисляются в документах, но в отдельных случаях и малые бояре могли участвовать в раде. Господарь всегда говорит от имени великих и малых бояр, но последние обычно фигурируют не поименно в грамотах господаря, а как особая группа в целом.

Договорная грамота 16 сентября 1485 года составлена от имени «усих боярь наших радних, и великих и малых. А на больше крепост и подтверждение тому вышеписанному (указывает господарь) и печат нашу и печат усих боярь наших радних привесли есми к сему листу нашему»²⁷.

Источники не дают прямых указаний на то, по какому признаку различались между собой великие и малые бояре, однако, несомненно, что таким критерием различия являлось происхождение из знатного старинного боярского рода, а также имущественный ценз, главным образом, землевладение. Великие бояре — это советники, сподвижники господаря. Малые бояре — младшие по чину люди, но они не теряли надежды достичь высшего ранга и занять ведущее место в обществе.

Великие бояре подписывая договоры с иностранными государствами, как и в славянских странах, называют себя панами и привешивают свои панские печати: «... со всеми паны радоу своею перед тими нашими послы; ... и тотъ запись свой зъ большою своею печатью и съ печатями пановъ рады»²⁸.

Этот отрывок из договорной грамоты говорит о том, что в руках господствующей верхушки боярства концентрируются не только экономические богатства страны, и в первую очередь средства производства, но и государственная власть; она играет ведущую роль в политической жизни страны.

Кроме указания на великих и малых бояр, в источниках часто можно встретить слово «слуга»²⁹, который, как иногда сообщают грамоты, является «истинным слугой»³⁰ господаря. Например, «наш Драгош служил нам правою и верно»³¹, «... слуга нашъ»³². Молдавские дворяне-слуги по своему положению в обществе соответствуют русскому дворянству. Они составляли основной контингент войска господаря, и за это, а также за другие услуги, оказанные господарю, получали от него в поместья земли.

Эти мелкие вассалы, стоявшие на последней ступени иерар-

²⁷ Documente, II, p. 372.

²⁸ Там же, II, стр. 407.

²⁹ Там же, I, стр. 228.

³⁰ Там же, I стр. 125.

³¹ Там же.

³² Там же, I, стр. 138.

хической лестницы господствующего класса, составляя низший слой феодалов, жадно тянулись к земле, всеми способами старались добиться обеспечения ею и тем самым выдвинуться в высшие феодальные ранги боярства.

Немаловажное место в обществе как в экономическом, так и в политическом отношениях, занимало духовенство. Митрополиты, архиепископы, епископы, игумены и их «братья» были не только служителями культа, часть их принимала участие в господарской раде. Представители духовенства имели обширные земельные владения и большое количество несвободных крестьян, за счет эксплуатации которых они накапливали материальные богатства.

В этой феодально-иерархической системе господствующего класса ведущая роль принадлежала крупному землевладельческому боярству, в руках которого сконцентрировалась большая экономическая мощь и политическая сила.

Реже, и то в виде косвенных указаний, в источниках выступает народ, трудящиеся массы — крестьянство, на плечах которого покоилась вся феодальная иерархия. Это — волни «содыша»³³, «содышъ»³⁴, «содышь»³⁵, «совдыш»³⁶, а также еще нижестоящие социальные категории сельского населения.

Во всех древних документах, в которых встречается категория свободных крестьян, они фигурируют под указанным именем содоши, хотя и в разной транскрипции. Термин содош происходит, повидимому, от венгерского слова *szavatos*, что означает: сообщник, общинник, соучастник. С 1580 года тот же слой свободных крестьян именуется резешами (от венгерского слова *razăși* — общинники), при чем этот новый термин содержит в себе старое понятие³⁷.

С развитием феодальных отношений и усилением нажима на крестьянскую общину со стороны феодалов как духовных, так и светских, происходит расслоение крестьянской массы резешей, которые попадают в число несвободных крестьян, обязанных нести различные феодальные повинности. Но об этом речь будет идти в другом разделе, где специально рассматривается положение зависимого крестьянства.

Резеши, как и господствующий феодальный класс, не были однородны по своему экономическому положению: среди них можно встретить и зажиточный слой, и лиц среднего достатка, и бедняков.

³³ Documente, II, p. 262.

³⁴ Там же, II, стр. 196.

³⁵ Там же, II, стр. 603.

³⁶ Там же, II, стр. 604.

³⁷ R. Rosetti, Pamântul, satenii și stapânii în Moldova, București, 1907, p. 168. Documente, II, p. 106, 107, 196, 197, 267, 603; J. Filitti, Proprietarii solului în trecutul Principatelor române (Mem., sec. ist. ser. III, vol. XVI), București, 1934—35, p. 22.

В купчей грамоте от 28 мая 1470 года говорится, что Карлак Ласлов, Тот Ищфан, Сташко, Себищиан, Фасекиш и Имбрив «убогие люди» продали виноградники «перед усими нашими молдавскими бояре, великими и малыми, наши оубози люди от Хорловского тръгоу на име Карлакъ Ласловъ и Тот Ищфанъ, и Сташко, и Себищианъ, и Фасекишъ, и Имбривъ, по их дуброй воли и никыимъ непоноужени, и продали намъ свою правоую и питомоу о(т)ниноу единь виноград»³⁸.

Эта грамота, как и другие аналогичные документы, интересна не только тем, что в ней говорится об «убогих людях», а тем, что речь здесь идет о коллективной продаже резешами виноградника и тем самым подчеркивается, что продавцы — свободные общинники. Обращает на себя также внимание формулировка грамоты, согласно которой мелкие владельцы, убогие люди, продали свой виноградник без всякого давления со стороны власти, «по их дуброй воли». Но из этой формулировки вытекает логический вывод, что в стране происходила массовая экспроприация непосредственных производителей, захват общинной и частной собственности, покоящейся на собственном труде, шел процесс закрепощения свободного крестьянского труда.

Подтверждением этого вывода об экспроприации у широких народных масс земли и жизненных средств светскими и духовными феодалами, является другой документ, представляющий большой интерес.

В источнике, датированном 24 ноября 1492 года, читаем, что господарь Молдавии дает право монастырю Путна колонизировать «пустоши» т. е. черные — общинные земли, в тех пределах, в каких монастырь сумеет это осуществить: «пак хотар пустини що по тои сторони Подраги що ест от дѳороги Якимови долув до трех глодов, да ест колко узмогут оуживати досит»³⁹. Трудно сказать, где был предел стяжательству монастырей.

Вполне понятно, что духовенство, заручившись от носителя верховной власти — господаря такого рода грамотой, наступало более смело на крестьянскую общину, подвергая ее феодализации. Так «с течением времени — говорит Маркс, — военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности»⁴⁰.

Таким образом, в результате длительного и сложного исторического процесса, который не укладывается полностью в XIV—XV вв., а является итогом предшествующих столетий.

---

³⁸ Documente, I. o. 159,

³⁹ Там же, I, стр. 509—511.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 260.

в Молдавии складывается социальная группа несвободных крестьян, лично зависимых от землевладельца.

Это „люди“⁴¹, „межиаши“⁴², „соседы“⁴³, „*vecini*“⁴⁴. Под последним именем этот слой сельского населения прочно вошел в историографию.

Краткая иммунитетная грамота 1453 года⁴⁵ гласит, что «люди», пришедшие во владения монастыря Лацко, получают от монастыря земли для пашни и будут нести в его пользу повинности. Они освобождаются от податей в казну господаря и подчиняются суду настоятеля монастыря.

В другом источнике от 17 апреля 1475 года говорится: «люди»... оу воиску да не ходеть»⁴⁶. В иммунитетной грамоте от 30 августа 1479 года говорится: «И тиж наши слуги перерубци (слуги господаря, которые силой власти заставляли несвободное население работать — Ф. Г.) аби не гонили тоти люди от Коцмани (монастырь — Ф. Г.) ни на город, ни на млины, ни на наше дворове, с иними земляне»⁴⁷ (позже *turane*, от лат. слова *terra* — земля; крестьяне).

В последнем источнике ясно показана зависимость монастырских крестьян на основе «внеэкономического принуждения» со стороны феодалов, о котором говорит В. И. Ленин в своем классическом труде: «Развитие капитализма в России»⁴⁸. Эта категория «людей», вполне понятно, как правило, не привлекалась к участию в войске, а только в особо исключительных случаях и по указанию самого господаря.

Наконец, в документах рассматриваемого периода времени можно найти указания на «холопов»⁴⁹, т. е. рабов.

О чем говорят приведенные выше источники?

В них отчетливо выступает социальный состав молдавского феодального общества, которое, как по своему социально-экономическому, так и по политическому положению было далеко неоднородным. Имущественное положение, владение

---

⁴¹ Documente, I, p. 14.

⁴² Там же, II, стр. 607.

⁴³ В Молдавии, в XVI в. в нескольких славянских грамотах встречается слово соседы, т. е. *vecini*, впервые в 1545 году, как несвободное сельское население.

С. Завгородний, *Despre rumani*, Mem. sec. ist. ser. II, tom. XXXVIII¹ Bucuresti, 1915–16, p. 242, а межиаши—более раннее название, означающее соседы—*vecini* (I. Bogdan, Documentele vol. II, p. 607).

⁴⁴ Название этой категории крепостных крестьян происходит от лат. слова — *vicinus*, что в переводе с латинского языка на русский означает сосед.

⁴⁵ M. Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Stefan cel Mare, vol. II, p. 310, Jasi, 1931.

⁴⁶ Documente, I, p. 200.

⁴⁷ Там же, стр. 231.

⁴⁸ В. И. Ленин, Соч. т. III, изд. IV, стр. 159. .

⁴⁹ Documente, I, p. 141.

средствами производства, в первую очередь земель, определяло место в обществе того или иного класса, группы людей и отдельных лиц.

Бояре и духовенство, опираясь на земельные богатства и на свое политическое превосходство в стране, были действительными владыками в Молдавии.

«В большинстве исторических государств, — пишет Энгельс, — представляемые гражданам права соразмеряются с их имущественным положением»⁵⁰. Так «было... в Афинах и Риме..., так было и в средневековом феодальном государстве, где политическое положение определялось размерами землевладения»⁵¹.

Познакомившись, хотя бы неполно, с социальным составом молдавского феодального общества второй половины XV в., с его двумя основными антагонистическими классами — классом крупных землевладельцев и классом зависимых крестьян, к которым, как будет указано ниже, примыкает городская беднота и низший слой ремесленников, перейдем к вопросу о характере землевладения в Молдавии.

3. Землевладение господаря

Основой производственных отношений феодального строя, как известно, является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного. Поэтому прежде всего необходимо внимательное изучение источников по вопросу о росте земельной собственности. Прав был Н. Баллеску, указавший еще в 40-х годах прошлого века, что процесс обнищания широких масс Молдавии шел уже давно и что мелкая собственность поглощалась боярами и монастырями. Он также полностью был прав, отметив, что существо феодальных порядков крылось в крупной собственности, которая покоилась на эксплуатации человека человеком. «Откройте древний и новый правовые архивы обоих княжеств, — говорит автор, — и вы найдете не только происхождение крупного землевладения, но и имена землевладельцев»⁵². Но в условиях реакции, наступившей после подавления революционного движения 40-х годов XIX в., Баллеску не удалось раскрыть эти архивы и показать происхождение крупного землевладения.

Другие же историки Дунайских княжеств, а затем Румынии, и не ставили своей задачей показать эксплуатацию чело-

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, часть I, стр. 147.

⁵¹ Там же, стр. 148.

⁵² N. Balcescu. „Question economique des principautes danubiennes“, Opere, vol. I, Bucuresti, 1940, p. 13.

Аврам вистиарник от Журжа Оничанул и от племенник его от Ион Оничанул и от Манчул и от племенник его от Ион Лога, сестричичи Жулини, и от попа Пьетру Оничанул за 305 злат татарских. И загубил Аврам вистиарник тое село оу хитленстви (предательстве — Ф. Г.), коли побежал от нас до литовской земли». Стефан Великий жалует это конфискованное им село своему вассалу Петрику. «Тое вышеписанное село на име Оничании, що ест на Студеном Шомузи, да есть нашему верному пану Петрика Комису (конюший — Ф. Г.), от нас оурик (хрисовул, грамота — Ф. Г.) и съ вьсем доходом, ему и детем его и оунучатом его⁵⁵ и прещуретом его и вьему роду его»⁵⁶.

Крупным источником личного обогащения и материального благополучия господаря были торговые пошлины. Они взимались деньгами и не только при въезде и выезде из Молдавии, но и внутри страны, в городах и на ярмарках. С некоторых продуктов, например, с рыбы, пошлины взимались и натурой.

Господарский казначей в то же время был великим мытником. Торговые пошлины могли также частью или полностью сдаваться на время в аренду, и об этом говорят источники XV в. «От пана Киракола, вистярника и мытника, и от пана Бучума, вистиарника и мытника»⁵⁷, — так гласит документ с датой от 17 сентября 1480 года, в котором Киракола и Бучум выступают в роли казначея и мытника.

В иммунитетной грамоте, данной жителям села Негоешты, принадлежащего Романской митрополии, говорится, что последним разрешается продавать свои продукты и скот «...без мито, боуди где и у котором месте: или оу торгов, или оу озерах, или на Днистри, или оу Беломъ Граде, или у Киелии, или на Доунае, или броди где оу нашей землю, везде да ест имъ слободно и без мито, или оу проданая мита или оу не проданое»⁵⁸.

«В 1464 году пошлины были сданы на откуп генуэзцу Дарино Каттанео и армянину Кошка»⁵⁹.

Судебная пошлина «завязка» и «третина», т. е. третья часть штрафа ответчика шла в пользу господаря. «Ани третиноу не брати, ани иное нищо, ни за великое дило, ни за малое»⁶⁰.

Однако основным и главным источником экономической и политической мощи господаря было его землевладение, которое обслуживалось трудом зависимого сельского населения

⁵⁵ В грамоте отсутствует «и преоунучатом его».

⁵⁶ Documente, II, p. 22.

⁵⁷ Там же, II, стр. 369.

⁵⁸ Там же, I, стр. 96.

⁵⁹ I. Ursu, Stefan cel Mare, Bucuresti, 1925, p. 332.

⁶⁰ Documente, I, p. 10.

и частично холопами. Крестьяне должны были поставлять господарю десятую долю всего, что производилось в хозяйстве: хлеба, меда, мяса, овощей, воска, сыра и т. д.

Эта десятина распространялась и на животноводство крестьянина, с которого он также должен был выделить своему господину десятую часть. Кроме того, несвободные крестьяне были обязаны ходить на строительство и ремонт крепостей («городовое дело»), господарских мельниц, строить дороги, косить сено, убирать хлеб и т. д.

В иммунитетной грамоте от 13 марта 1466 г. перечисляется, в чем состоят феодальные повинности в пользу господаря: «да не даст нам ни илиш (на прокормление армии — Ф. Г.) ни подводу, ни посаду (строительство крепостей и дорог — Ф. Г.), ни жолдъ, ни на город да не робити, ани на млини, ани бочки да не возят, ни сино да не косеть, ани иное наше дание или слоужбе да не имае»⁶¹, «и десетину от бчал и от свини да не дают»⁶² или «десятиною от капустоу... и от свижую рибу»⁶³ и т. д.

Таким образом, из приведенного источника видно, что несвободное сельское население обязано было выполнять на господаря всевозможные работы, в которых он нуждался, а также поставлять ему большую часть продуктов своего производства.

Одним из источников прироста господарского землевладения была также покупка земель, сел и виноградников, а также конфискация, когда господарь выступал в роли «арбитра» в спорных земельных вопросах.

«Села на име Бьошешии на Юкаши, где домъ его, и половина от Тортореши, що был продал Козма,— говорит купчая грамота 7 мая 1475 года, — тое половина от Тортореши святому монастырю от Бистрицоу, идеже ест храм святою оуспению богородици, за 75 злат татарских. И за тим ли пак оуоставши слоуга наш Козма и верноул тоти вышеписанных пинези святому монастырю от Бистрицоу, понеже тое село Тортореши а ми есми оузяли къ нашему хотароу от Каменню»⁶⁴.

Документы, где рассказывается о подобных случаях, встречаются редко.

Гораздо больше сохранилось источников, из которых видно, что господарь производил покупку вотчин, которые присоединял к своим владениям или жаловал монастырям и своим вассалам.

---

⁶¹ Там же, I, стр. 95.

⁶² Там же, I, стр. 14.

⁶³ Там же, I, стр. 342.

⁶⁴ Там же, I, стр. 206

Так, например, господарь в 1466 г. покупает село Жиков и жалует его монастырю Путна⁶⁵, в 1470 г. покупает виноградник стоимостью в 544 татарских золотых и т. д.⁶⁶.

На такого рода покупки по неполным данным, имеющимся в сохранившихся документах, было израсходовано господарем за вторую половину XV в. 12.439 татарских златов⁶⁷.

Господарские вотчины, в которых разводились сельскохозяйственные культуры, выращивались виноградники, имелся скот, находились многочисленные пасеки и мельницы и на которых работало население под властью господарского наместника, были рассеяны в разных частях страны. Однако, основные земельные владения господаря концентрировались вокруг городов — Сучава, Путна и Васлуй.

К имеющимся вокруг Васлуя вотчинам господарь Стефан Великий прикупил еще 16 сел, включив их в свои домены. «Важные доходы имел господарь от своих обширных доменов, среди этих владений Васлуй занимает первое место и к нему присоединяются еще 16 купленных сел», — пишет И. Урсу⁶⁸.

4. Боярское землевладение

Высший слой светских феодалов-землевладельцев носил в Молдавии общее название: бояре. Им принадлежали большие земельные владения с селами и несвободным населением, которое попало в феодальную зависимость.

Процесс образования крупного землевладения, складывавшегося в результате экспроприации общинных земель, прикупов, пожалований и других приобретений, приводил к дроблению общинных земель и закреплению крестьянского труда. Немалую роль в этом процессе сыграло боярство.

К боярскому селу, как к хозяйственному и административному центру, тянуло более или менее значительное число приселков, поселков, селищ, состоявших в то время из одного, двух, трех дворов.

В рассмотренных нами источниках совершенно не упоминается слово деревня, которое встречается в источниках, касающихся Московского государства, где обычно к селу тянуло более или менее значительное число деревень.

В силу господства натурального хозяйства, в рассматриваемое время каждая вотчина представляла собой самодовлеющее, замкнутое владение, находящееся в очень слабой экономической и политической связи с остальным миром.

---

⁶⁵ Documente, I, p. 111 — 112.

⁶⁶ Там же, I, стр. 150.

⁶⁷ I. Ursu, Stefan cel Mare, Bucuresti, 1925, p. 330.

⁶⁸ Там же, стр. 331.

При наличии особенностей, которые вызывались различием в размерах или местоположении, каждое феодальное хозяйство, вне зависимости от того, кому оно принадлежало, отличалось общими характерными признаками. Центром его было, как уже говорилось, село с «двором» боярским⁶⁹, состоявшим из жилых и хозяйственных построек. Общий размер села в XV в. был небольшой, но к нему прилегалли значительные угодья: пашни, сенные покосы, луга, рыбные ловли и т. д.

Боярское хозяйство строилось на тех же основаниях, что и господарское или монастырское, и могло отличаться от последних, главным образом, размером.

Боярское землевладение в Молдавии в рассматриваемый период времени занимает значительное место. Бояре прежде всего были землевладельцами. И это обстоятельство определяло их место в обществе и в управлении страны.

Конечно, из числа бояр — не членов рады источники перечисляют далеко не всех. Не приводим и мы их здесь полностью. Однако можно назвать ряд крупных боярских родов-землевладельцев, вроде рода Драгошей⁷⁰, которые, благодаря своему происхождению и родственным связям с господарями Молдавии, не только располагали обширными земельными владениями и скотом, но занимали командные посты в государстве.

Не меньше земельных владений, чем Драгошам, принадлежало другому боярскому роду — Влайкулов⁷¹, среди которых выделялся Дума Влайку, двоюродный брат Стефана Великого. Дума одновременно со своим отцом был в гор. Хотине пыркалабом (комендантом, наместиком) и старостой. Отец Думы — Влайку⁷² был дядей молдавского господаря. Можно указать далее имена таких крупных бояр, как Илияша Модрузи⁷³, Драгов⁷⁴, Лацко Худич⁷⁵, Жумэтате⁷⁶, Марушка-княгиня⁷⁷, Раду Писк⁷⁸, Оцел⁷⁹, Ротимпан⁸⁰, Симка⁸¹, Сима⁸², Мисия⁸³, Гостилу⁸⁴ — владельца 11 вотчин, и других, которые не занимали высших должностей в государстве, а жили только

---

⁶⁹ Documente, I, p. 74.

⁷⁰ Там же, II, стр. 514.

⁷¹ Там же, II, стр. 515.

⁷² Там же, II, стр. 514.

⁷³ Там же, I, стр. 6, II, стр. II, 262.

⁷⁴ Там же, I, стр. 66.

⁷⁵ Там же, I, стр. 86, 90, 128, 131.

⁷⁶ Там же, I, стр. 487, 481.

⁷⁷ Там же, I, стр. 26, 28, 49 и др.

⁷⁸ Там же, I, стр. 32, 79.

⁷⁹ Там же, I, стр. 3, 73, 74, 130.

⁸⁰ Там же, I, стр. 84, II, стр. 536.

⁸¹ Там же, I, стр. 50.

⁸² Там же, I, стр. стр. 81, 84, 86, 88, 238.

⁸³ Documente, I, p. 82, 225.

⁸⁴ I. Ursu, Stefan cel Mare, Bucuresti, 1925, p. 340.

за счет эксплуатации несвободной крестьянской массы, обязанной нести в их пользу всевозможные повинности.

Бояр-землевладельцев, живущих за счет феодальных земельных рент, было в Молдавии немало. Назовем еще таких мощных светских феодалов, как Тэутул⁸⁵, Добрул⁸⁶, Тома⁸⁷, Болдор⁸⁸, Красниш⁸⁹, Аврам⁹⁰, Купчич, который имел в 1431 году более 20 сел. Это был цвет молдавского феодального общества с точки зрения молдавского господаря, которому приходилось считаться с их мнением. Кроме этого, не следует забывать, что к высшему слою феодалов принадлежал и сам господарь — наиболее крупный землевладелец, защитник и выразитель интересов господствующего класса бояр.

Господарь сам награждал бояр — своих вассалов вотчинами за то, что они присягали служить «право и верно» своему сюзерену. Этим он еще больше усиливал экономическую и политическую мощь молдавской феодальной знати, в известной мере ограничивая самого себя. Незаметно из-под трона молдавских господарей постепенно ускользала почва, и они становились игрушкой в руках бояр.

Жалуя бояр вотчинами, господарь расширял их земельные владения, в то время как его собственный земельный фонд таял. Это также не могло не отразиться на власти господарей.

Если Стефан Великий сумел удержать в узде сепаратистские силы бояр, взяв курс на растущий низший слой феодального класса — дворянство, то это удавалось ему делать, надо полагать, только потому, что еще не вся основная масса сельского населения попала в феодальную зависимость. Феодализм в Молдавии не достиг высшей стадии своего развития.

5. Церковное землевладение

Молдавский господарь Стефан Великий, используя церковь в своих интересах, превратил ее в орудие проведения своей внутренней и внешней политики и щедро жаловал ее представителей. Митрополичье хозяйство зародилось еще до Романа Мушата и получило свое дальнейшее развитие при Александре Добром и Стефане Великом.

В XV в. обширные земельные владения принадлежали митрополитам, епископским кафедрам и, в особенности, монастырям.

---

⁸⁵ Там же, I, стр. 179.

⁸⁶ Там же, II, стр. 1, стр. 64.

⁸⁷ Там же, I, стр. 54.

⁸⁸ Там же, I, стр. 309.

⁸⁹ Там же, I, стр. 270.

⁹⁰ Там же, II, стр. 22.

Монастыри начинают развиваться в основном с XV в. Как свидетельствует летописец Ион Некулче, во второй половине указанного столетия было основано около 50 монастырей и церквей. В это время усиливается духовная знать. Духовные феодалы в своем стремлении к обогащению старались не отставать от феодалов светских и как бы состязались с ними в приобретении земли и в закреплении крестьян.

В XV веке среди монастырей особенно выделялись по размерам землевладения Путна, Воронеж, Добровец, Пробота и др. Немаловажную роль в экономической и политической жизни страны того времени играла Сучавская митрополия, во главе которой долгое время стоял крупный духовный феодал митрополит Феоктист. Он был не только духовным лицом и землевладельцем, он принимал активное участие в господарской раде, и его имя упоминается в грамотах рядом с господарем или с его сыновьями. Такими же землевладельцами были Романская и Радовицкая епископские кафедры, возглавляемые в рассматриваемое время епископами Тарасием и Ионаки⁹¹.

При поддержке молдавских господарей монастыри в XV веке становятся крупными земельными собственниками.

Путь роста монастырского землевладения был почти такой же, как и светского. Он происходил, — как говорит Маркс, — прежде всего в результате экспроприации общинной собственности как светскими, так и духовными сановниками⁹².

Другой источник расширения монастырского земельного фонда заключался в недвижимых имуществах, которые «жаловались» молдавскими господарями духовным учреждениям.

По княжеским жалованным грамотам в монастырское владение переходила заселенная и устроенная земля с живущим на ней сельским населением. Кроме того, господарь давал также духовным лицам и учреждениям право осваивать «пустынные» земли.

Совершенно неизвестны в Молдавии случаи ограничения роста монастырского землевладения. Монастыри могли также покупать земли в неограниченном количестве.

Наконец, монастырям передавали земли и частные лица. Земельные вклады «на помин души» в Молдавии были явлением очень распространенным. Каждая церковь, каждый монастырь для содержания своего причта нуждались в пахотной и пастбищной земле, и они ее получали, а самое главное, они ее сами экспроприировали.

Господари «жаловали» земли монастырям так же, как и светским феодалам «до нашего живота»⁹³. Таким образом,

⁹¹ Documente, I, p. 230.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 260.

⁹³ Documente, I, p. 270.

настоятели монастырей становились настоятелями-вотчинниками.

Молдавский господарь Стефан Великий только одной грамотой подтвердил монастырю Путна 30 сел, с несвободным населением, которое должно было работать на духовных эксплуататоров⁹⁴.

За Радовицким епископством жалованной грамотой от 15 марта 1490 года было утверждено 50 сел⁹⁵.

Все монастыри имели обширные владения, земли, села. Большинство монастырей получало от господаря подтверждение привилегий, которые давали им право собирать повинности с крестьян сел, им принадлежащих. Однако этот рост крестьянской эксплуатации не был результатом добрых намерений господаря в отношении церковных корпораций, как полагает И. Урсу⁹⁶. Это результат экономического и политического усиления феодалов и распространения иммунитета, о чем речь будет идти далее.

В 1492 г. господарь жалует монастырю Путна несколько сел, а также предоставляет ему право осваивать земли: «колко узмогут оживати досит»⁹⁷. Другой грамотой господарь подтверждает тому же монастырю 16 населенных пунктов с прилегающими пашнями и угодьями⁹⁸.

Приведем еще несколько примеров земельных вкладов монастырям на «помин души» и купли и продажи земель церковными феодалами.

В жалованной грамоте от 19 июня 1466 года говорится: «да утвердимъ и укрепимъ наш монастыр от Побрате, идеже ест храмъ святого отца нашего Николы, и где ест егумен молебник нашъ кир поп Селевестру, и дорадили се есмо с нашимъ митрополитомъ киръ Теоктыстомъ, и епископомъ нашимъ кир Тарасиемъ от Романове (тръгоу), и съ усею нашею радою, и учинили есмо за душу и за спасение светопочившего дида нашего старого Александра воеводи, и за душу и за спасение светопочившего родителе нашего Богдана воевода, и за душу и за спасение матери нашей Мариа, и за душу и за здравие нашего господства, и за душу и за здравие княжны господства ми Овдотиа, и за здравие възлюбленных чада господства Александра и Олены, и за душу и за спасение усих светопочивших предков наших дали и потвердили есмо вичный оброк тому светому монастыру от Побрате, да имают на каждый год от нас по 10 бочки вина и два мажи рыбы, ...половина ка-

---

⁹⁴ Там же, II, стр. 214—217.

⁹⁵ Там же, I, стр. 406—409.

⁹⁶ I. Ursu, *Stefan cel Mare*, Bucuresti, 1925, p. 340, 400.

⁹⁷ Documente, I, p. 500—511.

⁹⁸ Там же, I, стр. 419—421.

мен воску от Красного тыргу, и усы бербеницы меду от десе-тину що будет от селах их, що будет от их людьи у Ботне, и озеро от устия Бька съ гырламы, и пасика Давидова на Бицы, и противъ устия Бька на Днистри да учинетъ соби 2 сетники. Еще есмо дали наше(му) монастырю единого нашего пито-мого татарина, от наших татар от Немца, на име татарину Думитру, ис женою, ис детми исъ усымъ своимъ наслед-ком»⁹⁹.

Этот отрывок из грамоты, помимо указаний на один из источников прироста монастырского земельного богатства, содержит очень много интересных данных, освещающих и другие вопросы социально-экономической истории Молдавии XV в. Таких документов в нашем распоряжении имеется не-мало и отдельные вопросы, которые в них затрагиваются, рас-сматриваются нами ниже в соответствующих разделах работы.

«На всяки год да давамо и посиламо по сто доукат оугорь-ских. Да ест оброк на всяки год монастырю нашему. Заг-рофу»¹⁰⁰, — говорит господарь в грамоте от 10 мая 1466 г.

Кроме господарей, крупные бояре также жаловали монастырям «на помин души» движимое и недвижимое иму-щество.

Светский феодал Юга-казначей оставил четыре жалован-ные грамоты на передачу земли и других материальных цен-ностей монастырю Путна «на помин души».

Грамотой от 25 января 1476 года он делает вклад в пользу монастыря в виде с. Ширауцы, золотого кадила, серебряного кивота, ста венгерских золотых дукатов и пары хороших ло-шадей¹⁰¹.

В другой грамоте от 1 июня 1476 г. вклад указан в еще больших размерах: с. Ширауцы, серебряное кадило стои-мостью в двенадцать «сомов», позолоченный кивот, сто вен-герских золотых дукатов, сто овец, виноградник с прилегаю-щими землями.

Приводим отрывок из этой любопытной грамоты, свиде-тельствующей, с одной стороны, о том, какими материальными ценностями располагал сам боярин Юга, и с другой, какие богатства концентрировались путем вкладов в руках духов-ных феодалов.

Ведь Юга, конечно не последнюю сотню овец пожаловал монастырю на помин своей души, а монастырь не первую сотню овец от него получил. Юга, повидимому, не собирався умирать. Наоборот, он рассчитывал еще пожить за счет эксплуатации непосредственного производителя—крестьянина. Об этом говорится в самой грамоте, где вкладчик требует от

⁹⁹ Documente, I, стр. 105–106.

¹⁰⁰ Там же, I, стр. 99.

¹⁰¹ Там же, I, стр. 211.

духовенства несколько раз в году упоминать его имя при его жизни.

«Монастырю... Поутной, дали есми одну каделницуу от 12 соми серебра, и кувот от три соми, позлащени, и 100 злат оугръских; и 100 овецъ, и едно село на име Шировци оу Черновский дръжави, и един виноград близъ винограда монастырская оу Хърлов, и полю колико, яко да творет ми память на веки вечния ген. 1 въ день святого Василиа Великого, вечеръ парастась а заутра святаа летургия, прежде же смерти нашей и по смерти довека вечнаго»¹⁰².

В том же году и в том же месяце, только уже в конце его (29 июня 1476), составлена третья грамота Юга монастырю Путна: «монастырю... Путной, и дали есми одну кадилницу три соми сребра и позлащена, такожде же и один кивот еще от десяти соми и позлащен и еще дали есми одну сотню злат оугорьских, и одно село на име Шировци оу Черновской державы, яко да творит ми память на веки вечная»¹⁰³.

Четвертая жалованная грамота такого же содержания, оставшаяся от Юги, относится к 1462 году¹⁰⁴.

Таковы отдельные примеры тех вкладов «на помин души», число которых можно было бы значительно умножить, но мы ограничимся приведенными.

Помимо вкладных грамот, сохранились источники, рисующие различные операции монастырей по купле, продаже, обмену земельных участков.

В меновой грамоте от 20 сентября 1479 г. читаем, что господарь производит обмен сел с Сучавской митрополией, отдавая последнеи два села за одно¹⁰⁵.

5 июня 1470 г. господарь специальной грамотой подтверждает обмен селами между Быстрицким монастырем и казначеем Юрием и его родственниками¹⁰⁶.

Крупный духовный феодал Феоктист покупает у светского землевладельца Ротомпана село за полученные им деньги от продажи села Гречи¹⁰⁷. «Пред усыми нашими молдавскими бояре, великими и малыми, старыми и молодымы, наш верный боярин пан Журжа Ротомпан.. продал свое питомое село и правою отнину што он купил тое село от пана Жулы брата пана Иона Пынтече, а на име селу Михэешти... родителю нашему кир Теоктисту митрополиту»¹⁰⁸.

Итак, мы выяснили основные пути роста монастырского землевладения, которое складывалось в результате экспро-

¹⁰² Documente, I, p. 215.

¹⁰³ Там же, I, стр. 217.

¹⁰⁴ Там же, I, стр. 70.

¹⁰⁵ Там же, I, стр. 233.

¹⁰⁶ Там же, I, стр. 122—153.

¹⁰⁷ Там же, I, стр. 83—84.

¹⁰⁸ Там же, I, стр. 89.

приации общинных земель, покупок, пожалований и вкладов на «помин души» и т. д. Внимательное изучение источников показывает, что некоторые монастыри (Радовицкий, Путнянский и другие) имели обширные владения в нескольких волостях. Так, уже к 1490 году земельные богатства монастыря Путна разрослись настолько, что распространились на две волости: Сучавскую и Черновицкую¹⁰⁹.

Таким образом, в руках духовных и светских феодалов концентрировалась земля — основной источник национального богатства и материального благополучия. В руках феодалов сосредоточивались материальные ценности: золото, серебро и различные дорогие вещи. Наконец, они являлись обладателями больших стад скота.

6. Дворянско-помещичье землевладение

На самой низкой ступени класса феодалов-землевладельцев стояли дворяне-помещики. Бесперывные походы и войны в борьбе за свою независимость, которыми полна история Молдавии того времени, заставляли господаря увеличивать контингент служилых людей. Служилыми людьми являлись дворяне-помещики, которые за свою службу господарю получали от него земли. Раздача земли во временное владение под условием несения военной службы могла удовлетворить потребность в военной силе. В Молдавии дворяне в последующие века носили название куртени (от лат. слова *curtis* — двор). Эта многочисленная группа мелких феодалов была достаточно требовательным и беспокойным элементом.

Источники отмечают, что в 1475 году турецкий султан Магомет II направил против Молдавии 120000-ое войско¹¹⁰. Для того, чтобы противостоять такой большой для тех времен силе, Стефану Великому необходимо было собрать свое войско. Поэтому он все свои симпатии обращает в сторону дворян, наделяя их землями с обязательством выполнения военной службы.

Интересы господаря и дворянства совпадали, так как господарь был сторонником централизованной власти и к этому же стремились дворяне-помещики, которые страдали от бесчинства крупных феодалов.

В связи с тенденциями создания централизованного Молдавского феодального государства, расширением контингента войска, необходимого для обеспечения независимости страны и предотвращения постоянной угрозы со стороны соседей, — Венгрии, Польши, Валахии и особенно Турции, в Молдавии

¹⁰⁹ Documente, I, p. 41° — 421.

¹¹⁰ Там же, II, стр. 320.

с XV века наблюдается рост поместного землевладения — «выслуживания» — выслуги. Особенно способствовали этому военные реформы Стефана Великого.

Дворяне стремились приобрести как можно больше земель, населенных зависимыми крестьянами. Эти попытки встречали сопротивление со стороны боярства и духовенства, которые имели уже созданные разными путями обширные земельные владения и видели в дворянстве серьезного соперника. Поэтому в среде господствующего класса — феодалов разгорается борьба за землю и за даровую рабочую силу. Сохранились источники в виде материалов многочисленных судебных процессов, которые отражают эту борьбу. Земельные тяжбы длились десятилетиями. Так, например, процесс княгини Марушки и Ивана продолжался несколько десятилетий¹¹¹.

Споры за землю и рабочие руки принимают особенно острые формы с XVI в. Это было вызвано развитием товарно-рыночных отношений в феодальном хозяйстве, остававшемся натуральным в своей основе, увеличением собственной запашки феодала и все большим проникновением товарно-денежных отношений в экономику страны.

Дворянин, получив от государя участок земли в поместье, нуждался для обработки в рабочих руках. Несвободное сельское население, попав в феодальную зависимость, обслуживало все потребности помещичьего хозяйства. Последнее, так же, как и монастырское и боярское, основывалось на внеэкономическом принуждении крестьянина, наделенного помещиком небольшим участком земли на основе феодального права. Поэтому помещичье хозяйство отличалось от боярского и монастырского не только размерами, но и тем, что держание земли было обусловлено несением службы. Во внутренней организации поместья не было чего-либо специфического. Помещик становился хозяином переданного ему под условием выполнения служебных обязанностей участка, и его власть распространялась на подвластное сельское население.

Поместное землевладение увеличивалось за счет земельного фонда молдавского господаря. Но этого фонда было недостаточно для обеспечения растущих потребностей дворянства. Кроме того, господарь сам был заинтересован в том, чтобы сохранить за собой как можно больше дворцовых земель. Поэтому Стефан Великий начинает передавать в поместья конфискованные земли провинившихся бояр¹¹². Поскольку таких бояр было немного, приходилось искать новых ресурсов. Тогда взоры господаря обращаются в сторону общинных земель. И вот с конца второй половины XV в. и особенно на

---

¹¹¹ Documente, I, p. 191—192.

¹¹² Там же, II, стр. 21—22.

протяжении XVI столетия идет массовое обезземеливание крестьян-общинников и закрепощение их труда.

Были и иные пути роста дворянского землевладения. В источниках отсутствуют указания на ограничения права покупки помещикам земель. Несомненно, что каждый дворянин старался приобрести в собственность участок земли, который служил бы для него источником материального благополучия.

Зарождение поместного дворянства в Молдавии относится ко времени ранее XV в. Но более детальные сведения о поместных земельных дачах падают на указанное столетие. Так, например, 25 апреля 1420 года Александр Добрый, отмечая «верную и правую» службу Оны, утвердил за ним десять сел. Михул от Дорохоя, который служил «право и верно» Александру Доброму и его сыновьям, владел к 1437 году 52 селами.

Рост поместного землевладения и некоторое усиление дворянства вовсе не означало падения могущества боярства.

Великие бояре еще в XVIII в. держали в своих руках обширные земельные владения — латифундии. По словам Кантемира, «некие (бояре — Ф. Г.), имевшие во владении до 500 дворов, считались «баронами», соответствуя великим боярам в России».¹¹³

«Боярская олигархия, — отмечает Р. Росетти, — концентрирует в своих руках большую часть земель страны»¹¹⁴. «Двадцать восемь боярских семейств, — продолжает далее автор, — захватили более чем четверть сел Молдавии, и если учесть тот факт, что к этим селам прилегали самые обширные владения, то мы можем заключить, что эта кучка людей владела более чем одной третью всех земель страны». «Владения монастырей также составляли латифундии». Наконец, «двадцать пять латифундий принадлежало господарю»¹¹⁵.

Из работ Р. Росетти видно, что к XVIII в. в руках господарей, бояр, монастырей и дворян-помещиков оказалось более трети земель и угодий всей Молдавии. Р. Росетти вынужден был признать, что все зло крылось в латифундиях и неправильном распределении средств производства. Указывая на эти явления, он дал нам ценные данные о положении крестьянства не только в рассматриваемый им период, но и в гораздо более раннее время. Постепенно шло обезземеливание крестьянства и концентрация средств производства в руках небольшой кучки людей, превративших их в предмет личной наживы и орудие жестокой эксплуатации основной массы народа — крестьянства.

¹¹³ Д. Кантемир, Цит. соч., стр. 289.

¹¹⁴ R. Rosetti, *Pământul, satenii si stapânii în Moldova*, Bucuresti, 1907, p. 312.

¹¹⁵ Там же, стр. 313.

Таков важнейший результат того длительного и сложного исторического процесса, который берет свое начало задолго до изучаемого нами времени, — второй половины XV в.

7. Резешское землевладение

В Молдавии XV в. существовала еще небольшая категория свободных крестьян резешей, которые постепенно разорялись и попадали в феодальную зависимость от крупных землевладельцев. Случайные и скупые документальные данные свидетельствуют, что резешское землевладение было незначительным по своим размерам и с течением времени все более дробилось. Мы узнаем из источников, что эта категория крестьян продавала свои участки земли феодалам и, напротив, очень редко приобретала землю. Конечно, продажа резешами земли феодалам имела место в том случае, если они не находили покупателей из числа резешей — общинников, а последние редко были в состоянии приобретать недвижимое имущество и конкурировать в этом отношении с представителями феодального класса.

Купчей грамотой от 28 мая 1470 года «убогие люди» оформляют акт продажи: «...пред оусими нашими молдавскими бояре, великими и малыми, наши оубози люди от Хорловского тоъргоу на име Карлакь Ласловь и Тоть Ищфань и Сташко и Себищиань и Фасекишь и Имбривь... продали намь свою правоую и питьмоую о(т)пиноу единь виноград оу Хорловском хотаря...»¹¹⁶.

В другой купчей, подтвердительной грамоте от 22 февраля 1502 г. выступает другая группа резешей, которая продает село с прилегающими к нему землями крупному светскому феодалу, казначею Исааку. В документе говорится: «А пак Добра, дочка Иванкова, и племянникове ей Тоадер Мечка и Берзя, привилия що имали от оуика (предка — Ф. Г.) своего пана Шандре пор-таре от нас же на тое село на Долхещи, и еще двеи стариин привилии, що имали их **содышеве** от нашего деда от Александра воеводы на тоежь вышеписанное село на Долхещи що на Шумузе, они еще их оуси дали оу руки пану Исаку вистернику, пряд намиж и пряд нашими бояри»¹¹⁷.

Еще в значительно более позднее время в Молдавии можно было встретить различие между резешскими и не резешскими селами. Жители первых всегда гордились своим положением и происхождением, так как резешы были свободными.

---

¹¹⁶ Documente, II, p. 150.

¹¹⁷ Там же, II, стр. 196.

Крестьянство всеми средствами — и круговой порукой, и взаимной помощью — старалось сохранить земли за общиной и всячески сопротивлялось феодалам. Но оно не могло устоять перед всесильными представителями господствующего класса, вооруженными всевозможными жалованными грамотами и пользовавшимися привилегиями.

Так постепенно сокращались крестьянские общинные земли, а в самой жизни крестьян-общинников происходили большие изменения.

8. Наследственное землевладение

Познакомившись выше с характером земельной собственности различных социальных слоев молдавского феодального общества XV в., рассмотрим теперь формы владения землей в Молдавии в интересующий нас период времени.

В самом начале нашей работы мы отметили, что молдавское феодальное право знало два основных вида владения землей, которые присущи феодальному способу производства во всех странах. По объему землевладельческих прав феодальные владения в Молдавии можно разделить на те же две категории, которые существовали в средневековой Европе: 1) владения на правах полной собственности; западно-европейской сеньерии, русской вотчине, сербской «баштине» соответствует молдавская вотчина или «отчина» и 2) владения условные; западному феоду или лену, литовской выслуге, балканской «пронии», московскому поместью соответствует молдавская вислуга или «вислужание» (бенефиций).

Сеньерия средних веков на Западе или русская вотчина, как было выше отмечено, получает аналогию в Молдавии в виде боярской или монастырской «отчины» или вотчины. Ее владельцы — господарь, боярин, настоятель монастыря покупали, меняли, продавали свои земли, передавали их по наследству и т. д. Для подтверждения изложенного приведем несколько примеров из источников.

Из купчей и жалованной грамоты от 15 сентября 1466 года видно, что Стефан Великий покупает у боярина Стана Бабича и его братьев Иокима и Семена Бабича, у сыновей Иокима Бабича Васька и Федька и у его внуков село Верхний Жиков и угодья на р. Сучаве, за 200 татарских злат. Затем Стефан жалует эту вотчину монастырю Путна¹¹⁸.

Приведенная грамота содержит в себе указание как на куплю вотчины, так и на ее пожалование.

«Пан Юрие вистиарник и пан Петрашко, кумнат его (зять — Ф. Г.), — говорится в меновой грамоте от 5 июня 1470 года, —

---

¹¹⁸ Documente, I, p. 11.

и съ тежчею своею старои кнегини Стецка, унуковою Демекушъскул, Анушкою, и съ Софиикою... потокимили ся съ нашим игуменом архимандритом Феодором от Бистрицкого монастыря и менили села своа, и дал пан Юрие вистиарник и пан Пътрашко и съ их тещею Анушкою и дочкою Настею и Софиика монастырю нашему от Бистрици, где ест егумен Теодор, едно село що ест им правая отнина от своего правого урика, на име селу Хемеяни на Великом Тазлове, а Теодоръ дал им тиж правого монастырскою отнину за тое село на имя Сирби, пониже Хемеян, еще на Великом Тазлове»¹¹⁹.

Как явствует из грамоты, здесь происходит обмен между двумя землевладельцами: светским, паном Юрием и его родственниками, — с одной стороны, духовным феодалом архимандритом Феодором от Быстрицкого монастыря, — с другой.

В грамоте от 9 марта 1479 года сказано: «боярин наш верный пан Богдан столник... продал свою правую отнину и дедьниноу от своего правого оурика, едно село на имя Подолении оу дръжави Немецкои, на оустия потока Негритяска, по обя стороны потока, и съ единъ став (пруд — Ф. Г.) и съ млини оу Бистрици, тои продал самому господству ми за осим сот и седим десет и две злата татарски... А господство ми дадох и помиловах правою и викоупление съ тое село на име Подолении, на оустия потока, по обе стороны потока, и съ единъ став и съ млини оу Бистрици, господство мы помиловах слуге нашему Аврам Фрънкому и дадохом его... съ вьсем доходом, и детем его и оуноучатом и преоуночатом его и пращоуретомъ его, непороушено николиже на веки»¹²⁰.

В этой грамоте не только с предельной ясностью определяются права вотчинника, но и говорится о том, что вотчина составляла землевладельческий комплекс, в который входили пруд, мельница, жилые помещения. Все это господарь подарил в наследственное владение своему слуге Аврааму и всему его роду, т. е. ближайшим родственникам «до пращурытов» «на веки».

Вотчины иногда давались в приданое: «...потверъдили есмы ему (мужу — Ф. Г.) у нашей земли у молдавской отнины и дидины жоны его Елены, на имя села на Полены, где были князове Бьлошь и Данчул, и млинь (мельницу — Ф. Г.) на Молдаве що ест у тях селах», — так говорит рядная грамота от 13 августа 1471 года¹²¹.

Больше того, женщина, владевшая вотчиной или ее частью, имела право распоряжаться ею по своему усмотрению. «Отчина Феткова, дочка Камилова, от еи правого и питомного урика, та

---

¹¹⁹ Documente I, n. 152—153.

¹²⁰ Там же, I, стр. 221.

¹²¹ Там же, I, стр. 157.

продала тое село слuze нашему пану Козме ушарю (ведающему воротами — Ф. Г.) за 160 злати татарских»¹²², — читаем в купчей грамоте 1482 года. Таким образом, Фектова продала свою вотчину, полученную ею в приданое от своего отца Камилова, хоть у нее был муж Штефул Спиненул¹²³.

Можно привести также деловые грамоты, которыми оформлялся раздел вотчины между наследниками: «Тоадер Звыщаль и съ своими сестрами Станюю и Мареною, и Марушкою,— говорится в грамоте от 20 октября 1469 года,— потокмили (договорились — Ф. Г.) они уси посол...та отступили оны брату своему пану Тоадеру Звыщали одно село на име селу Звиделеци на Богдане. А его сестрам щобы им было село Щерб'нещи на Богдане»¹²⁴.

В другой, приводимой ниже деловой и купчей грамоте, рассказывается о разделе вотчины между большим количеством наследников как по мужской, так и по женской линии, а также о продаже частей вотчины. «Доне, дочка Настина, оуноучка Марина... продала свою правоую отниноу, от своегож праваго урика, едно село на Днистре, на оустие Ризине, на име село Резина (ссывременнсе местечко Резина — Ф. Г.), где был Алекса ватамань, що се приходило тое село у еи част от отнины предеда еи пана Негри, то продала тое село своемоужь племеннику, слuze нашему верному пану Тоадеру, писареви... На том також приидоша пряд нами и пряд оусими нашими молдавскими бояре Федка и сестри еи Мърина и Гинда, дочка Мьлинны, и племенида их Тоудора, дочка Сима Роужиръ, и сестричи еи Саоула и Иван и Нистор, оуси оунокове Сима Роужиръ, також... продали свою правоую отнину, також от своего праваго оурика, едино село на Днистри, на име село Синашевци, що се пак оу их част приходило тое село от отнинь предеда их пана Негри, он соби пряд нас же разделили, та продали тое село також своему племеникоу слuze нашему верному пану Тоадеру, писареви»¹²⁵.

Из приведенных документов видно, что продажа незначительных по своему размеру земельных участков или их частей производилась и резешами, которые также пользовались правом отчуждения недвижимого имущества, хотя в силу сложившихся у них обычаев земля должна была отчуждаться в первую очередь родственникам или членам сельской общины. Но вопрос о резешском землевладении рассматривается нами особо.

Таким образом, на основании источников можно сделать заключение, что вотчина в Молдавии характеризуется всеми

---

¹²² Documente, II, p. 262.

¹²³ Там же. I.

¹²⁴ Там же, I, стр. 138.

¹²⁵ Там же, II, стр. 70—71.

признаками, присущими полной и безусловной собственности. Как и в других странах в период развитого феодализма, молдавская вотчина делилась между наследниками, продавалась, закладывалась, дарилась, давалась в приданое, жаловалась «на помин души», подлежала обмену и т. д.

9. Право наследования вотчин

Молдавия в рассматриваемое время знает, как и другие страны, два порядка наследования: по воле завещателя и по обычному праву, в дальнейшем получившему оформление в письменном законе. Указания на первый вид наследования встречаются в источниках очень редко; второй — достаточно распространен.

Обычная формула грамот гласит: «да ест ему от нас оурик съ въсемъ¹ доходомъ ему и детемъ его и оуночatomъ его и преоуночatomъ его и пращурatomъ его и въсеому роду его кто се имъ избере²т наближнии непорушено на веки».

Согласно этой формуле вотчина, полностью или по частям, должна была перейти к ближайшим наследникам землевладельца, в зависимости от степени родства с последним, в первую очередь к его детям обоего пола.

Девушки наследовали вотчину, или ее часть, наравне с их братьями, что подтверждается многими источниками; случаи утверждения сел грамотами Александра Доброго и его преемников за лицами как женского, так и мужского пола, являются достаточно многочисленными.

Дети обоего пола имели равное право на наследство. Женщина имела одинаковое право с мужчиной владеть селами и землями; она могла по своему усмотрению распоряжаться своей собственностью, она имела полное право отчуждать собственность.

«Придоша пред нами,— говорит господарь Стефан в 1503 году,— Кърстъна, дочка Вонславика, и сестричичи еи Настасье и племеница их Васутка, дочка Михулова, унуки Ивана Дамьяновича... *продали свою правую отнину от их праваго урика*»¹²⁶.

В другой, деловой, грамоте читаем о разделе вотчины между наследниками обоего пола, при чем брат берет одно село, а трое сестер — другое¹²⁷. Быть может, не все наследники получали равные доли вотчины, но бывали случаи, когда дочерям доставалась большая часть, чем сыновьям. В этом отношении не было, повидимому, установлено строгого порядка. Несомненно одно: дочери наследовали имущество наравне с сыновьями.

¹²⁶ Documente, II, p. 232—239.

¹²⁷ Там же, I, стр. 138—139.

В подтвердительной грамоте 1473 года формула о наследовании относится к «обоим полам». Все сказанное касается вотчинного землевладения и не распространяется на молдавскую выслугу, т. е. на землевладение поместное.

10. Условное землевладение

Быстрый рост служилого дворянства требовал обеспечения его земель. Для этой цели молдавские господа прибегали к своим земельным фондам, а когда их стало недостаточно, начали раздавать общинные земли. С использованием дворянства в качестве военных слуг был связан второй вид феодального землевладения, который получил в документах название «выслужание» — выслуга и представляет, как уже было сказано выше, аналогию западноевропейскому феоде или лену, сербской «пронии», русскому поместью или литовской «выслуге».

Как видим, в Литовском княжестве и в Молдавии наблюдается полное соответствие термина «выслуга».

Условные формы феодального землевладения были известны в Молдавии и до XV в., но в законченном виде «выслужная» система могла сложиться только в условиях наличия тенденции складывания централизованного государства.

Характерными признаками молдавской выслуги были: владения земель под условием несения военной службы, и отсутствие права распоряжения ею. Выслугу, как правило, нельзя было ни продавать, ни менять, ни передавать по наследству, ни закладывать, ни жаловать «на помин души» и т. д.

Условный характер владения выслугой в Молдавии так же, как и в Северо-Восточной Руси в XIV—XV в., подчеркивают термины «жалование», «пожалование», «помилование». Эти выражения соответствуют характерному для феодальной Западной Европы термину «бенефиций».

Молдавская «выслуга» могла быть пожалована господарем дворянину в вотчину. В таком случае поместный участок земли по последующей жалованной грамоте переходил к владельцу навсегда, с правом передачи по наследству.

Грамоты о молдавской выслуге до XV века немногочисленны, но в дальнейшем число их возрастает. С течением времени в этих грамотах все точнее определяется юридическая природа условного землевладения.

Один из наиболее ранних известных нам случаев условного владения землей упомянут, правда вскользь, в грамоте Юги Кориотовича (3 июня 1374 года), изданной в гор. Бырладе. В этой грамоте говорится, что молдавский господарь Юга Кориотович жалует Яшку Литового двумя селами на Днестре, находящимися уже в его владении. Господарь сделал это с целью вознаградить Яшку Литового за его службу и прояв-

ленную храбрость в борьбе с татарами во время сражения при Владице, на Днестре.

Имеются и еще документы, относящиеся к XIV в., такого же примерно содержания. В них также речь идет о передаче условного владения в вотчину. Две грамоты даны от имени Романа Мушата и датированы 30 марта 1392 г.¹²⁸ и 18 ноября 1393 года.¹²⁹ Две другие грамоты выданы Югой II-м, при чем первая из них не датирована, вторая от 28 ноября 1399 года.¹³⁰ Вот и все сведения о выслуге, сохранившиеся от XIV в. Точной формулировки выслуги мы не встречаем, в грамотах говорится только о том, что недвижимость, находящаяся во временном владении того или иного лица, жалуются ему в вотчину. Но это свидетельствует уж о многом. По мере роста государства, увеличения контингента его войск число грамот неуклонно возрастает, и все более ясной становится юридическая природа условного землевладения.

Грамотой от 28 января 1409 года Александр Добрый утверждает переход «выслужания» в «отнину» Журже Унгуриян.¹³¹

Со времени Стефана Великого, т. е. со второй половины XV в. выслуга или поместье выступает в актовых документах и в других источниках более рельефно. «Прииде пред нами и пред нашими болере Града и своими оуноуки, по их доброу волю, и стокмили се и своею сestroю Черноу, пани Ивоулова, и дала Града и своими оуноуки сестри своеи Черни *вислужание* отца их едно село на Черном потоци на име Микоулеши, где был дом отца их Никола»¹³². Здесь имеется указание на то, что Никола находился некогда на господарской службе, за которую пользовался селом на Черном потоце. Это село по истечении определенного срока специальной грамотой было превращено из временной выслуги в вотчину. Теперь же, в новой грамоте, относящейся к потомкам Николы, упоминается, что это «вислужание отца их Никола». Такова длительная эволюция молдавской выслуги.

Господарь мог жаловать выслугу в наследство детям послужильца-дворянина. «Из особои нашей милости жаловали Марушки, дочери Михаила Мисича вислужания ее отца»¹³³ — читаем мы в жалованной подтвердительной грамоте 1466 года. Прямое указание на военных господарских слуг находим в грамоте от 1 января 1467 года: «слоугы наши верны Мойка и брат его Косте служили нам право и верно. Тем мы видевши их правую и верную службу до нас жаловали есмо их особною

¹²⁸ B. P. Hasdeu, *Arhiva istorica*, I, p. 18.

¹²⁹ R. Rosetti, *Op. cit.* p. 132.

¹³⁰ Там же, стр. 132.

¹³¹ Там же, стр. 133.

¹³² *Documente*, I, p. 45.

¹³³ Там же, стр. 107—108.

нашею милостию... их правое вислужение и купление, один се-
лище»¹³⁴.

Вчитываясь внимательно в этот источник, убеждаемся, что здесь нет никакой «милости» или пожалования по существу. Это просто трафаретная формула грамоты. Дальше в грамоте говорится о выкупе Мойкой и Костей своей выслуги: «их правое вислужение и купление».

Постепенно расширяющийся круг источников ведет нас к пониманию характера выслуги. Приведем еще один пример. «Тот истины наш верны слуга Влад Моурсе служил нам и подтвердили есмо ему оу нашей земли его правая и питомая отнина села на име: половина села от Албешии на Стебнику, и место от пустыни оу крьници (у колодца — Ф. Г.) на обыршии Ларжиени, повыше Рышкании, що есми мы дали ему за его службу»¹³⁵. Мурсе является владельцем половины вотчины и, кроме того, получает в качестве выслуги за несение службы землю выше Рышкан. Таким образом, он выступает в роли вотчинника, владеющего половиной села на наследственном праве и одновременно в роли помещика, так как «пустыни» даны «ему за его службу»¹³⁶.

Однако ошибочно было бы думать, что господарь давал земли только в поместье и обуславливал их несением военной службы. В разделе «Боярское землевладение» мы могли убедиться, что господарь жаловал великим боярам земли в вотчину, и эти пожалования не были обязательно связаны со службой. То же самое можно сказать о характере землевладения в средневековой Европе и феодальной Руси.

Энгельс указывает, что на Западе «земельное пожалование отнюдь не обязательно было... связано «со службой» и в действительности имело место далеко не во всех случаях»¹³⁷. Приводя это высказывание, Л. В. Черепнин замечает: «В феодальной Северо-Восточной Руси поземельная зависимость часто влекла за собой служебную и наоборот»¹³⁸.

Таким образом, к началу XVI в. в Молдавии сложились две основные группы феодальных землевладельцев: первая — привилегированные землевладельцы — вотчинники-бояре, и вторая — служилые дворяне-куртены (помещики).

---

¹³⁴ Documente, I, p. 117.

¹³⁵ Там же, I, стр. 135—136.

¹³⁶ Там же, I, стр. 136.

¹³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 404.

¹³⁸ Л. В. Черепнин. Из истории древне-русских феодальных отношений XIV—XV вв. «Исторические записки», № 9, 1940, стр. 51.

11. Сельская община

Вопрос о молдавской общине совершенно не изучен. Источники, относящиеся к данной теме, очень скудны. Однако пережитки общинного способа производства, которые сохранились в Молдавии вплоть до XV в., убеждают нас в том, что факт существования общинного строя на территории Молдавского княжества не может вызвать никакого сомнения.

Патриархально-семейная община, распадаясь, неизбежно перерастала в территориальную сельскую общину. Последняя сохранилась еще в XV в., обнаружив свою жизнеспособность. Но с ростом феодальных отношений происходят перемены в жизни сельской общины, которая подвергается феодализации.

Несомненно, что патриархально-семейная община могла существовать только на известной стадии развития производства. С развитием же производительных сил условия производства изменились. «...Становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, они (общины — Ф. Г.) распались, — пишет Энгельс, — находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими»¹³⁹. Так постепенно общинные поля превращались в частную собственность.

В XV в. сохранялось еще достаточно общинных земель, известных под именем «пустоши». Они назывались также «общественные или общинные поля». Этот термин соответствовал «черным землям» в Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Верховным владельцем таких земель юридически считался господарь, но фактически они находились в руках общинников-резешей. Эти «пустоши» не были пустошами в подлинном смысле слова, так как они обрабатывались. Названием *ager publicus* (общинные поля) в Молдавии подчеркивался их коллективный характер, так как в XV веке угодьями, лесами, лугами, выгонами, водами и т. д. пользовались коллективно.

Нам известен слой несвободных крестьян в Молдавии, именовавшихся вечинами, т. е. «соседями». Происходя из числа свободных крестьян общинников-резешей, вечины попали в феодальную зависимость к крупным землевладельцам. Академик Б. Д. Греков, исследуя сельскую общину в Галицкой Руси и Польше, говорит: «*vicini villani* — это «соседи» — несомненно, общинники»¹⁴⁰.

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, часть I, стр. 118.

¹⁴⁰ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, Москва—Ленинград, 1946, стр. 294.

Молдавский термин вечин, который происходит от латинского слова *vicinus* в переводе на русский язык означает «сосед». Вечины или соседи некогда были свободными общинниками, позже они превращаются в несвободных крестьян.

Община была свойственна также валахам, но ни один буржуазный историк Румынии с правильных методологических позиций не сказал о ней ни слова. «Галицкое крестьянство не было заинтересовано в уничтожении общины. Не стремились к этому и валахи, — говорит Б. Д. Греков, — рано начавшие селиться на пограничной с Венгрией территории Галицкого княжества. Валашские поселения жили на своем валашском праве и крепко держались на свою общину»¹⁴¹.

Отсюда видно, что Дунайским княжествам была известна община и что народы Молдавии и Валахии дорожили сложившимися у них порядками. Более того, как отмечает Б. Д. Греков, валахи, даже живя на территории Галицкого княжества, продолжали придерживаться своего обычного права и крепко охраняли свою общину. «Самоуправление общин, сидевших на валашском праве сохранялось очень долго»¹⁴².

Община в Молдавии, как и в других странах, несомненно, стояла на страже прав своих членов. В XIV—XV вв. она имела еще достаточно сил для того, чтобы задержать на время темпы надвигавшейся на нее опасности полной феодализации. Но для решительного преодоления этой опасности сил не хватило.

В отношении общины в Придунайских княжествах имеется очень ценное замечание у Маркса. Оно помогает исследователям в изучении общинных порядков как более позднего времени, так и XV в. Маркс не только указывает на существование в княжествах, как и других народов, общины. Марксом подчеркнуты также отличительные черты общины в Молдавии и Валахии и показано родство ее уклада с общинными порядками других стран и народов.

«Их (княжеств — Ф. Г.) первоначальный способ производства, — пишет Маркс, — был основан на общинной собственности отличной от славянской и в особенности от индийской формы. Часть земель самостоятельно возделывалась членами общины, как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* (общинное поле) — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожая и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие издержек по войне, с религиозными целями и других общинных расходов. С течением времени, — продолжает Маркс, — военная и духовная знать

---

¹⁴¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси, Москва—Ленинград, 1946, стр. 299.

¹⁴² Там же.

вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности». Так «труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли»¹⁴³.

Следы общинного строя долгое время сохранялись в молдавском обычном праве — так называемом «обычае земли». Даже в XV в. община несла коллективную ответственность за «голову» убитого, найденного на ее территории. Члены общины должны были разыскать убийцу. В случае необнаружения преступника, община платила штраф, доходивший иногда до 100 волов.

В XV в. в Молдавии сохранился еще институт «гонения следа». В краткой иммунитетной грамоте 1458 года читаем: «ни слид злодинских да не гонеть оу село том»¹⁴⁴, или «слидь... гонеть»¹⁴⁵. Общинники были связаны круговой порукой в уплате штрафов отдельных податей, падавших на общину в целом.

В XV в. дань взималась со всей общины, при чем, представители общины, князья, кнезы, жуде раскладывали сумму дани на всех членов. Только в XVII в., с полной феодализацией молдавской деревни, в документах исчезают указания на князей, кнезов, жуде и упоминаются лишь ватаманы.

Община имела свой суд, которым руководили князья¹⁴⁶ и жуде¹⁴⁷. Из этого суда исключались уголовные дела: душегубство и похищение девушки. Члены общины собирались на свой „сход“ — *vesia*, на котором решались вопросы, касающиеся всей общины.

По источникам XV в. можно проследить постепенное исчезновение термина — князь или жуде в качестве руководителя свободной крестьянской сельской общины. Грамоты, относящиеся к концу XV в., еще отмечают села, где имелись князья или жуде, в документах же XVI в. эти слова почти совсем выходят из употребления.

В подтвердительной грамоте Александра Доброго от 2 августа 1414 года читаем: «едино село на Кобыле где му ест домь, где ест был Веришь Станиславъ, а другое село на оустии Жеравце, где упадет на Брълад, на име где былъ Лиє и Циганештии князює, а третие село на Бръладе, где му ест другиѝ домь, где ест Тамашъ и Иванъ Князює»¹⁴⁸.

С полной феодализацией молдавской деревни власть над свободной когда-то общиной переходит к землевладельцу, который является верховным владельцем территории с не-

¹⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 260.

¹⁴⁴ Documente, I, p. 14.

¹⁴⁵ Там же, I.

¹⁴⁶ Там же, II, стр. 194.

¹⁴⁷ Там же, I, стр. 19.

¹⁴⁸ R. Rosetti, Op. cit., p. 34.

свободным сельским населением. Уже в грамоте от 1427 года господарь передает монастырю Хомор «село, где был князь Стань»¹⁴⁹.

20 декабря 1436 года молдавские господа, сыновья Александра Доброго, жалуют несколько сел Михаилу от Дорохоя, среди них упоминается одно село, «где Симеон князь»¹⁵⁰.

Чем ближе к XVI в., тем все реже фигурирует слово князь, и даже если оно встречается, то с указанием на прошлое время: село, «где был князь». Постепенно в жизнь сельской общины начинают все больше вмешиваться светские и духовные феодалы, а свободный крестьянский труд закрепощается. Так, господарь Стефан Великий подтвердительно грамотой от 3 сентября 1459 года, среди владений, которые он передает боярину Гостила, называет село, где находится «Кнеже Бран»¹⁵¹. Тот же господарь в 1487 году жалует монастырю Роман два села, но уже «где были князеве Бълошь и Данчул»¹⁵².

Однако община продолжала оказывать сопротивление феодализации молдавской деревни и принимала все меры для этого. Так, существовал прочно установившийся обычай преимущественной продажи общинных земельных участков членами общины, что способствовало сохранению за последней земли. Общинник, желавший продать свой участок, должен был заблаговременно известить об этом как своих родственников, так и других членов общины, и если среди последних отсутствовали имущие люди, которые были бы в состоянии совершить покупку, то в таком случае продавец мог вступить в сделку с любым покупателем, хотя бы с иностранцем.¹⁵³

Таким образом, община в княжествах показала свою жизнеспособность. Но, как указывает Б. Д. Греков, она «подвергалась воздействию общих экономических причин, способствовавших ее внутреннему перерождению»¹⁵⁴.

12. Иммуитет

Крупная феодальная вотчина представляла собой хозяйственную организацию, обслуживаемую трудом зависимого сельского населения.

Духовные и светские феодалы, достигнув могущества в экономическом отношении и политической самостоятельности,

¹⁴⁹ R. Rosetti, Op. cit., p. 34.

¹⁵⁰ Там же, стр. 34.

¹⁵¹ Documente, I, p. 35.

¹⁵² R. Rosetti, Op. cit., p. 35.

¹⁵³ Там же, стр. 199—200.

¹⁵⁴ Б. Д. Греков, Цит. соч., стр. 300.

добивались получения так называемых иммунитетных грамот от господарей. Согласно этим грамотам все население феодальных владений освобождалось, полностью или частично, от государственных податей и повинностей. Представители государственной власти лишались права вмешиваться в жизнь принадлежавших землевладельцу вотчин, производить суд над крестьянами и т. д. Кроме того, получивший грамоту был лично подсудным только господарю.

Таким образом, крупный землевладелец (боярин или монастырь) управлял населением своих владений, собирал налоги с подвластных ему «людей», чинил суд и расправу. Все спорные вопросы, которые возникали между крестьянами разных владельцев, решались при помощи общего суда, который носил название «смесный» и состоял из представителей обеих заинтересованных сторон.

Маркс очень метко охарактеризовал эту черту феодальной власти, сказав, что «в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»¹⁵⁵.

Феодальный землевладелец, таким образом, пользовался всеми правами, которые должны были принадлежать государственной или публичной власти. Комплекс этих феодальных прав, среди которых важнейшими были право судить подвластное население и собирать с него подати, и составлял иммунитет (от лат. слова *immunitas*, *immunis* — что значит в переводе на русский язык свобода, освобождение от тех или иных обязанностей или налогов). Иммунитет являлся особой формой внеэкономического принуждения крестьянского населения страны со стороны феодалов.

Румынские историки (Р. Росетти, И. Урсу и др.) рассматривают иммунитет как результат пожалований господаря монастырям и другим церковным землевладельцам. Более того, Р. Росетти говорит, что иммунитетом пользовались не только духовные феодалы, но и сельское население. Несвободные крестьяне, будучи освобождены от государственных повинностей, не несли их якобы и в пользу своего владельца.

«...Господарь освобождает поселян того или другого монастырского села от налогов, пожалование было в их пользу, и они не платили монахам налогов ни вместе, ни в одиночку»¹⁵⁶ — так пишет Р. Росетти. Не раскрывает действительной природы иммунитета, как атрибута крупного феодального землевладения, и работа В. Костакел, специально посвященная этому вопросу. В. Костакел, хотя и сделала большой шаг вперед по сравнению с своими предшественниками, однако она также рассматривает иммунитет с неправильных методологических

¹⁵⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 315.

¹⁵⁶ R. Rosetti, Op. cit., p. 291.

позиций, считает его результатом особых пожалований господаря монастырям и светским влиятельным лицам (*V. Costachel, Les immunités... Bucaresti, 1947*).

Но в действительности, как мы убедимся ниже, дело обстояло иначе. Нельзя считать, что все права иммунитета частных землевладельцев были результатом особого княжеского пожалования. Господарские грамоты не создавали новых производственных отношений, а также порядков, ранее неизвестных в управлении вотчиной; грамоты только фиксировали уже сложившееся в стране положение и утверждали его или распространяли на новые вотчины.

Таким образом, иммунитет на частновладельческих землях (при чем не только духовных, как думает Росетти, Урсу и др., но и светских феодалов), возник не по воле господарей, а в силу экономической независимости и политической самостоятельности крупного землевладельца.

В предисловии к книге С. Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» мы читаем: «марксистско-ленинская методология вкладывает в понятие иммунитета классовое содержание и рассматривает его как систему господства и подчинения в феодальной деревне, организованно проводившуюся классом феодалов методами внеэкономического принуждения. Если первоначально иммунитет является характерным признаком земельной собственности независимо от княжеской власти, то с усилением последней она начинает рассматривать себя как источник феодальных привилегий»¹⁵⁷.

Иммунитет — результат развития феодальных отношений, экономического и политического усиления феодалов-землевладельцев, в связи с экспроприацией общинных земель и нарушением прав свободных общинников.

«Феодальное здание венчается иммунитетом, — пишет Л. В. Черепнин, — изъятием из судебного, административного и податного подчинения высшей власти имений крупных феодалов»¹⁵⁸. Иммунитет имел классовое содержание. Основная масса крестьянства, которая работала на землях феодалов, получив от них участки земли на основе феодального права, находилась в состоянии подчинения своим владельцам. Последние осуществляли господство над непосредственными производителями методами внеэкономического принуждения.

Таким образом, согласно указанию основоположников марксизма, — «рассмотрение общественных отношений ведет

---

¹⁵⁷ Предисловие к книге С. Б. Веселовского, «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», Москва—Ленинград, 1947, стр. 4.

¹⁵⁸ Л. В. Черепнин, Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XV вв., «Исторические записки», № 9, 1950, стр. 68.

нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике»¹⁵⁹.

Лучшим источником для изучения организации и внутренней структуры феодальных владений являются жалованные, тарханные и несудимые грамоты, которые давались господами отдельным землевладельцам.

Иммуитет сложился в Молдавском княжестве еще задолго до Александра Доброго, а со времени последнего можно говорить об усиленном распространении иммуитетных привилегий на частновладельческие земли.

В ранних грамотах фигурируют термины «тархан», «тараканство», что обозначает в переводе на современный русский язык льгота, привилегия. Это показывает, что отдельные феодальные владения пользовались иммуитетом еще при первом Болгарском царстве. Еще тогда, надо думать, земли светских и духовных феодалов были освобождены от ряда податей и повинностей, а также изъяты из общей административной системы и юрисдикции. «Ни един тарканъ да не боудет» — говорит грамота от 8 сентября 1456 года, — имея в виду основную массу крестьянства. Но монастырь Быстрица получает «таркан» на торговую пошлину г. Бакова¹⁶⁰.

Приведем образчик краткой иммуитетной грамоты, в которой ясно говорится, что ряд повинностей и податей, которые лежали на крестьянах в пользу государства, переходят к монастырю Молдовица. «...Дали есми слобозию селу монастирскому на име Борхинеша, яко да не ходеть оу тум сели ни глобници от Сучаве и ни илишари; ни подвод не дают, ни посаду, ни на млинох наших да не робеть, ни вино да не возеть; и десятину от бчел и от свини да не дают; ни слид злодииских да не гонеть оу село том... и на город от Сочаве не робеть от того село... Алеж тот приход и оуси службъ от того село то оуси да прислухает к святой церькви от Молдавиции»¹⁶¹.

Из несудимой грамоты 1459 года узнаем, что жители сел Полены и Оничан не подлежат более общей юрисдикции господаря, и впредь их будет судить игумен: «...да не ходет оу тых селах соудци от Дорогуне, ани оуредници... да не смеет тых люди судити... А кому шо се оузрит кривдо на тых люди, тот да ишчет их съ законом пред егуменом или пред их оуредником, а иногo судце да не имеют...»¹⁶².

Большинство жалованных грамот содержит указания на привилегии землевладельцам, ограниченные некоторым, иног-

¹⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I.

¹⁶⁰ R. Rosetti, *Pământul, satenii si stapânii în Moldova*, Bucuresti, 1907, p. 288.

¹⁶¹ Documente, I, p. 14.

¹⁶² Там же, I, стр. 29.

да кратковременным, сроком. Например, в одной из них читаем: «нашъ митрополит кир Тарасие от Романова тѣргу даемъ и дали есми сес лист наш оусим его людем от его село от Негоещи..., а тих люди, варе кто имоут ся селити оу том село, а они да имают от нас великою **тараكانство** и **великою слобозию** за 5 лет о въсеком наше даание и службе»¹⁶³. Митрополит Тарасие, нуждаясь в рабочих руках и желая заселить село, добился привилегий, конечно, для себя, а не для несвободного крестьянина, который сядет на его землю. Как ясно подчеркивают многие жалованные грамоты, все те повинности, которые крестьяне должны были нести в пользу государства, присваивали себе согласно вотчинному праву землевладельцы.

Важной частью публичных прав землевладельца был суд над всем населением его вотчин. Исключение составляли только важнейшие уголовные преступления, так называемое «великое дело», в состав которого входили душегубство, похищение девушки и татьба, и которое оставалось в ведении господарского суда. Но очень часто можно встретить в источниках указания на то, что светские и духовные феодалы судят и «за великое дело».

В цитированной выше грамоте митрополиту Тарасие говорится, что крестьяне подсудны митрополиту и его урядникам и в делах высшей уголовной юстиции. После перечисления большого числа податей и повинностей в пользу монастыря, читаем: «И такожде ни паркалабове от Немце, ани старости от тою волости, ани глобницы их, ани припашаре, ни ослоухаре, ани слидогонци, ани за тадбе, ни за душегубство, ани за дѣукоу волочению, ани за ktorую дело, или за великое дело или за малое, никто их да не смеют соудити, лише сам митрополит или его оурядници»¹⁶⁴.

Землевладельцы, добившись у господарей иммунитетных грамот, подтверждавших их право собирать налоги в свою пользу и судить подвластное население, а, следовательно, и взыскивать судебные пошлины, пользовались, таким образом, двумя большими статьями дохода. Это способствовало дальнейшему экономическому усилению и политическому обособлению феодального владения.

Следствием судебного и податного иммунитета было также исключение феодального владения из общей административной системы.

«...Монастырем шо ест оу Загорной, али по старому хотарю, шо издавна... прислухает оувес тот хотаръ нашего монастыря от Немца, али исъ грѣлами исъ полеми, везде по старому хо-

---

¹⁶³ Documente, I, p. 95.

¹⁶⁴ Там же, I.

тарю, що ест монастирський хотарь. А також, вере кто имет брати от нас десетину от бчел, а тоті наши десетници щоби не имали брати десетину от бчел от монастирських пасиках, хоте половина грош, и щоби не имали жадного дила до хотаре (граница, межа — Ф. Г.) монастирського, или до пасики, или буд к чему шо ест монастирское, ни сами десетници, ани пак их слуги, варе кто он будет... ани ин никто от наших бояр или от наших слуги, ава ни жадна душа да не имаєт жадного примесу...»¹⁶⁵.

Как видно из грамот, никто из представителей господарской администрации не имел права вмешиваться во внутреннюю жизнь владения грамотчика. Оно представляло собой в ряде случаев независимую хозяйственную и политическую единицу. Такое обособление приводило фактически к ограничению власти господаря.

Таким образом, никем не сдерживаемый феодальный класс усиливался экономически и политически на основе крупного землевладения, государственная же власть все больше и больше подвергалась феодализации, и в этом отношении немаловажную роль сыграл иммунитет.

13. Сельское хозяйство и орудия труда второй половины XV в.

История сельского населения Молдавии со времени родовых общин до деления общества на классы и оформления крестьян, как класса непосредственных производителей, является результатом длительного и сложного процесса, о котором мы знаем очень мало. Источники по раннему периоду Молдавии совершенно отсутствуют, и восполнить этот пробел возможно лишь при помощи косвенных данных.

В истории материального производства, так же, как и в истории развития труда, происходили большие изменения.

В труде Б. Д. Грекова есть по этому вопросу ценное замечание. Автор говорит, что «историю сельского населения любой земледельческой страны следует начинать, конечно, с самого момента его появления, когда земледельческий труд в родовых общинах носил еще коллективный характер. Но историю крестьян, как класса, можно изучать только тогда, когда общество стало классовым, когда выделились из общины экономически и политически сильные люди, сумевшие стать над общиной, овладевшие землей и теми, кто ее обрабатывал, когда, наконец, возникло государство, государственная власть узаконила создавшееся положение и, кроме того, обязала крестьян нести в ее пользу различные повинности»¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Documente, I, p. 75—76.

¹⁶⁶ Б. Д. Греков, Цит. соч., стр. 20.

Этого замечания не может не учесть каждый историк, поставивший своей задачей разработку сложной и в то же время интересной и актуальной проблемы истории сельского населения. Без решения этой проблемы, составляющей краеугольный камень, основу общественной жизни любой аграрной страны, не может быть понята и написана история трудящихся масс, история молдавского народа.

Советская историческая наука шагнула в этом отношении далеко вперед. Вышедшие в последнее время работы по истории русского крестьянства обогатили отечественную историографию. Труды Б. Д. Грекова и Н. М. Дружинина,¹⁶⁷ являются ценнейшим вкладом в научную литературу по крестьянскому вопросу.

Но ни в русской, ни в молдавской, ни в буржуазной иностранной историографии нет ни одной работы, в которой освещалась бы история сельского населения Молдавии с момента его появления в родовых общинах и выяснялась бы роль молдавского крестьянства как класса непосредственных производителей.

В нашей работе мы не ставим своей задачей рассматривать положение сельского населения в Молдавии до XV в. Мы стремимся, насколько позволяют источники, показать историю материального производства и орудий труда во второй половине XV в., историю крестьянства — класса непосредственных производителей.

Представители буржуазной историографии, как русской, так и румынской, без всякого основания, без анализа и исследования источников, создавали легенды о том, что молдавский народ был якобы лишен всякой культуры, что он не знал земледелия, что «воровство» и «грабеж» были основным его занятием.

Ничего общего с исторической действительностью не имеет следующее заявление А. Накко: «...Команы или молдаване в раннюю пору своей истории... были купцами-разбойниками, добывавшими товары на больших дорогах»¹⁶⁸.

Примерно такое же неправильное утверждение находим и у румынского историка Р. Росетти. Р. Росетти вместо того, чтобы возразить А. Накко, присоединился к его точке зрения.

Р. Росетти ни словом не обмолвился о том, что команы или половцы и молдаване не являются одним народом, хотя вся литература по вопросу о происхождении молдавского народа различает молдаван от половцев.

Р. Росетти связывает материальное производство с торговлей хлебом. Поскольку, по его мнению, сельскохозяйственные

---

¹⁶⁷ Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, М., 1947.

¹⁶⁸ А. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, ч. I—II, Одесса, 1874—1876, ч. I, стр. 171.

продукты до второй половины XVIII в. не были товаром, постольку земледелие в княжествах до XIX в. не являлось преобладающим занятием и не играло никакой роли.

«До второй половины XVIII в.— читаем в работе Р. Росетти,— жители не имели кому продавать злаки потому, что продажа хлеба в Константинополь из княжеств еще не производилась, а в соседние страны не было возможности вывозить хлеб из-за транспорта... Земледелие существовало только для того, чтобы удовлетворить внутренние потребности народа»¹⁶⁹.

Быть может, не стоило бы придавать значение и современной, мало авторитетной брошюре В. М. Сенкевича («Советская Молдавия в борьбе против фашистских захватчиков», 1944, стр. 3—4), если бы она не была рассчитана на широкий круг читателей и не вводила бы их в заблуждение.

В. М. Сенкевич, желая показать многострадальную историю молдавского народа, изображает его «кочевым», «странствующим» вплоть до образования самостоятельных княжеств, как государственных политических единиц.

Автор, коснувшись вопроса о материальном производстве, не только не решил его, но представил молдавский народ в искаженном виде. Последний выступает в изображении В. М. Сенкевича как народ не земледельческий, а кочевой, который при первой опасности трусливо покидает свои места и бежит без всякого сопротивления в Карпатские горы.

Примерно то же самое находим и в историко-географическом очерке А. Л. Одуда, который положил в основу своего «труда» две-три работы буржуазных историков и брошюру Сенкевича¹⁷⁰.

Названные нами работы не посвящены специально истории материального производства и орудий труда, но тем не менее отдельные содержащиеся в них страницы, затрагивающие эти вопросы, не могут остаться вне поля нашего зрения и не вызвать возражений.

Таким образом, вопросы материального производства и орудий труда привлекают к себе наше внимание в силу двух причин: во-первых, из-за своей неразработанности и, во-вторых, из-за необходимости опровергнуть необоснованные утверждения ряда авторов.

Следует отметить, что даже по второй половине XV века мы располагаем очень ограниченными источниками по рассматриваемому вопросу. Археологических данных мы не имели возможности привести потому, что только в настоящее время ведутся изыскания в этой области.

Предки молдавского народа, анты, наряду с другими славянскими и неславянскими племенами заселявшие с древнейших времен лесистые и богатые пастбищами склоны юго-восточ-

¹⁶⁹ R. Rosetti, Op. cit., p. 326.

¹⁷⁰ Молдавская ССР, Москва—Ленинград, 1947, стр. 27.

ной части Карпатских гор, а также богатые и плодородные долины многочисленных рек на территории Молдавии,— Серета, Прута, Днестра, Дуная,— занимались земледелием, виноградарством, скотоводством, пчеловодством, охотой, рыбной ловлей и другими промыслами. Как природные богатства, так и климатические условия способствовали их широкому размаху. Обилие горных тучных пастбищ, перемежающихся с удобными для ведения земледелия черноземными плодородными долинами, сделало скотоводство как бы национальным промыслом жителей княжеств и Балканского полуострова вообще. А слово «влах» стало как бы нарицательным вместо слова «пастух». Но все же ведущей и основной отраслью сельского хозяйства, занимавшей главное место среди всех остальных, было земледелие. Важная роль принадлежала также виноградарству и животноводству.

В отдельные времена, особенно при вражеских нашествиях, хозяйство разорялось, шло на убыль, в том числе падало и земледелие, но народ никогда не покидал этого своего главного занятия. Ко второй половине XV века мы можем констатировать, что сельское хозяйство достигло некоторых успехов. В земледелии находит широкое применение трехпольная система севооборота (озимь, ярь и пар).

На развитость земледелия в Молдавии в XV в. указывает мера выплаты натуральной ренты, взимавшейся с податного населения ведрами злаков — «колода»¹⁷¹ или «кобла». Колода равнялась 4 ведрам, а весила (во Львове) 532 польских фунта¹⁷².

Мы находим указания в источниках на то, что в монастырских владениях выращивались хлебные злаки и разводилось большое количество скота не только для содержания монастырской братии, но и для продажи. Монастыри освобождались от пошлин, и это способствовало развитию производства хлеба и животноводства.

В грамоте от 15 августа 1472 г. читаем: «варе кого он (игумен Феоктист — Ф. Г.) пошлет ото слуг монастырских или от братии з монастыре с потребами монастырскими до Келии (порт Килия — Ф. Г.), или житом, или медомъ, или по рибу, или пак буд ис чимъ, а мито да не имают платити...»¹⁷³. Таким образом, монастыри, бояре, господарь выносили излишки хлеба на рынок в качестве товара.

В 1476 г. господарь прекращает экспорт хлеба в Валахию.

Можно отметить прогрессивные для того времени хозяйства таких крупных землевладельцев (бояр и помещиков), как Гостил, Драгоши, Юга казначей, Марушка, Купчич и другие. Они выращивали хлеб и разводили скот специально для про-

¹⁷¹ Documente, I, p.p. 140, 142, 143.

¹⁷² Там же, II, стр. 598.

¹⁷³ Там же, I, стр. 159.

дажи. При господарском дворе еще с XIV в. существовала специальная должность «гуменника»,¹⁷⁴ в обязанности которого входило следить за состоянием хлебных запасов в амбарах. Позже вводится должность «житничера»¹⁷⁵.

Наряду с передовыми хозяйствами бояр и помещиков, которые, располагая лучшими участками земли и передовой по тому времени сельскохозяйственной техникой, имели возможность удобрять свои поля, были мелкие крестьянские земельные участки, оставшиеся на низкой ступени развития.

Одновременно с трехпольной системой севооборота, существовала также, особенно в пограничных южных районах, которые страдали от частых набегов татар, а также на севере в лесистых местностях — экстенсивная — переложная и подсечная система земледелия. Постепенно она переходила в паровую систему с трехпольным севооборотом, в результате чего производительность труда увеличивалась.

Рост производительности труда, а также богатые природные условия Молдавии, плодородная черноземная земля и короткий вегетационный период способствовали тому, что Молдавия еще в XV в. имела все данные стать житницей европейских государств. Последние смотрели на Молдавию и на Валахию, как на сырьевую базу, из которой они могли выкачивать большое количество продуктов сельского хозяйства. Широкое развитие в XV в., как было указано, получили также животноводство, виноделие, пчеловодство и огородничество.

На это указывают опять таки характер и размеры феодальной земельной ренты. Та же кобла, которая служила мерой при взимании десятой доли урожая злаками, распространялась, в качестве единицы измерения, и на сено: «къбла за сено». С крестьянина брали около десяти «къбле» зерна, а сена в несколько раз больше. О росте животноводства и о том, что оно составляло главную статью экспорта в XV в., говорят торговые договоры и привилегии.

Продукты животноводства играли на рынке такую большую роль, что скот в грамотах того времени выступает под именем «товар». ...«Пасти свои товар»¹⁷⁶, — говорит господарь в подтвердительной жалованной грамоте 1490 года монастырю Путна. «И оу ту бранищу монастир да ловит соби рибу и зверь, и монастирский товар да се пасеть»...¹⁷⁷ — читаем в другом документе.

О развитии животноводства свидетельствует частое употребление в грамотах термина «бранище»¹⁷⁸, — что означает пастбища, угодья. Об этом же говорят указания грамот на бравшуюся с населения десятину от всех видов скота.

¹⁷⁴ Documente, I, p. 136.

¹⁷⁵ Там же, II, стр. 597.

¹⁷⁶ Там же, II.

¹⁷⁷ Там же, II, стр. 210.

¹⁷⁸ Там же, I, стр. 420.

«Десетину... от свини да не дают»,¹⁷⁹ — говорится в грамоте 1458 года.

О распространенности виноделия, пчеловодства и огородничества можно судить на основании данных все о той же натуральной ренте — десятине. «Ни вино да не возеть; и десетину от бчел... да не дают»¹⁸⁰, гласит жалованная грамота от 31 августа 1458 года, данная монастырю Молдовица. Крестьяне монастыря Роман освобождаются от десятины «от капусты»¹⁸¹ в пользу господаря, а должны поставлять ее своему монастырю.

Рассмотренные данные говорят о том, что в Молдавии производилось все необходимое для обеспечения нужд населения страны, при чем большая доля сельскохозяйственных продуктов и животноводства продавалась на внутреннем и внешнем рынках.

Итак, можно сказать, что основой общественной жизни страны было сельское хозяйство, а главным занятием народа являлось земледелие. Оно не только не оставалось на одном уровне или шло на убыль, но, напротив, получило дальнейшее развитие и прогрессировало. Неслучайно поэтому Молдавия и Валахия отмечаются в трудах Маркса, как страны, получившие широкую известность в качестве «европейских житниц»¹⁸².

Рассмотрим теперь, на каком уровне находилась сельскохозяйственная техника в Молдавии второй половины XV в.

В. И. Ленин, как уже было отмечено, одним из признаков, характеризующих феодальную формацию, считает крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян.

На основании изучения источников этого периода можно сказать, что, действительно, техника сельского хозяйства стояла в Молдавии на низком уровне, но не уступала сельскохозяйственной технике соседних стран.

Эта техника соответствовала полностью натуральному хозяйству, характерному для феодальной общественно-экономической формации.

К. Маркс в своих «Хронологических выписках» отмечает, что одним из орудий, употреблявшихся в сельском хозяйстве молдавского крестьянина, была «соха»¹⁸³, при помощи которой обрабатывалась почва.

Следует заметить, что сельскохозяйственные орудия недостаточно производились в Молдавии, а привозились в страну из

¹⁷⁹ Documente, I, p. 14.

¹⁸⁰ Там же, I.

¹⁸¹ Там же, I, стр. 342.

¹⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 137.

¹⁸³ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 203.

Брашова, Сибина, Львова, Киева и других городов, но торговые пошлины служили препятствием для распространения этих орудий труда. Поэтому деревянный плуг с железным лемехом считался роскошью (для бедного крестьянина) и фигурирует в грамотах, как особый импортный товар.

В эпоху раннего феодализма, как указывает Энгельс, «крестьянская семья сама производила все для нее нужное: орудия и одежду, так же, как и пищу»¹⁸⁴.

Таким образом, крестьянское хозяйство знало деревянную соху, деревянный плуг с железным лемехом, для заделки семян употребляли деревянную борону.

В торговой привилегии 1466 г., данной львовским купцам, среди множества товаров встречаем: «ножи»,¹⁸⁵ «плоужная желиза»¹⁸⁶, «серпы»¹⁸⁷, «косы»¹⁸⁸. Все это импортные товары, но они весьма редко проникали в крестьянское хозяйство сквозь густую сеть торговых пошлин, которые крестьяне должны были платить и от которых освобождались представители привилегированного феодального класса. Поэтому хозяйство феодалов по своему техническому уровню естественно стояло на более высоком уровне по сравнению с крестьянским мелким хозяйством.

Для уборки урожая орудиями труда служили серпы, косы, а также деревянные грабли домашнего патриархального производства.

Основную тягловую силу составляли волы и только частично лошади, так как последние были необходимы для армии.

Из приведенных выше данных можно представить себе, насколько рутинной, низкой была техника сельского хозяйства Молдавии второй половины XV в. При этом лучшие орудия труда были сконцентрированы в руках феодалов, которые, увеличивая собственную запашку, усиливали эксплуатацию непосредственного производителя — крестьянина.

Феодалы как светские, так и духовные, учитывая техническую отсталость крестьянского хозяйства, компенсировали себя за счет усиления эксплуатации непосредственного производителя методами внеэкономического принуждения. Они шли как по линии расширения собственной запашки и увеличения барщинных дней, так и по линии получения львиной доли продуктов сельского хозяйства и животноводства крестьянства, наделенного землевладельцами участками земли на феодальных кабальных условиях.

---

¹⁸⁴ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, Избранные сочинения, т. I, 1935, стр. 129.

¹⁸⁵ Documente, II, p. 273.

¹⁸⁶ Там же, II.

¹⁸⁷ Там же, II, стр. 273—278,

¹⁸⁸ Там же, II.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОЛДАВИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

1. Постановка вопроса

В предыдущей главе мы познакомились в общих чертах с классовой структурой молдавского феодального общества, отметив его неоднородность. Мы указали, что внутри господствующего феодального класса и внутри крестьянства происходили глубокие социальные изменения. Борьба за землю — основной источник национального богатства — теснейшим образом переплеталась с вопросом о рабочей силе, так как ни господа, ни бояре, ни дворяне, ни духовенство не обрабатывали сами своих земель. Они жили, содержали свои дворы, раздутый феодально-дворцовый аппарат исключительно за счет эксплуатации непосредственных производителей — крестьян, которые составляли основную массу общества и находились в той или иной степени в зависимости от феодалов-землевладельцев.

Выше мы указали на два основных слоя крестьянства: во-первых, свободных крестьян-общинников — содошей или резешей, — знавших над собой только власть государства, — и, во-вторых, зависимых крестьян — «людей», «межиашей» — соседей-вечинов, подвластных и феодальному государству и землевладельцам. Каждый из этих слоев имеет свою историю. Выше мы упомянули также о наличии в Молдавии холопов и о применении холопского труда в феодальном хозяйстве.

Исследованию социальных категорий: резешей, «людей», «межиашей» — вечинов и холопов, составлявших основную массу сельского населения Молдавии, посвящается настоящая глава.

Конечно, в одной главе нельзя сколько-нибудь подробно осветить многостороннюю историю крестьян и холопов за полвека. Однако учитывая важность и актуальность этого вопроса, мы решили дать хотя бы краткий очерк экономического и юридического положения сельского населения Молдавии. История крестьянства не может не привлечь внимания

советского историка, ибо, как говорит товарищ Сталин, «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей». Нельзя забывать и то положение И. В. Сталина, что «...история общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества»¹.

Наш интерес к крестьянскому вопросу в период развитого феодализма объясняется тем, что здесь перед нами неподнятая целина, непочатый край для деятельности историка. Речь идет при этом не о пересмотре той или иной точки зрения, не об обобщениях результатов отдельных конкретных исследований, а о самом начале работы в этой области, о постановке проблемы, о классификации и характеристике сельского населения Молдавии, выяснении его места в обществе и т. д.

Нам уже приходилось подчеркивать отсутствие исследований по интересующему нас вопросу, не освещенному ни в общих трудах, ни в специальной литературе. В советской историографии вообще нет крупных монографических работ о прошлом Молдавии. Не могут нас удовлетворить и отдельные и разрозненные высказывания о резешах, принадлежащие авторам буржуазной исторической школы. Они останавливались на этом вопросе мимоходом и с чуждых нам методологических позиций.

2. Свободные крестьяне-резешы

Д. Кантемир в упомянутом выше труде говорит, что резешей «лучше называть вольными поселянами, нежели дворянами»², что они обрабатывают землю единолично или сообща несколькими семействами, а также прибегают к наемному труду по договоренности. Он говорит также, что резешы в большинстве своем живут в одной деревне и что многие из них вследствие бедности, а также из-за несправедливости бояр, вынуждены продавать свои участки земли, унаследованные от предков, и попадать в число зависимых, крепостных крестьян³. Это весьма ценное указание Д. Кантемира, представителя феодального класса Молдавии, воспроизвел Н. Балческу.

«И Кантемир, — пишет Н. Балческу, — признает, что часть крепостных образовалась из резешей, которые обед-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, 1945, стр. 116.

² Д. Кантемир, Цит. соч., стр. 287.

³ Там же, стр. 288.

нели, продав свои унаследованные участки земли, и из-за несправедливости бояр вынуждены были принять на себя ярмо подчинения»⁴. Далее Н. Балческу отмечает, что крупные землевладельцы добивались привилегий, освобождавших их села от податей в пользу государства. Поэтому вся тяжесть государственных податей падала только на свободных крестьян, и многие из них, чтобы избавиться от государственной тирании и пользоваться привилегиями и протекцией более сильного владельца, предпочитали продаться ему вместе со своим владением за очень низкую цену⁵. Число резешей, чем дальше, тем более сокращалось, и мелкие владения их концентрировались в руках крупных землевладельцев⁶.

Очень важно, что Н. Балческу признает общность исторического пути Дунайских княжеств Валахии и Молдавии с путями развития других стран. Он говорит: «Так происходило во всей Европе, такое положение должно было быть и у нас»⁷. Однако Н. Балческу не подтверждает своего вывода данными из источников. Кроме того, слова Н. Балческу относятся уже к более позднему времени: к XVI и XVII вв.

Далее Балческу отмечает, что впоследствии у крестьян была отнята не только собственность, но и свобода, и землевладельцы сделали их рабами земли — крепостными⁸. Не говоря конкретно, о каком времени идет речь, Н. Балческу указывает, что вначале число крепостных — этих несчастных людей — было еще незначительным, основную же массу крестьян в Молдавии составляли резеши, а в Валахии «мошнены»⁹.

Молдавский архимандрит Иеремия, переводя одну молдавскую грамоту о резешах на русский язык, объясняет, что резеши — это беднейший «класс людей, пользующихся мелкими частицами земли предков своих», что это «единопоместные мелкие владельцы»¹⁰.

М. В. Шимановский ошибочно называет резешей «мелкими помещиками», выходцами из среды разорившихся крупных бояр и помещиков, но есть у него намеки на то, что резеши были общинниками: «если бы кто из резешей при жизни вздумал продать свою часть, то должен объявить подобным себе резешам за шесть месяцев вперед, и буде резеши свои не в состоянии купить, то продает иноземцу»¹¹.

---

⁴ N. Balcescu, *Scrieri istorice*. p. 161.

⁵ Там же, стр. 159.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 158.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив «Ведомостей Одесского градоначальства», № 29.

¹¹ М. В. Шимановский, «О резешах», Одесса, 1899, стр. 9.

В предыдущей главе было показано, что не крестьяне общинники выделились из среды бояр и помещиков, как утверждает М. В. Шимановский, а как раз, наоборот, из общины выделились люди, более сильные экономически и политически. Феодалы с течением времени овладели общинной землей и закрепостили труд непосредственных производителей, заставив их нести в свою пользу различные феодалские повинности. С какой целью резеши старались продавать земельные участки только членам своей же общины, это также понятно из приведенных нами данных о сельской общине.

В «Ведомостях Одесского градоначальства» читаем не соответствующие действительности высказывания о резешах Владищева-Добровольского: «судя по тамошнему обычаю,— утверждает он,— резешское право начинается с того момента, когда отец, умирая, по обычаям народным, делит имение детям на равные доли, выделяя каждому особую часть». Как легко заметить, источником этих рассуждений явились данные Иеремии, относящиеся к XVII—XVIII вв. и не помогающие решению интересующего нас вопроса о резешах XV в.

Ставя перед собой задачу осветить историю крестьян второй половины XV в., мы встречаемся с рядом трудностей. Во-первых, отсутствуют такие основные источники, как писцовые книги. Во-вторых, в сохранившемся актовом материале народ, как таковой, выступает очень редко. Он упоминается в двух случаях: или в связи с призывами господаря, вызванными военной опасностью, или в связи с пошлинами и другими феодалскими поборами.

Приведенные ниже источники, непосредственно относящиеся к резешам второй половины XV в., ни одному из упомянутых выше авторов не были известны и привлечены нами к изучению впервые.

Нет сомнения, что в Молдавии участок земли резеша являлся его собственностью. Резеши выступают как свободные крестьяне, продающие унаследованные ими от дедов и прадедов участки земли, виноградники и т. д. Этого не могли делать несвободные крестьяне или холопы.

Из этих же источников видно, что резеши не были однородны, что шло расслоение крестьянской массы, и большая часть крестьян попадала в зависимость от сильных землевладельцев.

«Некоему князоу или болериноу», — говорится в грамоте 1387 г.¹² Здесь ни слова не сказано о народе, он совсем не фигурирует. Но в другой грамоте читаем: «или болериноу, или

---

¹² R. Rosetti, Pamântul, satenii si stapânii în Moldova, Bucuresti, 1907, p. 29.

слуга господства ми, или княз, или прочий человек, рекше сирак».¹³ В этом случае «человек» в противоположность боярину, господарскому слуге, князю (как руководителю или старшине общины) выступает на заднем плане («прочий») и определяется как «сирак» (бедняк).

Текст примерно такого же содержания находим в следующем документе: «или слуга господства ми, или болерин, или княз... неще же и от прочих человекъ от долна роко рекше сирак».¹⁴ Слово «сирак» с течением времени все чаще встречается в источниках. Несмотря на разные оттенки этого термина, ясен его общий смысл. «Сирак» — это неимущий, хотя грамоты, до сих пор приводившиеся, ничего не говорят о его конкретном положении, о том, свободен он или нет, и. т. д.

«Пишет господство ми вѣсем болером, и големым и малым и свем жоудечем и свем съндиям и свем *сиромаком*, от мала до голема, от вѣсей дрѣжавѣ Бръиле»¹⁵, — читаем в обращении господаря к населению в 1481 году. Нас в данном обращении интересует слово «сиромак» или «сиромахъ», знакомое и привычное нам по древене-русским документам. Это — бедняк, хотя опять-таки по глухим указаниям памятника мы не можем сказать, свободен он или нет. Только в том случае, когда перед нами имеется конкретная грамота, относящаяся к определенному лицу, мы получаем возможность составить себе представление о положении крестьянства в феодальном обществе. В начале XV в., говорится в купчей грамоте 1502 г., резеши или содоши имели на руках грамоты, подтверждавшие принадлежность им села Долхещи, а в 1502 г. они продали это село казначею Исааку за 600 татарских золотых. «И еще двен старии привилии, що имали их *содѣшеве* от нашего деда от Александра воеводи на тоежь вишеписанное село на Долхещи що на Шумуза, они еще их оуси дали оу руки пану Исаку»¹⁶, — так гласит купчая, в которой содоши выступают в роли продавцов своего стародавнего села, т. е. существовавшего еще со времен Александра Доброго, т. е. с первых лет XV в. До 1502 г., в течение около ста лет, содоши упорно отстаивали свою крохотную вотчину, и несмотря на это упорство она попала в руки пана — казначея Исаака. Но в этом случае содош выступает только как продавец вотчины, и мы узнаем лишь, что он свободен и является собственником. Мы не знаем еще его юридического лица, не знаем его экономической базы, без чего не можем представить себе его положения в обществе. Постепенно мы постараемся раскрыть смысл неясных терминов, сняв густую оболочку тумана, который окутывает гра-

¹³ R. Rosetti, *Pământul, satenii si stapânii în Moldova, Bucures'ti*, 1907, p. 29.

¹⁴ Там же, стр. 29.

¹⁵ Documente, II, p. 361.

¹⁶ Там же, стр. 197.

моты, особенно в тех местах, где речь идет о непосредственных производителях, о народе.

В купчей грамоте 1470 года мы читаем, что неимущие, экономически слабые люди, («убогие люди», как они называются в грамотах), продают свои участки земли, виноградники, а через некоторое время мы встречаем аналогичных людей в числе зависимых крестьян под тем же названием «убогие люди». «Перед оусими нашими молдавскими бояре, великими и малыми, наши **оубози люди**... продали намъ свою правоую и питомую отнину»¹⁷. Здесь ясно видна экономическая основа свободного крестьянина-резеша. Так же ясно выступают его права на имущество, основанные на наследственности. Это вынуждена признать и власть, говоря в грамоте, что резеши «продали намъ свою правоую и питомую отнину». Таким образом, слова Владищева-Добровольского, что якобы права резеша вступают в силу с того момента, как умирает его отец, разобраным источником опровергаются. Но несмотря на то, что резеш имел право на недвижимое и движимое имущество, это мало помогало ему сохранить свою относительную свободу, и он попадал рано или поздно в феодальную зависимость к крупному землевладельцу. Неслучайно, что первыми оказывались в зависимости те из резешей, земли которых граничили с крупными земельными владениями феодалов: межиаши-соседи, а также неимущие — убогие резеши. Доказательством этому является источник, датированный 1472 г., где сказано, что «убогие люди» — это уже несвободные крестьяне, которые не могут пользоваться землей на наследственном праве, ибо они теперь находятся в феодальной зависимости. Итак, в 1470 г. некоторые из убогих людей еще продают свои «правые и питомые отнины», а в 1472 г., т. е. через два года часть из них уже превращены в зависимых крестьян, и землевладелец распоряжается ими по своему усмотрению. Формулировка, которая фигурировала два года назад в грамоте 1470 г.: «по их доброй воли и никимь непоноужени, и продали намъ свою правоую и питомую отнину», потеряла свою силу для определенной группы людей. Резеш становится объектом эксплуатации, осуществляемой методами внеэкономического принуждения.

В иммунитетной грамоте от 19 августа 1472 года, изымающей три монастырских села из юрисдикции государственной власти, говорится: «оу триех монастырских села що прислоухают къ монастырю, именемъ селамъ Бодешии и Татарии и Юркании на Побрета, от Сучавской волости, а оу тих монастырских трех селах да не смеетъ ходити ни единъ наш оурядник, ани глобник, ани припашар, ани ин никто от наших оурядников, да не имают другое глобу (штраф—Ф. Г.) оузяти от тих 3-х мо-

¹⁷ Documente, II, p. 150.

настырских селахъ и от монастырских люди, тоулко да имают наши глобници оузати нам нашу глобоу от душегубство и от волочение дивкоу, от тих монастырских люди от трих селах, а иное глобу и дило да не имеют, ни за великое дило, ани за малое. И такоже тоти люди ис тех трих монастырских селахъ да не имеет никто от наших панох и оурядниках судити их ни оу чем а не оу котором диле. Але комоу ее оузрит кривда аже имеет от тих люди ис тех сел..., а они да иштоут их пряд егуменом, кто коли (когда — Ф. Г.) боудеть оу храм святого Николи, и пряд оурядником его... да соудять сами свои люди,— а далее идет назидание зависимым людям,— а они такождере (также — Ф. Г.) да преслухають в храмоу святого Николи оусн оубоги люди от тих триех селах».¹⁸

Таким образом, из этого приведенного здесь, длинного отрывка видно, что «убогие люди», ранее подвластные только господарской администрации, теперь стали несвободными «убогими людьми», которые подлежат уже не господарскому или общинному суду, а юрисдикции землевладельца. Цитированный выше источник важен для нас потому, что объясняет не только процесс закрепощения крестьянского труда, но и юридическое положение резеша. Юридическая разница между резешем и соседом состоит в том, что первый является свободным собственником земельного участка и других средств производства, а второй — это зависимый крестьянин, располагающий частично орудиями производства и наделенный феодалом землей. Кроме того, разница усматривается и с точки зрения подсудности. Резеша судит господарский судья, а сосёда его господин-землевладелец и только по делам высшей уголовной юстиции (душегубство, похищение девушки, татьба с поличными), преступление соседа разбирает господарский суд.

Резеш, будучи сословно неполноправным по отношению к господствующему классу феодалов-землевладельцев крестьянином,¹⁹ являлся юридически и фактически в известной мере свободным человеком, подчинялся непосредственно государственной власти, нес в ее пользу повинности: налоги, дань и т. д. «Люди», вечины, наоборот, были лично зависимы от землевладельца, и землевладелец имел прямую власть над ними. Если бы феодал не обладал такой властью, он не мог бы заставить работать на себя человека, который наделен средствами производства вообще и землей в частности и ведет свое самостоятельное хозяйство. Таким образом, феодал осуществлял в отношении «людей», вечинов внеэкономическое принуждение²⁰. Но о вечинах речь будет идти ниже. Здесь они упомянуты только для сопоставления их с резешами.

¹⁸ Documente, II, p. 173—174.

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. III, изд. IV, стр. 159.

²⁰ Там же.

Наличие свободных крестьян в Молдавии в XV в. подтверждается ценным замечанием Маркса. Он говорит, что в 1475 г. 40-тысячное молдавское войско состояло из «молдавских крестьян», взятых от сохи²¹. Несомненно, это были крестьяне-общинники-резеши, ибо несвободное крестьянство обычно не участвовало в армии и призывалось в ее ряды только в особо исключительных случаях и по указанию самого господаря.

Для характеристики положения резешей представляет интерес грамота 1495 года. Из нее узнаем о притеснениях горожан и сельского населения городской округи гор. Бырлада, вынужденных обратиться к господарю с просьбой «чинить им правду». В этой грамоте фигурирует группа свободных крестьян, которые, не устояв перед феодализацией деревни, разоряются и попадают в зависимость. «Оуси наши мешчане, — говорится в грамоте, — от места от Брълад, и пак оуси оубогии люди от оусих сельь що к тому месту прислухают и що по хотар осажени соут, приидоша пряд нами и пред оусими нашими молдавскими бояре и упросили себе от нас, како обихмо им досмотрили старию их хотар, коуда из века прислухало к тому месту тръгу Бырладу»²². Крестьяне стремились сохранить старые порядки, границы, «куда из века прислухало», но этим порядкам было уже тесно, феодальный строй глубоко пустил свои корни, и крестьянству приходилось только вспоминать о прошлом. В грамоте перечисляются крестьяне — убогие люди, продающие свои земельные участки Стефану Великому, который затем присоединяет их к городу.

«...Анушка и сестра ей Муша, дочки Михъиль Тудора, сына Петра Тудора, и братничеве их Иванко и сестри его Олюшка и Дръгълинъ, сынове Жоуржини, и племянники их Исаико и брат его Силион и сестри их Негша и Дръгалинъ, сынове Иванкови, и тиж племеник их Кръсте и сестри его Подолянка и Стана и Насте и Негше, сынове Косте Дановиче, оуси унукове Петра Тудора, по их доброй воли, никим непонужени ани присуловани, и продали свою правую отнину от деда их Петра Тудора»²³. Это «оуси оубогии люди»²⁴. Вот тот резерв, из которого черпалась основная масса несвободных крестьян — вечаинов.

Таким образом, рассматривая вопрос о резешах, можно заключить, что резеши — это не крупные землевладельцы, не бояре и не дворяне, как их считали некоторые румынские и русские буржуазные историки, но в то же время и не крепостные крестьяне. Это свободные крестьяне — общинники, владевшие участками земли, унаследованными

²¹ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 203.

²² Documente, II, p. 63.

²³ Там же, стр. 64.

²⁴ Там же.

ими от своих предков. Право собственности резешей на землю основывалось на переходе ее по наследству. Земля резешей не подлежала периодическим переделам, а делилась только между наследниками, что еще больше дробило их хозяйство.

Резеши в итоге исторического развития все более и более разорялись и попадали в феодальную зависимость к крупным землевладельцам. Таким образом, резеши превращаются в несвободных крестьян не с XVII в., как утверждают румынские историки: этот процесс ведет свое начало гораздо раньше, но только в XVII в. он в основном завершается. Такому коренному перевороту в жизни свободных общинников-резешей, способствовали многие факторы: выделение из общины экономически и политически сильных людей, ставших над общиной и овладевших ее землями, частые войны, разорявшие крестьянство, непосильные налоги, связанные с этими бесчисленными войнами, притеснения со стороны господствующего феодального класса, иммунитет, способствовавший усилению феодалов-землевладельцев. Последние все смелее и увереннее наступали на сельскую общину, вырывая из ее среды наиболее слабых членов и превращая их в несвободное население. Разорению и последующему закрепощению крестьян способствовали и некоторые дополнительные обстоятельства, например, обычай коллективной ответственности общины, за душегубство, совершенное на ее территории. Штраф, который платили общинники в этих случаях, доходил до 100 волов и больше.

В силу всего вышеизложенного резешское крестьянское хозяйство постоянно находилось в опасности. Часть резешей в XV в. была еще свободной, большая часть уже попала в зависимость, но и для первых превращение в крепостных крестьян было вопросом только времени.

Важнейшим результатом феодализации Молдавии явилось обезземление резешей и лишение их свободы. В итоге длительного процесса осталось только 3,43²⁵ процента резешей, способных вести свое хозяйство. Поэтому даже румынский историк Р. Росетти признает, что крестьяне княжеств располагали в несколько раз меньшими участками земли, чем крестьяне России, Германии, Америки²⁶ и т. д.

3. Несвободные крестьяне

Нам известны уже мнения румынских историков Н. Балческу, Р. Росетти, Г. Ташка и других, утверждавших, что возникновение крепостничества явилось результатом уложений Михаила Храброго и Василия Лупу, т. е. результатом законодательной деятельности правителей Дунайских княжеств. В процессе изложения истории несвободных крестьян и холопов мы постараемся доказать, что эти категории сельского населе-

²⁵ R. Rosetti, Pentru ce s'au rasculat taranii, Bucuresti, 1907, p. 642.

²⁶ Там же, стр. 634.

ния существовали в XV в. и что уложения XVII столетия явились результатом сложившихся феодальных отношений в княжествах.

Если заглянуть в русскую буржуазную историографию по данному вопросу, то и там, как и в работах румынских буржуазных историков, можно встретить ошибочные утверждения о возникновении крепостного права. В качестве примера укажем на труды Д. И. Иловайского и др.

В. И. Пичета еще в 1927—1929 г.г., в своей работе, посвященной вопросу о юридическом положении сельского населения на частновладельческих землях до издания Литовского Статута 1529 г., правильно подошел к решению вопроса о происхождении крепостничества. В отличие от всех своих предшественников, В. И. Пичета не только признавал наличие феодализма на Руси, и в Белоруссии, но под феодализмом он понимал систему производственных отношений. В. И. Пичета пишет: «только приняв во внимание эти условия (феодальное землевладение и феодальное сельское хозяйство — Ф. Г.), можно правильно исследовать и понять проблему происхождения крепостничества». «Борьба за крепостного крестьянина, как новую форму рабочей силы, какая должна более удовлетворять потребности... хозяйства — вот что составляло главное содержание социальных и экономических отношений между классом землевладельцев и сельским населением»²⁷.

Таким образом, только рассматривая феодальный способ производства, как систему производственных отношений, можно правильно разрешить вопрос о возникновении крепостничества и барщинного труда.

На этот счет мы имеем классическое замечание Маркса. «Там, где существовала барщина, — говорит Маркс, — она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины. Так было в румынских провинциях»²⁸ (подчеркнуто нами Ф. Г.). Этих слов достаточно для того, чтобы опровергнуть ошибочные утверждения румынских историков о возникновении барщинного труда из крепостного состояния и о появлении крепостничества в результате государственного законодательства.

Приведенное указание Маркса приобретает тем большую ценность для нас, что оно непосредственно относится к Дунайским княжествам — Валахии и Молдавии.

Барщинные крестьяне появились в итоге закрепощения земель и отчасти поселения холопов на земле. В XV в. су-

²⁷ Цит. по кн. Б. Д. Грекова, Крестьяне на Руси, стр. 430 (В. И. Пичета, Юридическая становивша сяковскага насельництва на приватнау-ласнических землях до часу выдання Литовского статута 1529 г. «Записки А. Адзьяла гум. наук АН БССР. 1927—1929», стр. 493—494).

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 260.

ществовало два основных слоя крестьян: резеши-общинники и вырванные в процессе феодализации из общины, ранее полнотрапные ее члены, которые именуются в источниках «людьми», «межиашами»—«соседями»—«вечинами». «Люди» — это не холопы и не резеши, это несвободные крестьяне, у них могли быть частично свои орудия производства, но, попав в феодальную зависимость, они терпят внеэкономическое принуждение. «Люди» — это собирательный термин; в указанную категорию зависимого сельского населения входили крестьяне, имевшие право «выхода» от своего землевладельца, а также непосредственные производители, потерявшие это право. В дальнейшем, в ходе исторического развития, отдельные группы зависимого в той или иной мере сельского населения консолидируются в один класс несвободных, крепостных крестьян — «вечинов»²⁹, которые первоначально именовались термином «межиаши»³⁰, что означает также соседи.

Обратимся теперь к источникам. Мы уже знаем, что резеш мог менять и продавать свой участок земли, мы приводили грамоты, подтверждающие это положение. Резеша мог судить общинный суд, а по земельным вопросам и в других особо серьезных и спорных случаях он подлежал суду господарскому. «Люди» были подсудны своему господину-землевладельцу, что прекрасно видно из источников. Характер подсудности и определяет юридическую разницу между отдельными группами крестьянства.

В иммунитетной грамоте от 30 августа 1479 года читаем: «да не имаєт ни єдин наш боярин, ани старости, ани шолтузи и прѣгари Сучавски, ани шолтузи и прѣгари от Серетского трѣга, ани дворники от тих двох трѣгох, ани глобники от волости сучавской, да не имають дило до тих наши **люди** от Радовици от село нашему митрополю, ни судити их, ани глобу ис их брати, ни за великое дило ани за малое дило, ни за душегубство, ни за волочению диуку, що се там будет учинити у того села у Родовцех. Только за своду торговскою и за татбу, що се застанет лицем у трѣгу, аби судили дворники торговски тоти люди от Радовцех, а за иное аби не имали дило судити их, али аби судили их молебник наш кир Ионакиє»³¹. Эта грамота говорит о том, что «людей» судят бояре-землевладельцы, старосты, шолтузы, пыргаре, дворники, глобники и т. д. «Люди» находятся под давлением власти и феодального государства и частных землевладельцев. Из той же грамоте говорится далее: «аби не гонили тоти **люди**

²⁹ М. В. Сергиевский, Румынско-русский словарь, Москва, 1943, стр. 388.

³⁰ Там же, стр. 203.

³¹ Documente, I, p. 230.

от Коцмани ни на город, ни на млини, ни на наши дворове, съ ними земляне»³² (крестьяне — Ф. Г.). Таким образом, «люди», «земляне», владельцы, которые не пользовались иммунитетом, должны были ходить на государственные работы по постройке «города» — посада, а также на строительство и ремонт господарского двора, мельниц и т. д.

Иммунитетная грамота от 23 августа 1481 года гласит: «а до тих люди що сут у тех села аби не имали дило ни един наш боярин, ани старости от Цецина, ани глобници, ани перерубци, ни судити их, ани глобу узяти от них, ни за великое дило ани за малое дило, ни за душегубство, ни за волочение дивку, що се там у Коцмане будет учинити; али щоби их судили наши епискупи, или дворници их, яко више пишем. И тиж наши слуги перерубци аби не гонили тоти люди... ни на наше дворовое, съ иними земляне»³³.

Здесь мы находим прямое указание на личную зависимость «людей» от землевладельцев, которые воздействуют на них методами внеэкономического принуждения. «Людей» «гонят» на строительные работы. Кроме того, их судят землевладельцы, чего нельзя сказать о резешах. Большинство «людей» юридически считались свободными. Они могли менять своего господина, фактически же своей «свободой» они воспользоваться не могли, так как их господин-землевладелец, будучи заинтересован в рабочих руках, чинил всякие препятствия передвижению крестьянства. «Люди» продолжали оставаться на тех местах, где родились их деды и прадеды, имея над собой власть землевладельца, закрепостившего их труд. Постепенно «люди» начали терять и юридически свое право «выхода», превращаясь в крепостных крестьян-вечинов.

«Бояре ввели обычай, говоря, что кто просидел на боярской земле двенадцать лет, должен остаться навсегда крепостным»³⁴, — так говорится в одном из источников. Вечины, утратив возможность «выхода», конечно находились в более худших условиях, чем «люди», которые все же могли, хотя и с трудом, переменить своего владельца.

В источниках XV в. «межиаши» — соседи — выступают в качестве свидетелей при решении спорных или других вопросов между землевладельцами, под нажимом защищая интересы своих господ.

В подтвердительной грамоте 1480 года читаем: «наш Мирча, сын Микулов Оргоане, прииде пред нами и пред нашими бояри и радюю та жаловал нам великою жалобую, рекучи так: аже привилия дида своего Шефана Оргоне, що имал от

³² Documente, I, p. 231.

³³ Там же, стр. 257.

³⁴ R. Rosetti, *Pământul, satenii si stapânii în Moldova*, Bucaresti, 1907, p. 278, примечание 1.

дида нашего старого Александра воевода и от уиковъ (предков — Ф. Г.) наших..., а тотѣ привилія, що били на села на Оргоещи и на Йегомирещи, а он загубил тотѣ привилія коли приихал царь турский та плянил нашу землю. Он привел к намъ уси свои околнии межиаши, аби и они вызнали и мартурисали (свидетельствовали — Ф. Г.) о том аже ест так»³⁵.

Почти аналогичную жалобу пишет другой феодал, который потерял документы на свои вотчины и, желая их возобновить, приводит своих «межиашей», которые должны присягнуть на суде в том, что их владелец прав.

«Михулъ Бузат жаловал нам великою жалобую рекучи нам так: аже привиліе, що он имал от наших уиков, от Иліа воевода и от Стефана воевода, на свое правое отнину на село на име на устии Ръкъчине, на Серете, а он загубил тотѣ привиліе коли пришли Али-бег и брат его Скендерь-бег и съ Цапалушем... Ино ми есми досмотрили им нашими болере и съ усею нашею наивише радою и училили есми ему закон, подлуг земского права, аби он привел уси свои околнии межиаши... аби и они вызнали и свидетельствовали о том, аже ест так»³⁶, — так гласит подтвердительная грамота 1481 года.

В других грамотах просто указывается имя землевладельца-феодала, светского или духовного, и его «межиаши» — соседи — *vecini*³⁷ — крепостные. «Пан Динга питар съ межиаши»³⁸, — говорит грамота 1492 года. «...Куда хотарил пан Братул армаш и съ межиаше»³⁹, — говорится в купчей грамоте от 26 марта 1493 года. «...Пан Микот пръкалаб съ межиаши»⁴⁰, — сказано в подтвердительной грамоте 1494 года. В купчей грамоте 1497 года читаем: «пан Тъоутул логофет и съ межиаши»⁴¹. Таутул логофет хорошо известен как правая рука молдавского господаря, крупнейший землевладелец, который в начале своей карьеры в 50-х годах XV в. был только дьяком, а к концу века стал виднейшим земельным собственником и дипломатическим деятелем Молдавии того времени. У него было большое количество крепостных крестьян, которые вместе с холопами обеспечивали все нужды боярского хозяйства и потребности своего владельца, который

---

³⁵ Documente, I, p. 249.

³⁶ Там же, стр. 258.

³⁷ М. В. Сергиевский, Цит. Соч., стр. 388. Слово «вечин» в молдавском и румынском языках содержит в себе два понятия: 1) сосед вообще, 2) социальное понятие — крепостной. Аналогичное явление имеем и для Валахии — термин «румын» — также имеет два значения: 1) этническое значение и 2) социальное — означает крепостной. Эти термины нельзя путать (см. эти слова у М. В. Сергиевского там же, стр. 388, стр. 303).

³⁸ Documente, I, p. 510.

³⁹ Там же, II, стр. 27.

⁴⁰ Там же, II, стр. 33.

⁴¹ Там же, II, стр. 100.

жил за счет феодальной земельной ренты, а также за счет продажи продуктов сельского хозяйства на внутреннем и внешнем рынках.

Как «люди», так и соседи, были крестьянами-оборочниками, сидевшими на землях светских и духовных феодалов. Прimitивная отработочная рента к этому времени почти совсем сошла со сцены, а барщина еще не получила своего развития. Со второй половины XV в. замечается тенденция со стороны феодалов, направленная к увеличению собственной запашки и количества барщинных дней.

4. Холопы

Еще задолго до юридического закрепощения крестьян, в Молдавии существовала довольно значительная группа людей, которые не только де-факто, но и де-юре считались рабами и составляли полную и безусловную собственность своих хозяев. Эта группа людей в молдавских источниках так же, как и в русских, именуется «холопами», т. е. рабами. Уже само название «холоп» или раб не оставляет ни малейшего сомнения по поводу юридического положения названной социальной категории. Холопы рассматривались как составная часть феодальной вотчины. Они отличались от орудий труда только тем, что были наделены речью. Дети холопов отнимались от родителей. Холопов продавали или дарили вместе с вотчиной и отдельно, семьями и порознь. Имена холопов фигурируют в купчих грамотах наравне со скотом, недвижимым имуществом и т. д. Холопами владели как светские, так и духовные феодалы. «Челядь» в источниках выступает как холопья семья. Обычно встречается такая формулировка: холоп такой-то с челядью. Несмотря на то, что в источниках холоп рассматривался как вещь, мы находим в них упоминание о холопьем (или татарском, поскольку среди холопов были татары) праве в Молдавии. Однако в чем состояло это право — неизвестно.

Отметим теперь основные источники рабства. Главную роль здесь играли войны. Захваченные пленные превращались победителям в рабов-холопов. Бежавший из плена становился свободным. Правда, через некоторое время он все равно попадал либо обратно в холопы, либо, чаще, в число крепостных крестьян.

Другим источником рабства были уголовные преступления («великое дело») и нарушения долговых обязательств со стороны местного населения Молдавии.

Третьим источником служил привоз (правда незначительный) рабов в Молдавию из Валахии. Наконец, четвертым источником были татары и цыгане, которые рассматривались господствующим феодальным классом, как неравноправные и «неполноценные» члены общества. Повидимому, принимались во внимание их вера, язык и т. д.

«Дали есми и потвердили тому святому нашему монастиру цыгане, що дал дедь наш Александр воевода, — читаем в данной и подтвердительной грамоте 1487 года, — тому святому монастиру, цыгане на име: Микула съ челедею, и Татул съ челедею, и Нарко съ челедею, и Яким съ челедею, и Гогошат и брат его Яким с челедею, и Команча съ челедею, и Бузе съ челедею, и Дагица съ челедею, и Слав съ челедею, и Сима съ челедею, и Синать съ челедею, и Попуце Ръцкой и брати Алекса и Михул, уси съ челедми (семьями—Ф. Г.), и Нан съ челедею, и Иванко съ челедею (русское имя—Ф. Г.), и Пралуца съ четири брата и съ челядми уси, Баде съ челедею, и сынъ Бадев Микула съ челедею, и Данука съ челедею, и Тота и сынъ его Цицул с челедми, и Меша съ челедею, Иван (русское имя—Ф. Г., — это не цыган) и брат его Журе съ челедми, и Тоадер (молдавское имя — Ф. Г., это явно не цыган) съ челедею, и Данчул съ челедею, и Пикул, и Тома съ челедми. Тое вьсе вышеписанное, — продолжает господарь.—да ест прядречёному монастиру урик съ вьсям доходом, и дети тях и унучата их и преунучата их и вес род их, непорушено николиже на веки»⁴².

Грамота говорит о цыганах-холопах, которые передаются вместе со своими семьями монастырю Быстрица. Но, вчитываясь в эту грамоту, видим, что в ней фигурируют не одни цыгане, имена которых нам хорошо известны, здесь находим и русские имена (Ива, Федор) и молдавские (Тоадер) и т. д. Это свидетельствует о том, что состав холопства был неоднородным не только в экономическом отношении (некоторые холопы были посажены на землю, другие являлись слугами, поварами, портными и т. д.); он был пестрым и по своему этническому характеру.

Последнее, правда, в данном случае не является для нас главным. Нам важно установить факт наличия холопов в Молдавии вообще и применения холопского труда в феодальном хозяйстве в частности, что полностью подтверждается источниками.

Грамота от 1 ноября 1487 г. касается холопов, принадлежавших монастырю Нямец⁴³. Из этой грамоты мы узнаем, что в случае убийства холопом одного монастыря холопа другого монастыря, настоятель первого монастыря возмещает потерю второму монастырю. «Нянчул холтеюл (холостяк — Ф. Г.), що дали его калугери (монахи — Ф. Г.) от Бистрици за ради съмерьти Козма татарина, за що убили того Козма татарина цыгане от Бистрического монастире»⁴⁴ — так гласит эта грамота.

---

⁴² Documente, I, p. 310.

⁴³ Там же, стр. 312.

⁴⁴ Там же.

Холопы были не только у господаря или у духовных феодалов, но встречались и в хозяйствах светских землевладельцев.

«Дали и потвердили есмы naszej митрополии от Долнего тръга, идеже ест храм святой Параскеви, еи питомы цыганы на име Мъчкать и своими детьми и челедию, и Каба и своими детьми и челедию и Косте и своими детми и челедию и Бабул и своими детми и челедию, и Быздыга и своими детми и челедию и Карфина и своими детми и челедию, и Нань и своими детми и челедию, що его даль пан Исая пръкалаб келиискы»⁴⁵, — рассказывает жалованная грамота 1465 года.

В данной и купчей грамоте 1480 говорится, что Войка, дочь известного нам феодала Поница, а также два землевладельца, братья Ивашко и Костя, продают холопов. «Дали и потвердили одного татарина на име Костя, щоже он (пан Херман — Ф. Г.) купиль того татарина от Ивашко и от Юрии, сынове Кълианови от Белограде, за 80 злати татарский. Тиж есми ему дали и потвердили одного циганина на име Лаль, щоже он купил того циганина от Воика, дочка пана Понице старого, за 70 злати татарский»⁴⁶, — читаем в источнике. Таким образом, крупному светскому феодалу и наместнику г. Белгорода Херману были проданы два холопа: один татарин стоимостью в 80 татарских золотых и один цыган за 70 татарских золотых. Неясным остается, каков же был критерий для установления цены при продаже того или другого холопа. Если бы мы располагали достаточным количеством источников, можно было бы установить, какие моменты принимались в расчет при расценке: возраст, физическая сила и т. д. Во всяком случае, цена на рабов не была стабильной. По одному документу раб стоил 70—80 татарских золотых, в другом документе читаем, что за три холопских семейства заплачено 50 и даже 30 золотых.

Из документов становится ясным, что холопы сосредоточивались, главным образом, у тех светских и духовных феодалов, имена которых нам знакомы хорошо, как имена крупных землевладельцев Молдавии во второй половине XV в.

«Потвердили есми ему (боярину Думе — Ф. Г.) у нашей земли у молдавской правое отнину и викупление, — говорится в подтвердительной и купчей грамоте 1480 года, — паней его (Думы — Ф. Г.) Насти, дочки пана Петра Бръскула одиное село на име Кънденщи на Сирете, съ млином у Серет, между Гръмещи и Рогошещи и пониже Кълнинещи, що же купил тое село пан Петру Бръскул от Марушки, дочка пана Шефула Жумътате, пания Щибора, за 300 злат татарских, и другое село Лозна, отнина и дедина пана Петра Бръскула, и Максине-

⁴⁵ Documente, I, p. 91.

⁴⁶ Там же, стр. 243.

щин на Шумузя, повише от Дръгошан, и цигани на име Стая... и Тоадер и жена его Фрусина и съ челеди их, що же купил пан Петру Брьескул тоти цигани от Дръгоа и от Иванна за 50 злат татарских»⁴⁷.

Таким образом, имена продаваемых холопов включаются в акты купли и продажи имущества, как составная часть вотчины. Стоимость рабов обычно оказывается в несколько раз меньше ценности вотчины даже самой минимальной величины, что видно и из приведенного выше источника. Вотчина продается за 300 татарских золотых в то время, как три семейства рабов оцениваются в 50 татарских золотых.

Тяжелая эксплуатация, которой подвергались со стороны землевладельцев рабы, приводила к массовому бегству последних. Побегі холопов затрагивали интересы феодалов и вызывали ответные действия с их стороны. Землевладельцы обращаются к господарю с просьбами запретить переманивание холопов. В ответ на эти жалобы господа издавали грамоты, в которых содержался запрет принимать чужих крестьян и рабов. Тогда последние начали убегать за пределы страны, в польские города и другие места.

Массовое бегство сельского населения в Польшу наблюдалось в 1438—1478 г.г. и вторично в 1492—1500 г.г. Господарю приходилось обращаться к властям других стран и заключать с ними договоры, ограничивавшие переходы за границу крепостных крестьян и холопов. Кроме того, господарь начинает в одиночку приглашать отдельных беглецов возвратиться обратно на родину. Очень интересна в этом отношении грамота 1470 года, отрывок из которой приводится ниже: «Даемъ и дали есмь сес наши лист нашему татарину и холопу, — говорится в этой жалованной тарханной грамоте, — що он побигл (бежал — Ф. Г.) от нас а ис нашей земли до лескои (в Польшу — Ф. Г.) земли, а на име Оаны татарину и детем его, на то щобы он опять за ся пришил и своими детми до нас и до нашей земли, а от холопства щоби он прощень бил, сам и дети его, на веки вечныя, и щобыхом его опять не уводили у холопство, аны дети его, али щобы сидил у нашей земли, он и своими детми, слободно и добровольно и без некоторой неволи, каже сидеть и живут у нашей земли уси волохове своим волосным закономъ. Также и он сам та и своими детми щобы тым законом и обичаем били и жили у земли господства ми, и щобы не давали и не платили холопским и татарским правом николи ничего, ни колоди, ни дан щобы некоторому своему пану не платили, коли у кого будет жити. А кто будет их тягати, буд о котором дили, или о великом дили, алибо хоте о малом, а оны помочное булше щобы ничего не платили, лиш (только — Ф. Г.) щобы платили волос-

⁴⁷ Documente, I, p. 246.

кым законом, как ест волоскы законъ, а булше того ничего никому щобы не давали и не платили...»⁴⁸.

Из этой грамоты видно, что холопы настолько эксплуатировались своими хозяевами, что вынуждены были бежать, часто вместе с семьями от своих господ в соседние страны. Кроме того, приведенный выше источник интересен указанием на то, что часть землевладельцев сажала своих холопов на землю и из этого извлекала выгоды.

Феодал отказывался от малопродуктивного труда холопов, превращая их в крепостных крестьян. В отличие от остальных разрядов сельского населения, холопы, посаженные на землю, не платили государственных податей. Труд крестьян принадлежал землевладельцу лишь частично, если только он не пользовался иммунитетными привилегиями. Приведенная выше грамота интересна еще и тем, что она показывает, как с ростом феодальной эксплуатации и углублением феодальных отношений растут кадры людей, оторванных от средств производства. При сопоставлении источников первой и второй половины XV в., касающихся холопов, можно сделать вывод, что применение рабского труда в феодальном хозяйстве заметно идет на убыль. Холопы, посаженные на землю, консолидируются с крепостными крестьянами в один класс. Окончательное оформление этого класса выходит за пределы второй половины XV века.

Положение рабов было очень тяжелым. Не существовало никаких ограничений в их эксплуатации. Они должны были работать на своих господ от зари до зари, в любое время года, в любую погоду. Их жестоко избивали. Хозяин не мог только убить раба, так как это считалось преступлением перед «богом», а дети и жена убитого после этого считались свободными. Часть холопов, посаженных на землю и ведших свое хозяйство, должны были выплачивать своему хозяину все феодальные земельные ренты, за счет которых последний жил. Если в это время между положением крепостного крестьянина, с одной стороны, и раба, с другой, еще замечается значительная разница, то с дальнейшим развитием и расцветом феодальных отношений она постепенно исчезает. Холопы вливаются в массу крепостных крестьян, жизнь которых становится более тяжелой, чем в предыдущие годы.

Дальнейшее ухудшение положения молдавского крестьянства шло в основном тремя путями: 1) по линии увеличения феодальной земельной ренты вообще, 2) по линии роста феодальной отработочной земельной ренты в частности, и наконец, 3) путем массового закрепощения труда крестьян, еще остававшихся свободными, и распространения на них бар-

---

⁴⁸ Documente, I, p. 140.

щины. Это общее ухудшение состояния крестьянской массы в Молдавии было вызвано следующими причинами: ростом городов и развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве страны (в своей основе остававшемся натуральным), увеличением собственной запашки феодала, наконец, переводом крепостных крестьян на барщину и денежную ренту.

5. Феодалынные повинности крестьян

Лучшим источником для изучения феодалынных повинностей крестьян являются несудимые и тарханские (иммунитетные) грамоты, которые давались молдавскими господарями отдельным землевладельцам. В них мы находим перечисление повинностей, которые исполняло крестьянство в пользу господствующего феодалынного класса землевладельцев.

Нами уже было отмечено, что несвободное крестьянское население Молдавии разделялось на две категории — «людей» или селян, которые еще имели право свободного передвижения, и «межиашей» — «вечинов» — соседей или крепостных крестьян, уже потерявших это право «выхода». И те и другие крестьяне сидели на землях светских и духовных феодалов и несли почти одинаковые феодалынные повинности. Повинности этих двух категорий крестьян формулируются в грамотах более или менее точно. Повинности части холопов, посаженных на землю, не определяются в источниках, так как они выполняют их по обычаю, «холопским и татарским правом»⁴⁹. В чем состояло это право, как мы уже отмечали выше, документы не указывают. Но несомненно, что «холопское» и татарское право» было гораздо тяжелее, чем те повинности, которые несли крестьяне «своим волосным законом»⁵⁰. Это подтверждает тарханная грамота о холопах 1470 г., которую мы приводили выше и по которой господарь запрещает феодалам взыскивать что-либо с освобожденного от холопства татарина и холопа Оаны и его семьи «холопским и татарским правом».

Несвободные крестьяне должны были выполнять все сельскохозяйственные работы в собственном хозяйстве феодала (отработочная рента, барщина). Кроме того, крестьяне были обязаны отдавать феодалу десятую долю продуктов своего производства. Эта десятина распространялась на все отрасли сельского хозяйства: животноводство, огородничество, садоводство, пчеловодство и т. д. Таким образом, крестьяне поставляли своему господину мед, хлеб, сыр, мясо, вино, овощи и пр. (продуктовая рента). Частично крестьяне переводились на денежный расчет (денежная рента). Но денеж-

⁴⁹ Documente, I, p. 140.

⁵⁰ Там же.

ный элемент, в соответствии со всем строем натурального хозяйства, занимал среди остальных повинностей незначительное место. Повинности второй половины XV в. были в основном натуральные. Отработочная рента (барщина) еще глубоко не внедрилась в вотчинное хозяйство, хотя уже существовала во второй половине XV в.

Все виды докапиталистической земельной ренты теснейшим образом переплетались между собой и в ходе исторического развития сменяли друг друга. В тот или иной период та или другая форма феодальной земельной ренты была господствующей. Анализируя источники XIV—XV вв., а также часть источников XVI столетия, можно установить, что основной формой эксплуатации молдавского крестьянина во второй половине XV в. являлась рента продуктами. Денежная рента в это время находится еще в зачаточном состоянии, однако у феодалов намечается тенденция увеличить отработочную ренту. Количество обязательных барщинных дней колеблется в разных владениях. Закона, который регламентировал бы барщинные дни для страны в целом, не существовало, но общее их число первоначально было еще незначительным.

В жалованной иммунитетной грамоте от 17 апреля 1475 года говорится: «Два села: Петра Вранина где был дворъ, и другое село що тиж слухает къ тому монастырю. И дали есмы тым селам вышеписанним, — отмечает господарь, — сес лист нашъ на то, щобы не платили нам дан, ни посад, ни подвод, ни илиш, ни на город да не робеть, ни на посад, ни оу сторож да не ходет, ни на млини да не робеть, ни оу воиску да не ходеть... и ни жадноу нашу службу да не имают нам служити, ни платити, ни робити; але щобы остерегали тот монастыр, а щобы робили тому монастырю»⁵¹.

Здесь имеются ясные указания на дань, барщину и другие службы и работы. «Да не имают платити ни илиша, ни дан, ни подводу, ни на млинох да не робят»⁵² — гласит несудимая грамота от 12 апреля 1458. «Ни подвод не дают, ни посаду, ни на млинох наших да не робеть, ни винода не возеть; и десятину от бчол и от свини да недают... и на город от Сочаве не робет от того село»⁵³, — читаем в иммунитетной грамоте 1458 года.

В тарханной грамоте 1446 г. феодальные повинности выступают еще рельефнее. Кроме того, здесь перечисляются повинности, которые в других памятниках почти не фигурируют. «Да имают от нас великою тараканство и великою слобозию за 5 лет, — рассказывает источник, — о въсеком наше дание и службе, и да не дает нам ни илиш, ни подводу, ни посаду, ни

⁵¹ Documente, I, p. 200.

⁵² Там же, I, стр. 10.

⁵³ Там же, I, стр. 14

жолдъ, ани на город да не робети, ани на млини, ани бочки да не возят, **ни сино да не косет**, ани иное наше дание или служб да не имае»⁵⁴.

В приведенных документах нашли отражение различные феодальные повинности: дань, илиш (на прокормление армии), подводы (на нужды транспорта), посад — строительство города, крепостей и дорог, жолд — денежные взносы на содержание армии, кроме того, барщинные дни для ремонта и постройки господарского двора, мельниц, повинность косить сено и производить другие сельскохозяйственные работы. В одной из грамот упоминается десятина от свиней, а также от пчел.

В других источниках десятина и остальные феодальные повинности получают еще более полное отражение. «...И десетину от бчел и от свини да не дают»⁵⁵, — говорит Стефан Великий в грамоте 1458 года. «...Да не дадут ни десетиноу от бчел»⁵⁶, — гласит грамота от 20 мая 1459 года. Десятина распространялась и на все прочие продукты крестьянского хозяйства вплоть до рыбы, которую, как предполагалось, крестьяне будут ловить в прудах или озерах, на территории землевладельца. Для сбора десятины существовали специальные десятичники, которые также, как и десятина, упоминаются в источниках. «..Варе кто имет брати от нас десетину от бчел, а тоти наши десятиници щоби не имали брати десетину от бчел от монастырских пасиках, хоте половина грош»⁵⁷ — указывает иммунитетная грамота 1463 года. В грамоте от 10 апреля 1458 года говорится: «...десятник да не сме брати десетину от бчел, ани бербеницю (меру — Ф. Г.) меду»⁵⁸.

В жалованной подтвердительной грамоте 1488 года, данной господарем Романской «митрополии», читаем: «Дали и потврдили есми тои святои нашей цркви, митрополии от Романова тръга, дании деда нашего Александра воеводи, две села на име Левкушании повыше Романова тръга, и съ **десетиною от капустоу** от того села, и Драгомиреши ниже Романове тръга, за Молдаве, и съ поромом що ест на Молдаве и съ **десетиною от свижую рибу**, що боудуть ловити люди от Драгомиреши там у них»⁵⁹. Итак, мы видим здесь, что десятина взималась с продукции огородничества, а также со свежей рыбы.

Если натуральные подати переводились в Молдавском княжестве на деньги, то обычно точно указывалось, за что

---

⁵⁴ Documente, I, p. 95.

⁵⁵ Там же, I, стр. 14.

⁵⁶ Там же, I, стр. 30.

⁵⁷ Там же, I, стр. 75.

⁵⁸ Там же, I, стр. 9.

⁵⁹ Там же, I, стр. 342.

следует платить, например: «за серну», «за вола», «за сыр», «за воск», «за ягнят» и т. д.⁶⁰

Несвободное крестьянство обязано было молоть свои злаки только на мельнице своего господина-землевладельца, так как это считалось его монополией. Категорически запрещалось ходить на чужие мельницы и в чужие корчмы. Это были баналитеты, которыми пользовались только феодалы.

Ниже привожу образчик грамоты, в котором с предельной ясностью видны права светского феодала-землевладельца, на такого рода баналитеты. «Да оучинит собе млины и що коли будет его воле, или жерствило, или валила, или буд що, или ступы а хотар тем млиномъ и тому месту колко ему будет просторонно досыт, на оуси стороны и горы и доловъ и да ест приход к тым млином ис нашего места от Бани, колко быль до тых млинов приходу, при наших предковъ такижъ и теперь, въсе тое де прислухает к тым вышеписанным млином и да ест воленъ пан Михаил логофеть казнити и брати ис того, кто ест оу его хотари и не имаёт возити на тоты млины»⁶¹, — так рассказывает этот интересный документ.

Таким образом, несвободные крестьяне должны были поставлять своему хозяину-землевладельцу десятину от всего производившегося в их хозяйстве, отбывать на собственной запашке господина известное количество барщинных дней, число которых колебалось в зависимости от потребностей землевладельца, частично выплачивать денежную земельную ренту, молоть хлеб на мельницах господина и ходить в его корчмы. Кроме того, крестьяне несли подати и повинности в пользу государства. Таковы — дань, илиш или поставки на прокормление армии, посад, подвода, подвоз вина, уборка сена, охрана крепостей и т. д.

Так, «барщина, соединявшаяся в дунайских княжествах, — говорит Маркс, — с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, составляла, однако, крупную дань, уплачиваемую господствующему классу»⁶². Для принуждения несвободного населения к несению феодальных повинностей существовала разветвленная сеть института государственных чиновников, которые силой власти заставляли непосредственных производителей выполнять все их обязанности по отношению к землевладельцу и феодальному государству.

Таким образом, «обладая общественной властью и правом взыскания налогов, — говорит Энгельс, — чиновники становятся, как органы общества над обществом»⁶³.

⁶⁰ И. А. Линиченко, Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., Москва, 1894, стр. 185—186.

⁶¹ M. Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Stefan cel Mare, II, p. 313—314.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 260.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том XVI, ч. 1, стр. 146.

6. Классовая борьба в феодальной деревне

Процесс феодализации молдавской деревни, как и страны в целом, не был мирным процессом. Он сопровождался жестокой классовой борьбой. Из приведенных выше источников ясно, что в Молдавии, как и в любом феодальном обществе, были два основных антагонистических класса: крупных землевладельцев и зависимых от них крестьян, к которым примыкает городская беднота и низший слой ремесленников. Стремления и идеалы представителей одного класса общества являются противоположными интересам членов другого класса. Кроме того, и внутри господствующего класса не было единства, там происходила борьба за даровую рабочую силу — крепостных крестьян, за земли, за власть в государстве и т. д.

Непонимание классовой структуры феодального общества и стремлений и интересов отдельных его членов или групп привело К. Журеску и других румынских буржуазных историков к неправильному утверждению, что крепостные крестьяне были в лучшем положении, чем крестьяне свободные. О первых якобы думал хозяин-землевладелец, а вторые — резеши должны были сами думать и о себе и о государстве. Интересы господствующего класса землевладельцев, — считает Журеску, — были те же, что и угнетенного, бесправного народа. Нежелание признавать общности исторического процесса вызвало заявление К. Журеску, что в социальной жизни молдавского крестьянства на протяжении двух веков — XV—XVI — не происходило никаких перемен.

«Ничто не заставляет нас думать, — пишет К. Журеску, — что положение крестьянства, будучи все время тяжелым, еще отличалось хоть чем-нибудь от того положения, в котором они находятся в следующем столетии. Никакого изменения не замечается в социальном положении крестьянства в течение этого промежутка времени»⁶⁴.

Нетрудно заметить тот метафизический метод, которым пользуется К. Журеску при решении вопроса о происхождении крепостничества в Валахии. Но этого мало. Свои ошибочные утверждения он переносит и на Молдавию, выдавая их за историческую действительность.

Между тем, исследованные нами источники говорят о том, что положение крестьянства, будучи все время тяжелым, еще больше ухудшалось по мере развития феодализма. Никогда в классовом обществе интересы противоположных классов не совпадали, и классовая борьба поэтому является характерной чертой всего феодального социально-экономического строя.

Несомненной причиной противоречивых стремлений являет-

⁶⁴ C. Giurescu, Despre rumani (Mem. sec. ist. ser. II, tom. XXXVIII), Bucuresti, 1915—1916, p. 243.

ся различие в положении и условиях жизни тех классов, на которые распадалось феодальное общество.

Из приведенных выше документов мы могли видеть, как при энергичном содействии со стороны государственной власти шла экспроприация общинных — крестьянских земель. Непосредственные производители со своей стороны отвечали протестом на наступление феодала на крестьянское хозяйство. Этот протест принимал различные формы, начиная с бегства крестьян от своих хозяев в другие соседние страны, убийства отдельных представителей господствующего феодального класса и кончая массовым движением.

В царствование Стефана Великого происходила непрерывная классовая борьба. Каждая грамота господаря, в целях охраны интересов светских и духовных феодалов, направленная против неимущего закрепощенного крестьянства, представляет собой попытку со стороны государственной власти силой принудить сельское бесправное и угнетенное население примириться со своим положением. Только недостаток известий о жизни народных масс того времени не позволяет привести конкретные примеры высшей формы классовой борьбы — восстаний народа против эксплуататоров светских и духовных. Однако поскольку история Молдавии не изучена и до многих документов не дотронулась еще рука исследователя, мы не имеем никаких оснований утверждать, что вообще нет источников, которые помогли бы осветить этот вопрос.

Весьма вероятно, что со временем будут открыты источники, при помощи которых на конкретных примерах подтвердится наше предположение об имевших место народных восстаниях, как высшей форме классовой борьбы в условиях Молдавии в XV в.

Бегство крепостных крестьян и холопов от своих господ, как проявление протеста против эксплуатации, наблюдалось довольно часто. Убежав в соседние страны, крепостные становились на время свободными. Но вначале это не было массовым явлением. Побег крепостных крестьян, которые румынский историк И. Нистор называет «миграцией», приобрели впервые массовый характер в 1438 году⁶⁵. Это бегство молдавского крестьянства в 1438 году в Польшу и другие соседние страны может быть объяснено серьезными причинами.

В 1437 г. в Трансильвании поднялось крестьянское восстание. Ему предшествовало увеличение феодальных податей и повинностей, а также попытка венгерских властей в Трансильвании изданием специальной инструкции запретить крестьянам переход от одного землевладельца к другому. Надо полагать,

---

⁶⁵ I. Nistor, *Migrațiunea romaneasca în Polonia în sec. XV—XVI* (Mem. sec. ist. tom. XXI), Bucuresti, 1939, p. 90.

что и молдавские землевладельцы не отставали от своих соседей и как бы состязались с последними в закреплении крестьянского труда, что и вызвало массовый переход крестьян в Польшу. К тому же начавшееся в 1437 году восстание в Трансильвании не затихло еще и в 1438 году, и это также не могло не оказать влияния на крестьянство Молдавии.

В 1490—1492 г.г. имело место крупное крестьянское восстание, охватившее большую часть Подолии и Северную Молдавию, под руководством Мухи.

В 1514 году в Трансильвании вспыхнула настоящая крестьянская война, которая охватила и часть крестьянства Молдавии.

Причиной указанных восстаний является тяжелый феодальный социальный гнет. Все восстания жестоко подавлялись силой государственной власти, как защитницы интересов господствующего класса землевладельцев. Против неимущего класса, «людей убогих», — по выражению документов того времени, были направлены господарские грамоты, которые предупреждали, что тот, кто нарушит иммунитетные права феодала или купца-бюргера, будет считаться врагом государства и «узрит великую нашу казнь»⁶⁶.

Особое место уделяют грамоты душегубству, т. е. убийству человека вообще, и знатного в особенности. За убийство человека знатного рода, грека или турка, штраф был в несколько раз больше, чем за убийство человека простого⁶⁷.

В иммунитетной грамоте от 17 апреля 1475 года, данной Стефаном Великим женскому монастырю Хородник, говорится, что если крестьяне не будут повиноваться монастырю и нести повинности в его пользу, то последний должен сообщить об этом господарю и на помощь придет государственная власть, которая заставит крестьян подчиниться своим владельцам.

«...Але щобы остерегали тот монастир,— говорит господарь в грамоте, — а щобы робили тому монастирю. А коли (а когда — Ф. Г.) що загинет того монастире, или не имут (не захотят работать крестьяне — Ф. Г.) що тебе будет тому монастиру мы знати тым людем що сут съ тих сел вышеписанных»⁶⁸. Так господарь, силой государственной власти, угрожает крестьянам, которые не захотят примириться со своим крепостным состоянием: они «узрят великою казнь господства ми»⁶⁹, т. е. от господаря.

Яркое отражение классовой борьбы, которая пронизывала все молдавское феодальное общество, мы находим в бесчис-

---

⁶⁶ Documente, II, p. 262, I, p. 30.

⁶⁷ R. Rosetti, Op. cit., p. 195.

⁶⁸ Documente, I, p. 200.

⁶⁹ Там же, I, стр. 200.

ленных судебных процессах, возникавших в связи с экспроприацией крестьянских земель. И в данном случае власть выступает в защиту господствующего класса, так как лица, стоявшие во главе управления, были одновременно самыми крупными феодалами — землевладельцами.

Господарь, как представитель верховной власти в стране, вместо удовлетворения законных претензий крестьянина-истца, предупреждает его, что в случае повторного возбуждения дела против землевладельца он понесет большой штраф. Это делается с целью отбить у резеша всякую охоту не только поднимать голос против господствующего класса, но даже в какой-либо мере напоминать о своих правах. Так, например, в грамоте 1459 года читаем: «Того ради ни Ивашко от Серацела, ани его дети, ани кто ин от его рода да не имають николи болше тегати, ни съ единимъ листом, николи на веки, на тота вишеписанная села, ани кто от Фофышешим племенем да не имають упоминати за Нежещи, на веки. А кто коли упоминет, буд су которых днох и часох, или Ивашко или Фофышешем племене, тот да заплатитъ завезку 60 рубли серебра»⁷⁰.

Другой любопытный источник, датированный 5 декабря 1460 года, рассказывает о судебном земельном процессе. В защиту одного из тяжущихся, крупного землевладельца, члена господарской рады Ивашка, выступили его тесть казначей Иван и сам господарь. Другую сторону на суде составляли истцы крестьяне Тома Думитрескул и Костя Турбуре. Последние по суду потеряли свое право на земли и, кроме того, их предупредили, что, в случае возобновления тяжбы, они будут оштрафованы на сто рублей. Так, основываясь на своих родственных связях, крупные землевладельцы как светские, так и духовные, всегда выходили из споров с крестьянами победителями.

«А черес тое усе а мы,—говорит господарь,—есми поставели завезку 100 рубли серебра... Ивашку и детем его и усе му роду его, варе коли и у которых днех и часах бы хотили Тома и Косте или их дети или братиа или их вес род тегати или упоминати на Ивашка... тот нам заплатитъ вышеписанную завезку 100 рубли серебра»⁷¹. Так заканчивается описание судебного процесса, начатого обращением истцов к господарю с просьбой чинить им «правду».

«Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественно-

---

⁷⁰ Documente, I, p. 32.

⁷¹ Там же, I, стр. 41.

го, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»⁷².

Следовательно, «классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»⁷³.

---

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 147.

⁷³ История ВКП(б). Краткий курс, М., 1945, стр. 120.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МОЛДАВСКИЙ ГОРОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

В советской русской и молдавской исторической литературе пока нет отдельных монографических исследований, посвященных молдавскому городу вообще и, в частности, городу второй половины XV века. Румынская буржуазно-националистическая историография, рассматривавшая Бессарабию как колонию Румынии, не ставила перед собой задачи изложения подлинной истории молдавского народа. Вопросы о молдавских городах только мимоходом касались такие авторы, как молдавский господарь и историк Д. Кантемир, русский археограф конца XVIII и начала XIX в. Н. Бантыш-Каменский, Н. Карамзин и другие представители дворянско-буржуазной историографии. Румынские историки Н. Йорга, И. Урсу, И. Филитти и К. Журеску, затрагивавшие вопрос о городах дунайских княжеств Валахии и Молдавии, принадлежали к буржуазно-националистическому, реакционному направлению в науке. Ими были выдвинуты различные «теории» об «отсталости» молдавского народа, о том, что в Молдавии вплоть до XIX в. отсутствовала торговля хлебом, отсутствовали и города.

Учитывая особую важность и актуальность этого вопроса, мы решили дать хотя бы краткий очерк истории молдавского города второй половины XV в. и тем самым опровергнуть лживые утверждения румынских буржуазных историков.

Восстановление государственного единства Молдавии в XV в., которому было положено прочное начало еще при господаре Александре Добром (1400—1432), было связано прежде всего с глубокими экономическими сдвигами. Страна начала возрождаться из пепла и руин после татарского нашествия.

Успешно стало развиваться сельское хозяйство. Производительность труда в феодальном хозяйстве значительно возросла, что свидетельствовало также об увеличении спроса на сельскохозяйственные продукты, расширение внутреннего рынка в свою очередь способствовало подъему феодального хозяйства страны в целом. Благоприятная внутренняя обстановка в Молдавии во второй половине XV в. толкала феодалов на

восстановление хозяйства для поднятия его производительности и увеличения доходности. Расширение собственной запашки феодала и перевод ленно-зависимых крестьян и частично на денежную ренту были хозяйственными мероприятиями, связанными с ростом рыночных отношений и способствовавшими со своей стороны развитию городов. Но самое главное — что рост производительности труда и успехи в земледелии вызвали не только общий экономический подъем в стране, но значительно усилили отделение ремесла от земледелия, развитие отдельных отраслей ремесленного производства. Все новые и новые города становились экономическими центрами, распространявшими свое влияние на значительную территорию. Создавались новые территориально-административно-хозяйственные области, называвшиеся державами, волостями.

Города еще продолжали быть связанными с господарскими и феодальными имениями в районе городской округи.

Но основную массу городских жителей составляли мелкие купцы, ремесленники, беднота, кормившаяся случайной работой. Все эти категории городского населения были вынуждены покупать хлеб и другие продукты. Поэтому в город шли со своими продуктами сельского хозяйства все, кому нужны были деньги: и боярин, и дворянин-землевладелец, и монастырские власти, и отчасти крестьяне городской округи. Так ближайшие к городу деревни постепенно втягивались в орбиту товарообмена. Каждый город (град, место) состоял из двух частей: собственно крепости, окруженной стенами или кремля и посада (*subrbium*, тырг или торг), где жили ремесленники, купцы, торговые люди. Население сел, окружавших город, обязано было ходить на строительство города-посада, а также поддерживать в порядке городские укрепления, копать рвы, строить дороги, возводить стены.

Развивались города в собственном смысле слова, города как торгово-ремесленные центры с непрерывно действующим внутренним рынком.

Класс феодального общества Молдавии — крестьянство — в условиях роста производительности труда в сельском хозяйстве неизбежно должен был переживать процесс дальнейшего углубления общественного разделения труда и распадаться на сельское крестьянство и на горожан-ремесленников. Некоторые крепостные крестьяне бежали в город, спасаясь от тяжелого феодального социально-экономического гнета.

Итак, рост производительности труда, вызвавший общественное разделение труда между городом и деревней, и расслоение крестьянства явились толчком к дальнейшему развитию города, как торгово-ремесленного центра, к развитию городского сословия.

Немаловажную роль в развитии молдавских городов сыграло наличие в стране большого количества сельскохозяйствен-

ных продуктов, сырья, а также баснословная дешевизна их, которая рано начала привлекать к себе внимание иностранных купцов, смотревших на Молдавию как на сырьевую базу и рынок сбыта своих промышленных изделий. В росте городов были заинтересованы и господа Александр Добрый и Стефан Великий, которые заботились о развитии экономики страны, в частности о процветании торговли, тем более, что сами они имели большой доход от торговых пошлин, что позволяло им занять более самостоятельное положение по отношению к феодальной знати. Кроме того, для укрепления господарской власти в волостях строились города — «грады», которые одновременно служили крепостями и убежищами от нашествия неприятеля, а также административно-политическими центрами, позволявшими феодальной знати держать в полном повиновении зависимое от нее сельское несвободное население. Таким образом, функции города были разнообразны: город — это, во-первых, крепость, кремль, во-вторых, — это центр торговли и ремесла и, в-третьих, — это административно-хозяйственный и политический центр, к которому стягивались все нити управления прилегающей к городу округи.

Росту молдавских городов, кроме вышеизложенных основных причин, способствовало также удобное географическое местоположение Молдавского княжества на торговых путях. В частности, после нашествия татар вместо пришедшего в упадок старого торгового пути Львов — Киев — Перекоп начинает приобретать значение новый международный путь, шедший через Молдавию: Львов — Черновицы — Сучава — Яссы — Белгород. Этот путь играл большую роль в экономическом развитии молдавских городов и всей страны. Города возникали в зависимости от количества и качества сырья в данной городской округе, т. е. от того, что производили прилегающие к городу села, от расположения местности, удобства ее для торговли.

Не следует ни преувеличивать, ни приуменьшать значение города изучаемого периода. В этом городе и вокруг него еще имелось крупное и мелкое феодальное землевладение, господарское, боярское, дворянское и монастырское, представленное городскими вотчинами, дворами и слободками феодалов-землевладельцев. Городские жители занимались ремеслами и торговлей, но не порывали связи с сельским хозяйством. Они занимались также скотоводством, огородничеством, садоводством, виноградарством и частично земледелием.

Начиная со второй половины XV века можно говорить о значительном оживлении городской жизни и оформлении городского сословия и городского строя.

Молдавские города развились на основе городов славянских, о чем свидетельствует самое их название, как например, Белгород, Черн. Яський торг, Романов торг, расположенный у

устья реки Молдавы, Немеч на Молдаве, Баня и другие. По своему этническому составу город этого времени, особенно в Северной и Южной Молдавии, был славянским.

Ко второй половине XV в. на территории Молдавского княжества можно насчитать до тридцати городов, при чем их численность неуклонно растет до тех пор, пока этот процесс не прерывается турецким нашествием.

Ранние феодальные города не всегда возникали на водных и сухопутных торговых путях. Такое размещение характерно для более позднего времени, когда города приспособляются к географическим условиям, к качеству и количеству местного сырья и т. д. В начале XV в. города были почти равномерно рассеяны по всей территории страны. Меньше всего их насчитывалось в треугольнике между реками Прут и Днестр, т. е. на территории современной Бессарабии. Здесь мы находим всего шесть городов: древнеславянские города Белгород (Аккерман), Килия, Сороки, а также Тигинь (Бендеры), Оргеев и Лапушна.

Названные пункты отделяла друг от друга обширная территория, на которой отсутствовали поселения городского типа или грады-крепости. Однако значение этих шести городов, и особенно Килии, Белгорода и Бендер, огромно.

Ранне-феодальные города были сосредоточены в основном на северо-западной и южной границах Молдавии. Густой вал городов-крепостей не случайно опоясывал Молдавию именно с этих сторон. Это объяснялось взаимоотношениями Молдавии с соседями: Валахией, Венгрией, Польшей и Турцией. Расположенные здесь города служили прекрасными бастионами против неприятельских вторжений, а также надежной защитой для населения.

С той стороны, где для Молдавии не было внешней угрозы, города-крепости почти отсутствовали. Рост городов как торгово-промышленных центров на этой территории выходил за рамки XV в., и они уже не имели военно-стратегического значения. Их роль совершенно иная, исключительно торгово-ремесленная.

Молдавские города во второй половине XV в. разделялись на два вида: города господарские и городские поселения на землях духовных и светских феодалов. Наибольшими правами пользовались города, непосредственно подчиненные господарю: Сучава, Яссы, Васлуй, Роман, Баков и другие. Они находились в привилегированном положении. Города же, возникшие на землях феодалов, располагали меньшими правами и в большей степени зависели от земельных собственников. Кроме того, наряду с городами, расположенными на господарских и частновладельческих вотчинах, появились поселения полугород-

ского, полусельского типа, так называемые местечки. Они возникали в результате развития товарных отношений, поэтому не имели укрепленных стен и с внешней стороны были скорее похожи на деревню, чем на город с городскими строениями. Так, на берегу Днестра возникло местечко Резина, которое во второй половине XV в. являлось вотчиной-селом и принадлежало писарю Фёдору¹. Расположенный на торговом пути, этот пункт был быстро вовлечен в орбиту товарообмена и перерос рамки села, превратившись в местечко и начав выполнять функции города как центра товарообмена. Таким же путем возникли города-местечки Кишинев², Ботошаны³ и другие, ставшие со временем важными центрами товарообмена. Город Яссы (Яський торг) также первоначально представлял собою деревню, принадлежавшую крупному феодалу из богатого рода Яшь⁴, а затем вырос в прекрасный город.

В жестокой борьбе горожан, поддерживавшихся господарем, с владельцами городских поселений вотчинного типа феодальный частновладельческий город постепенно превращался в господарский. Господарская власть распространялась на все большее количество городов, которые постепенно переходили в ведение господарского казначея. Ярким примером этому служит тот же город Яссы. Господарь овладел им, сделав его своей резиденцией, а затем Яссы стали столицей страны.

Познакомившись с основными причинами, вызвавшими строительство и рост городов и поселений городского типа, остановимся на географическом размещении молдавских городов второй половины XV века.

Среди городов, о которых говорят источники второй половины XV в., в первую очередь надо назвать город Сучаву⁵, расположенный на р. Сучаве, правом притоке р. Серет. Древний город был окружен каменными стенами и сторожевыми башнями. Еще теперь, спустя более чем шестьсот лет, сохранились руины сучавского кремля, которые говорят о былом военно-стратегическом значении этого города и его укреплений.

Молдавская государственность складывалась в недрах славянских государств: Киевской и Галицкой Руси. От них были унаследованы характерные черты управления и организации города.

Из Сучавы, столицы Молдавии, осуществлялось руководство всей страной. Сюда сходились все нити управления тридцатью

---

¹ I. B o g d a n, Documentele lui Stefan cel Mare, Vol. II, p. 70—72, Bucuresti, 1913.

² Documente, I, p. 116.

³ Там же, II, стр. 215.

⁴ N. I o r g a, Istoria lui Stefan cel Mare, p. 14, Bucuresti, 1904.

⁵ Documente, I, p. 18.

городами, из которых около семнадцати были волостными центрами. Вокруг городских стен Сучавы так же, как и других городов, развивался город-посад-търг, или торг.

На правом берегу р. Прут, в Буковине, еще в XIII в. был основан славянский город Черн (Черновицы)⁶, ставший затем транзитным пунктом, местом сбора первой пошлыны при входе в Молдавию.

На севере Бессарабии, на правом берегу Днестра, существовал древнейший город — крепость Хотин⁷, первоначально известный не столько как торгово-промышленный центр, сколько как крепость—убежище для населения, а также как бастион против польских вторжений в Молдавию. Хотин, окруженный рвами и высокими стенами, числился, по выражению Д. Кантемира, среди «величайших» городов Молдавии⁸.

На том же правом берегу Днестра был основан город Сороки⁹. Он был окружен четырехугольной каменной стеной, естественными каменными валами и искусственными рвами, одной стороной он прилегал к Днестру, который служил хорошей естественной защитой для города. Через Сороки проходила торговая дорога с северо-запада на восток. Это обстоятельство способствовало его быстрому росту.

Ниже по Днестру, на его правом берегу, еще с XIII в. существовала сильнейшая крепость — город Тигинь¹⁰ (Бендеры). И теперь еще можно видеть остатки его каменных стен. От города Бендеры находилась в зависимости почти вся южная часть Бессарабии — Буджак. Татары и турки придавали большое военно-стратегическое значение Бендерам, а также еще двум городам большой экономической, торговой и политической важности — Килии¹¹ и Белгороду¹², впоследствии переименованному турками в Аккерман.

В районе бывшей городской округи Бендеры—Тирасполь и поныне сохранились названия двух слободок, которые плотно прилегали к городу Бендеры, как бы прижавшись к городской стене. Эти посадские слободки именуются: Закрепостная Слободка, т. е. слободка за крепостью, и Кирпичная Слободка. Обе они стали впоследствии составными частями города. Остатки городской стены — земляной вал и ров — можно видеть и в настоящее время, проезжая по дороге Тирасполь—

---

⁶ Documente, II, p. 334.

⁷ Там же, II, стр. 274.

⁸ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, стр. 37, М., 1789.

⁹ Documente, II, p. 425.

¹⁰ Там же, стр. 273.

¹¹ Там же, II, стр. 96.

¹² Там же.

Бендеры. Очень хорошо видны также городские ворота при входе в Бендеры со стороны Тирасполя.

У устья Дуная был расположен известный древний портовый город Килия, а вблизи устья Днестра — город Белгород, занимавшие значительное место в торговле с генуэзскими факториями северного Причерноморья. Килия и Белгород играли огромную роль в экономической и политической жизни Молдавского государства, не имея по своему значению равных среди остальных молдавских городов. С ними могла соперничать только Сучава, как столица государства, которая и в экономическом и в политическом отношениях стояла выше других городов. Килия и Белгород были действительными «воротами» страны.

На правом берегу р. Бырлад стояли два древних, в прошлом галицких, города: Текуч¹³ и Бырлад¹⁴, — через которые проходила оживленная торговая дорога на портовой город Галац. А на р. Путна, на земле, находившейся в монастырском владении, вырос городок, носивший имя реки, — город Путна¹⁵.

В этом же районе был основан город-крепость Крачуна¹⁶. Небольшой городок Серет¹⁷ был расположен на правом берегу одноименной реки. На р. Тротуш, на торговом пути в Семиградье (Трансильвания), появился город Тротуш¹⁸. Вокруг него находились соляные промыслы, принадлежавшие господарю. Город начал быстро расти, к нему стекалось много людей, искавших пристанища. На правом берегу р. Быстрицы, находился город Баков¹⁹, одна из резиденций молдавских господарей. А немного выше, на левом берегу той же реки, была основана крепость и город Пятра²⁰, что означает в переводе на русский язык город-Камень, так он первоначально и назывался.

У устья реки Молдавы был расположен город Роман²¹, или Новоград, хорошо укрепленный, с большим торгом-посадом, достроенный молдавским господарем Романом в 1394 году. При Александре Добром (в 1408 г.) на р. Баглуе, впадающей в р. Прут, на месте ранее существовавшего Ясского торгового рынка вырос прекрасный, живописный и богатый памятниками древней культуры Молдавии город Яссы²², ставший резиденцией господарей, а затем и столицей Молдавии. На р. Лопушна,

---

¹³ Documente, II, p. 63.

¹⁴ Там же, стр. 279.

¹⁵ Там же, I, стр. 150.

¹⁶ N. I o r g a. Указ, соч., стр. 131.

¹⁷ Documente, I, p. 83.

¹⁸ Там же, II, стр. 274.

¹⁹ Там же, I, стр. 4.

²⁰ Там же, стр. 5.

²¹ Там же, стр. 342.

²² Там же, стр. 32.

в районе современного города Кишинева, был основан город Лапушна²³.

На р. Васлуй, у устья ее притока, был основан хорошо защищенный с трех сторон реками город Васлуй²⁴. Здесь 17 января 1475 г. произошло знаменитое сражение между турецкими и молдавскими войсками, отмеченное Марксом в «Хронстлогических выписках»²⁵. В междуречье Прут и Васлуй, напротив города Васлуй, расположился город Хушь²⁶, неукрепленный, открытый, как и другие населенные пункты, полугородского, полусельского типа. У истоков р. Баглуя, неподалеку от монастыря Побрата, существовал город Хырлов²⁷. В междуречье Быстрица и Прута, недалеко от небольшого городка Бая²⁸ (или, как он еще именуется в источниках второй половины XV в., град Бая), был расположен город-крепость Нямец²⁹, куда часто укрывались крупнейшие феодалы и господа. На р. Реуте (в Бессарабии) во второй половине XV в. стоял древнейший город Оргеев³⁰ (Орыга), по-молдавски именуемый Орхей. Город был известен своим торгом, на который из разных стран съезжались купцы для покупки крупного рогатого скота, особенно знаменитых оргеевских волов. На правом берегу р. Серет еще с конца XIII в. существовал город Аджуд³¹. В междуречье Прута и Серета был основан известный город Дорохой³². В источниках второй половины XV в. упоминается еще город Долгополье³³ (1411 г.), местечко Ботошаны³⁴, Кишинев и другие.

В городах находились основные монастыри Молдавии, здесь зародилась письменность, возникли первые очаги культуры, получили свое развитие живопись и архитектура. В монастырях появились и первые молдавские летописи на славянском языке, дошедшие до наших дней как исторические памятники древней культуры молдавского народа. Монастыри Путна, Воронец и другие сохранили нам эти ценные источники. В Яссах было положено начало славянской школе, которая готовила ученых людей страны. Здесь же, в Яссах, на основе славянской школы позже выросла греко-латинская духовная академия.

В городах концентрировались государственные и общественные учреждения. На поддержку городов опирался в своей политике Стефан Великий, группируя вокруг них свои вотчины. Города приносили доходы государству и, в частности господарю.

²³ Documente, II, p. 273.

²⁴ Там же, I, стр. 88.

²⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 203.

²⁶ Documente, p. 189.

²⁷ Там же, I, стр. 150.

²⁸ Там же, II, стр. 275.

²⁹ Там же, стр. 274.

³⁰ Там же, стр. 98.

³¹ Там же, стр. 274.

³² Там же.

³³ Там же, I, стр. 91.

³⁴ Там же, стр. 419.

Городские жители, подобно сельскому населению, не представляли собой однородной массы. Население молдавского города второй половины XV в. делилось на две основные группы: землевладельцев и городчан, или, как их именуют источники, месчан (от слова «мисто», место — город). К первой категории относятся люди не тяглые, пыркалабы — коменданты городов, наместники, дворники, воротники, городские старосты, городская стража, духовенство, служилые люди и лица местной администрации. По своему экономическому и политическому положению в феодальном обществе, по своему отношению к средствам производства все названные разряды населения принадлежали к господствующему феодальному классу. Землевладельцы жили в своих собственных дворах и не платили господам никакого оброка.

Городчане в большинстве случаев не владели землей ни в самом городе, ни за его пределами. Основной источник их существования заключался не в земельной собственности, а в личном труде. Это ремесленники разных профессий, «черный» люд и другие. Часть городчан составляли люди тяглые, платившие оброк господам, а если они сидели на землях феодалов, то и землевладельцам. К категории городчан можно отнести торговых людей, местных и иностранных купцов. Постепенно выкристаллизовывалась верхушка торгово-ремесленного населения городов, ставшая одним из привилегированных феодальных сословий средневековья. Указанный процесс социального расслоения торгово-ремесленного населения сопровождался жестокой классовой борьбой.

Источники второй половины XV в. четко проводят грань между городом и деревней. С одной стороны, они говорят о селе³⁵, с другой стороны, в них фигурируют город³⁶, град³⁷, место³⁸, мисто³⁹, торг⁴⁰, замок⁴¹. Такая же грань устанавливается между сельским и городским населением. С одной стороны, в источниках упоминаются резеши, «люди», межиаши, соседи и холопы. С другой стороны, встречаются «мешчане»⁴², «месчане»⁴³, «мистичи»⁴⁴, «бюргеры»⁴⁵ и т. д. Приведенные термины, которые все чаще начинают появляться в источниках, целиком и полностью соответствуют по своему внутреннему содержанию западно-европейскому понятию «бюргер», «буржуа» в отличие от деревенского жителя.

³⁵ Documente, I, p. 95.

³⁶ Там же, стр. 14.

³⁷ Там же, стр. 95.

³⁸ Там же, II, стр. 63.

³⁹ Там же, стр. 276.

⁴⁰ Там же, стр. 261.

⁴¹ Там же, стр. 413.

⁴² Там же, стр. 63.

⁴³ Там же, стр. 154.

⁴⁴ Там же, I, стр. 10.

⁴⁵ Там же, II, стр. 272.

Таким образом, при сохранении феодальных производственных отношений, в условиях господства натурального хозяйства, в недрах феодального способа производства зарождаются ростки будущего капиталистического общества.

«Іоти истиннии шолтузове и паргарове (представители городской администрации — Ф. Г.) и оуси наши мешчане от места от Брълад и пак оуси оубогии люди от оусих сель що к тому месту прислухают (и що) по хотар (межа, граница — Ф. Г.) осажении соут»⁴⁶, — говорится в одном источнике, датированном 1495 годом. Здесь ясно различаются город и деревня, городское и сельское население. В тарханной грамоте от 12 апреля 1458 г. отмечается, что часть горожан — «мистич» состоит из тяглых людей, которые должны нести повинности и платить оброк в пользу господаря. «Тоты люди, — говорится в этом источнике, — ис тех сел да не имают ни мыто от их тръговли платити, ни от рибу, ни от капуста. А також варе колико люди слушають къ митрополию, да не имает их судити ни шолтузы (бургомистр, префект — Ф. Г.), ани пръгаре (члены городского совета — Ф. Г.) ни глоб (штраф. — Ф. Г.) брати ис них, ни радци тръговских, ни за сваду (ссору — Ф. Г.), ани мытници щоби им мыто не узяли; ни дан да не дадут, съ иними мистичи (горожанами — Ф. Г.) ни подводу, ни на млинох (мельниц — Ф. Г.) наших да не робят»⁴⁷.

Господарь Стефан Великий, издавая ту или иную грамоту или торговый привилегий для сельских и городских жителей, не смотрел на все население как на однородную массу. Так, в торговом привилегии 1472 г. читаем: «шолтоузомъ и пръгарем и въсем орошаном (горожанам — Ф. Г.) и въсем купцемъ, отголемии до малый»⁴⁸.

В договоре, заключенном между Стефаном Великим и польским королем Альбрехтом, о духовных лицах и светских феодалах говорилось как о горожанах, поскольку они жили в городе. Однако они не порывали связи с своими вотчинами, в которых работало несвободное крестьянство.

«Мы Георгие архиепископъ Сучавский и земли молдавской, Василие епископъ Долнеи епискупии Романова тръга, Иоаникие епископъ Радовской епискупии, Ион Тъоутул логофет (канцлер — Ф. Г.), Дума Влаикоулович паркалаб (комендант крепости — Ф. Г.), Болдор дворник, Хръман паркалаб, Штефоул пръкалаб, Дума Брудур паркалаб, Тоадер и Негрил старости хотинский, Еремия и Драгоше паркалабове немецкий, Шандру пръкалаб новоградский, Лоука Арбоуре соулавский, Ион Грумаз староста черновский, Иванко и Алекса пръкалаби орхейский, Косте паркалаб сороцкий,

⁴⁶ Documente, II, p. 62—63.

⁴⁷ Там же, I, стр. 10.

⁴⁸ Там же, II, стр. 315.

Кълъну спътар (меченосец — Ф. Г.) Исак вистерник (казначей — Ф. Г.). Думша постелник (камердинер — Ф. Г.), Могила чашник, Ион Фрунтеш столник, Петрика комис (конящий — Ф. Г.) ... с прядреченым велможным Ио Стефаном боеводою»⁴⁹. Таковы были те основные руководящие городские должности, которые занимали представители высшего духовенства и светские феодалы. Весь этот служебный и административный персонал относился к господствующему классу землевладельцев, к верхушке общества. Все они жили в городах и управляли оттуда своими вотчинами, держа в полном повиновении сельское население.

Таким образом, из приведенных источников видно, что городское население по своему социально-экономическому и политическому положению было довольно пестрым. С одной стороны, мы встречаем в городах крупнейших светских и духовных феодалов, служилых людей, местную администрацию, с другой стороны, — городчан: купцов разных калибров, ремесленников, тяглых людей, которые платят оброк и дань, «убогих людей», которые не порвали еще связи со своим хозяйством или же продали свои крохотные участки и стали свободными от средств производства. Вся эта вторая категория городчан образует посадский люд и не относится к классу землевладельцев. Так шел процесс классового расслоения в среде самого городского бюргерства на торгово-ремесленные верхи и низы — плебс.

По своему этническому составу жители города, как и страны в целом, не представляли единства. Основными жителями городов в XV в. были молдаване. Но кроме них в городах жили русские, украинцы, поляки, армяне, венгры, итальянцы, греки, цыгане, татары и другие. Первое место среди них занимали славяне, которые являлись древнейшими обитателями страны.

Число жителей отдельных городов в связи с общей неразработанностью истории молдавского города пока не установлено.

Города становились центрами местных рынков, между которыми под влиянием внутренней и внешней торговли стали устанавливаться известные экономические связи. Однако при господстве натурального хозяйства внутренний обмен был еще незначительным. Он был связан с такими городскими центрами, как Сучава, Килия, Белгород, Васлуй, Роман, Бакков, Оргеев. Города являлись и центрами внешней транзитной торговли, находившейся, главным образом, в руках иностранных купцов — поляков, итальянцев, армян и других. Внешняя торговля была оживленной уже при Александре Добром, еще более она увеличилась при Стефане Великом. Центром ее

---

⁴⁹ Documente, II, p. 425.

являлся город Сучава, расположенный на перекрестке торговых путей и тесно связанный с рынками иностранных государств.

Как было отмечено выше, Александр Добрый и Стефан Великий расширили свои владения в направлении приморья. Это способствовало развитию внутренней и внешней торговли, общему оживлению хозяйственной жизни в Молдавии и привело к еще большему экономическому и политическому усилению молдавских феодалов-землевладельцев, принимавших активное участие во внутренней и внешней торговле. Светские и духовные феодалы, нуждавшиеся в деньгах, выносили на рынки излишки сельскохозяйственных продуктов. Товарно-денежные отношения, хотя и очень медленно, стали проникать в экономику страны.

На внутреннем рынке не было недостатка в продуктах сельского хозяйства, животноводства, садоводства, виноградарства и огородничества. На торгах Молдавии, согласно данным источников, фигурировали товары трех видов: во-первых, продукты питания — хлеб⁵⁰ (пшеница, жито), мед, рыба, мясо, масло, капуста, яблоки; во-вторых, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лошади; особую группу товаров составляли куницы, лисы, белки и т. п.; в-третьих, продукты ремесленного производства — плужные лемехи, косы, серпы, ножи, шапки, верхнее платье, выделанные и сырые шкуры, веревки, шерсть, гончарные и деревянные изделия.

В жалованной тарханной и несудимой грамоте от 13 марта 1466 г., на пять лет освобождавшей жителей села Негоешты от пошлин, содержатся указания на связь крестьян с рынком и на обращавшиеся в товары сельскохозяйственные продукты и ремесленные изделия. «А кто усхочет... мито от них (несвободных крестьян — Ф. Г.) брати от оусего их товару: или от риба свижая или от мажи (возок — Ф. Г.) соленой или от соли или от соукно или от платно или от железо или от плавь (паром — Ф. Г.), или от горнищи, или от древенном соудинам или от капоуста или от яблок или пак от воску или от присною меду, коли имути продавати, или боуд що имути продавати, или пак где боудут коуповати, или живых товаръ или мертвых; или воли или яловици или барановъ или кони или кобили, или... звири: или коуници или билици... имъ ничто да не заборонено, и без мито...»⁵¹.

В орбиту товарообмена постепенно вовлекались светские и духовные феодалы, желавшие увеличить доходность своего феодального хозяйства. Они обращались к внутреннему и внешнему рынкам в качестве продавцов излишков сельско-

⁵⁰ Documente, I, p. 159, 143; II, 275, 369; I, 96, 11, 262, 272—276, 368, 468, 274, I, 96.

⁵¹ Там же, I, стр. 96.

хозяйственных продуктов, рыбы, скота, меда и др., а также в качестве покупателей промышленных товаров.

В тарханной грамоте, данной духовному феодалу Феоктисту, говорится: если «кого он (Феоктист — Ф. Г.) пошлет от слуг монастырских или от брати з монастыре с потребами монастырскими до Келии, или житомъ, или медомъ или по рибу, или пак буд ис чимъ, а мито да не имають платити»⁵². Как видим, настоятель монастыря выступает здесь в роли торговца хлебными злаками, продуктами пчеловодства и т. п. «Свободно и добровольно послати, — читаем в другой аналогичной грамоте. Немецкому монастырю, — свои три мажи по рибу, или до Келию, или до Озерах, или до Белограда, или на Днистра, или буд на которую сторону по нашей земли... имуть що продавати, или куповати...»⁵³.

Одним из наиболее крупных торговых людей в рассматриваемое время, как видно из источников, был сам господарь Стефан Великий. Пользуясь всевозможными привилегиями, он сделался активным участником внутренней и внешней торговли. Господарь являлся монополистом в торговле красной рыбой, воском и племенными лошадьми. Стефан Великий почти ежемесячно посылал в Польшу по несколько возов рыбы⁵⁴. В торговом привилегии 1466 г. господарь, обращаясь к львовским купцам, говорил, что за воск и рыбу они будут расплачиваться с ним лично⁵⁵. В документе, датированном 1500 г., указывается, что Стефан Великий «со своим товаром» послал в город Брашов своего меченосца «для продажи и купли необходимых вещей»⁵⁶.

Известны также крупнейшие местные купцы-профессионалы, которые занимались торговлей и жили исключительно на доходы от неё. Это Мирча, Гавриил, Андрика, Козма, Игнатий, Костя, Еремия, Микул, Доброта и другие⁵⁷. Большинство из них производили торговые операции со скотом. Один из купцов, например, продал в 1463 г. оптом 60 тыс. баранов⁵⁸. Часть перечисленных купцов занималась перепродажей товаров, становясь посредниками между иностранными торговцами и местными потребителями. Таков некий Андрейка, о котором говорится в документах, что он имел для продажи 3000 ножей, 1000 кусков стали, 424 куска красильного вещества, 86 поясов, большое количество пряностей. То же самое рассказывается о Драгане, который жил в Сучаве и торговал коврами и

---

⁵² Documente, I, p. 159.

⁵³ Там же, стр. 143.

⁵⁴ I. Ursu, Ștefan cel Mare, București, 1925, p. 386.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Documente, II, p. 468.

⁵⁷ I. Ursu, Указ. соч., стр. 388.

⁵⁸ Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria Romanilor, cu- lese dela București, 1893, vol. IV, p. 36.

пальто (из тканой шерсти в виде шинели); о Мартине, торговавшем саблями (кортами), перцем, красильным веществом, хлопком, рисом. Как крупный перекупщик и торговец коврами, красильным веществом и перцем⁵⁹ был известен Васько.

В целях развития торговли Александр Добрый и Стефан Великий приглашали в Молдавию искусных купцов, специалистов по торговым делам. Так Александр пригласил из Армении и поселил в Молдавии триста семейств армянских купцов, которые считались лучшими торговцами⁶⁰.

Молдавия, будучи транзитной страной между Востоком и Западом, служила прекрасным рынком сбыта и товарообмена. Здесь иностранные купцы продавали свои ремесленно-промышленные товары; в Молдавии же они находили дешевое сырье, огромные количества продуктов сельского хозяйства.

Исключительное значение в экономическом и политическом развитии Молдавского государства имели портовые города Килия и Белгород, которые служили главными центрами экспорта товаров. Через эти порты вывозились на Восток пшеница, ячмень, овес. Недаром Молдавия считалась «житницей» Востока и Италии.

Молдавское княжество поддерживало торговые связи с городами целого ряда государств, например, Каффой, Очаковым, Таной, Генуей, с богатыми факториями северного Причерноморья. В Молдавию приезжали со своими промышленными товарами и пряностями купцы из восточных стран: Китая, Тибета, Туркестана и Индии⁶¹. Отсюда они вывозили скот, продукты животноводства и земледелия, а также промышленные изделия, которые доставлялись на рынки Молдавии купцами более развитых в промышленном отношении стран.

Но особенно оживленная торговля велась с такими торгово-промышленными центрами, как Львов, Краков, Брашов. Это было обусловлено турецкими завоеваниями, в результате которых центр торговли переместился на север и северо-запад, восточные же торговые связи были парализованы и начали постепенно замирать. Классики марксизма указывали, что господство турок представляло собой «серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова»⁶².

Центрами товарообмена, как указывалось выше, были и портовые города Килия и Белгород. Ведущая роль этих транзитных пунктов определялась в известной мере их географиче-

---

⁵⁹ I. Ursu. Указ. соч., стр. 388.

⁶⁰ А. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, Одесса, 1876, ч. I—II, стр. 108—109.

⁶¹ А. Накко, Указ. соч., стр. 173.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 374.

ским положением — близостью к Черному морю, а также богатством окружающих районов (рыбные промыслы на реках Дунай и Днестре, добыча соли у г. Тротуша и в соляных озерах Днестровского лимана). Килия и Белгород были связаны оживленной внешней торговлей с известным городом Галицкой Руси—Львовом. Львовские купцы совершали поездки в Белгород на Черном море, близ устья р. Днестра, а оттуда направлялись морем в Каффу, которая являлась невольничьим рынком.

Через Брашов и в особенности Львов молдавские купцы были втянуты в средневропейскую торговлю. Они, как и львовские купцы, бывали на ярмарках Торна, Гданска, Кракова, Познани, Брацлава и Нюрнберга. Но по сравнению с теми масштабами, какие приняла торговля Молдавии с генуэзскими факториями северного Причерноморья, и особенно с такими экономическими центрами, как Львов, Брашов, Сибин и другие, обороты по средневропейской торговле имели для молдавского купечества второстепенное значение.

Забываясь о развитии внешней торговли, Стефан Великий заключал торговые договоры с Польшей (в Оверхелеуце 1459 г.), Венгрией (1472—1473 г.) и прочими странами, давал привилегии львовским, брашовским и другим купцам и подтверждал торговые привилегии иностранного купечества, выданные его предшественниками, в частности Александром Добрым (1408 г.). Эти торговые договоры и привилегии служат ценным источником, на основании которого можно судить о размерах товарооборота, интенсивности торговли и характере торговых связей Молдавии с различными странами. Самым богатым и интересным по своему содержанию является торговый привилегий, данный львовским купцам в 1460 году. Здесь перечислены все основные молдавские города, здесь нашли свое количественное и качественное отражение товары, выбрасывавшиеся на рынок сбыта. В этом привилегии указываются главные торговые пути, проходившие через Молдавию. Наконец, здесь имеются указания на пошлины, цены на товары, обращавшиеся в то время деньги, единицы измерения.

Права иностранных купцов охранялись государственной властью. Им разрешалось беспрепятственное передвижение по всей стране. Проявляя по отношению к ним особую заботу, господа выделяли специальную стражу для сопровождения их торговых караванов. Этим правом свободного передвижения по стране и охраны своих товаров купцы пользовались, как явствует из источников, еще при Александре Добром. Купцы должны были только платить известные пошлины, которые точно устанавливались в торговых привилегиях. «Лишили их (львовских бюргеров — Ф. Г.) на том праве и подтвердили есмо им того права, как мают ходити по нашей земли, — говорит Стефан Великий, — их коупци слободно и доброволь-

но и которым обычаемъ имають мыта платити от своего товара»⁶³. Далее привилегий перечисляет виды товаров и указывает конкретно размеры и характер пошлин, а также называет основные товарохранилища — склады. «Поченши где есть головное мыто, на складе оу Сочаве, от соукна от гривноу три гроши, а от крамных речеи (мелкие изделия — Ф. Г.), що соут розмаити (вынесут продавать — Ф. Г.) речи, поченши (начатое — Ф. Г.), полотно литовское и кросенское и моудрое, и от бархату, и от початого соукна, и от ногавици (штаны — Ф. Г.) и от харса (полотно Ф. Г.), и от ножи, и от коси, и от серпи, циновии (цинковые — Ф. Г.) речи, миси, конвици, пояси, покочини (кованые — Ф. Г.), циквы (стволы — Ф. Г.), шафрон, шапки, плоужная желиза, корди (венгерские сабли — Ф. Г.) мечи, и от иншии речи дробних щож ко крамоу слоухають, а от того от оусего щобы платили оу Серети мыто от гривноу три гроши»⁶⁴. Так торговый привилегий определял круг ремесленных товаров, которые продавались на рынках Молдавии. Эти товары, составлявшие важную статью импорта, высоко ценились в стране, и спрос на них был достаточно велик, так как они производились в Молдавии в недостаточном количестве. Львовские купцы могли здесь купить «заморские» товары, а также местное сырьё, скот, продукты и т. п. «А коли имоут коупити, — гласит далее этот источник, — татарскыи товаръ или заморскыи оу Сочаве: или шолку, и перецъ, и камхи (ткань — Ф. Г.) и тебенкы (шёлк особого качества — Ф. Г.) и темиянъ (ладан — Ф. Г.) или грецкы кфас, или инбир, или перецъ, а они абы платили от гривноу три гроши мыто»⁶⁵. Здесь названы товары, принадлежавшие купечеству Востока, которое продавало их на молдавских рынках львовским купцам.

Несомненно, большая часть этих товаров находила себе потребителей внутри самой Молдавии.

Согласно данным источников, большой спрос у иностранных купцов имели местные молдавские товары. К их числу относятся продукты сельского хозяйства: земледелия, животноводства, виноградарства, садоводства, пчеловодства, огородничества, скот (всех видов), всевозможное сырьё, — словом, все дары богатой плодородной земли, добытые трудом непосредственного производителя — крестьянства. Труд этот находил свое воплощение в предметах, фигурировавших на внутреннем и внешнем рынках, но результатами этого труда пользовались феодалы-землевладельцы, а также купцы, наживавшие большие богатства на торговле.

Ряд стран — Польша, Венгрия, Подолия, Галицкая Русь —

---

⁶³ Там же, II, стр. 273.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

не вывозил хлеба из Молдавии, наоборот, они сами отправляли свою пшеницу по Днестру в Килию и Белгород, а оттуда на остров Кипр, в Геную, Венецию и Константинополь. Поскольку эти страны не были заинтересованы в экспорте хлеба из Молдавии, постольку этот товар исключался из торговых привилегий, которые давались купцам указанных стран, в частности венгерским и львовским. Зато названные выше купцы вывозили из Молдавии другие товары, особенно сырье, и наживали большие суммы денег на перепродаже предметов молдавского вывоза на своих внутренних рынках.

О том, какие именно товары экспортировались Молдавией, какого качества и в каком количестве, говорит хотя бы привилегий от 3 июля 1460 года. «А кто идет до Львова, на головном мыте оу Сочаве от скотыны 1 грош, от десят свини 1 грош, а от десят овец еще один грош, а от коня или от кобылоу по шести гроши, а от сто билиць (пушной зверь — Ф. Г.) один грош, от сто лисици 10 грош, от сто овчин соранных (сырых — Ф. Г.) четыре гроши, от сто кожи ягнячии два гроши, от сто кож скотых 15 гроши,.. от сто овец оу Сочаве шестдесят гроши»⁶⁶.

Таким образом, главным предметом экспорта в Польшу, Венгрию и другие соседние страны были продукты животноводства, а также сырье, которое там перерабатывалось, а затем в переработанном виде частично опять попадало в Молдавию. Таким образом, непрерывно функционировал внутренний рынок и его емкость расширялась. Это подтверждают следующие выдержки из источника: «а на перевозки от воза, или от немецких или орменских (армянских — Ф. Г.), по четири гроши, але коли имоут возыты поромом; а коли будет лед или имоут ходити оу брод; тогди перевоза ни гроша да не дадоут»⁶⁷.

Кроме постоянно действовавших рынков («торгов»), в Молдавии два раза в год открывались ярмарки, на которые съезжались купцы из большего количества стран, чем на обычные рынки.

В молдавских городах размещались склады — товарохранилища иностранных купцов. Главные склады были расположены в городе Сучаве. Отсюда товары распределялись по всей территории Молдавии и за ее пределы. «На складе оу Сучаве»⁶⁸, — говорит господарь Стефан Великий, отмечая торговое значение города Сучавы. Кроме того, иностранные купцы, как свидетельствуют источники, имели свои дома и постоянные дворы, где они останавливались или постоянно жили. Об этом говорит хотя бы следующая выдержка из источника: «А еше есми дали Ливовчаном абы держали собы один

⁶⁶ Documente, II, p. 273.

⁶⁷ Там же, стр. 275.

⁶⁸ Там же, стр. 273.

дом торговским обычаемъ оу Сучаве»⁶⁹, предоставление товарохранилища купцам стало уже «торговским обычаем».

Большое место в торговых связях Молдавии занимала Трансильвания с ее знаменитыми для тех времен торгово-ремесленными центрами Сибин и Брашов. Стефан Великий всячески поощрял польских и трансильванских купцов, давая им разные привилегии, так как они снабжали его оружием и другими ценными для господаря и страны товарами. «Оусим людем и оусим купцем, на то да имают от нас тот закон и тое право що имали от нашего дида от Александра воеводы, — говорил Стефан Великий, утверждая старые привилегии брашовским купцам, — коли до нашей земли приидут съ торговлею, щобы доброволно имъ приити до нашей земли съ своею торговлею... и по градом и по тръгом, продавати свою торговлю, и сукна и платно и бобов... И щобы они волни были купити собе и вол и коров и пакъ що купили»⁷⁰.

Брашовским купцам Молдавия продавала продукты животноводства, скот, сырье и т. д., а покупала кустарно-промышленные изделия и вооружение, в котором крайне нуждалась. «И по сем прошу твоя милость, — писал Стефан Великий брашовскому бургомистру в 1470 г., — яко нашего приятеле, аби еси лишил слуга наша Михаю мештер (мастер — Ф. Г.) аби пришел до нас съ мечи и съ оръжие...»⁷¹. Брашов являлся основным поставщиком вооружения и других металлических изделий, а также сукон, полотна и т. п. «Милый и ласковый приятелеве, — говорил молдавский господарь, обращаясь с письмом к брашовским городским вельможам, — ведаите ваша милость аже там до вашей милости послали есми нашего верного боярина, пана Тотрушана... с нашим товаром, аби там нам купил що ест нам потреба... где стримени (стремена от седел — Ф. Г.), где оръжие, где поворози (веревки — Ф. Г.), как он вамъ узъвелит»⁷².

В другом источнике находим разрешение «въсем орошаномъ (горожанам — Ф. Г.) и въсем купцемъ, от големии до малыи, от Брашова... слободно и добровольно ись въсеми своими торговлеми»⁷³ беспрепятственно и без всякой заботы ходить по торгам и селам, ибо господарь обеспечивает их спокойствие и благополучную доставку их товаров до места назначения по всей территории страны. Брашовские купцы имели так же, как и львовские, в городах Молдавии свои склады товаров, сохранность которых была обеспечена государственной властью.

---

⁶⁹ Documente, II, p. 276.

⁷⁰ Там же, стр. 261—262.

⁷¹ Там же, стр. 337.

⁷² Там же, стр. 315.

⁷³ Там же, стр. 468.

Таким образом, Молдавское княжество сделалось важной торговой перевалочной базой и рынком товарообмена для иностранных государств. От этой торговли страна получала большие экономические выгоды, способствовавшие ее экономическому росту и обогащению представителей господствующего класса — бояр, а также купечества.

Источники указывают на наличие торгово-экономических и политических связей Молдавии со следующими центрами: Москвой, Галичем, Киевом, Львовом, Брацлавом, Каменцем, Коломией, Корецом, Краковом, Добровицей, Гродно, Люблином, Могилевом, Пинском, Вельницей, Вильно, Смоленском, затем Браилой, Галацем, Тырговиштем (Валашские города), Каффой, Монгопом (Крымом), Венецией, Будой (столица Венгрии), Прагой и другими⁷⁴. Поэтому на рынках Молдавии можно было встретить купцов из разных стран: русских, украинских, польских, чешских, сасских, венгерских, немецких, еврейских, валашских, итальянских, татарских, турецких, греческих, армянских. Однако торговые связи Молдавии с перечисленными городами были далеко не одинаково прочными. Они зависели от взаимоотношений Молдавии с иностранными державами, от пространства, которое отделяло Молдавию от этих стран, и от ряда других причин экономического и политического характера.

Лучшим источником для определения торговых путей, шедших через территорию Молдавии, изучения пошлин, денежной системы и других вопросов, связанных с городской торгово-ремесленной деятельностью, являются торговые привилегии местных и иностранных купцам, выданные молдавскими господарями. Из этих источников видно, как образовался новый крупный международный торговый путь, шедший к побережью Черного моря через Львов—Черновицы—Сучаву—Яссы—Белгород⁷⁵.

Молдавский господарь Стефан Великий старался упрочить значение этого международного пути. Поэтому он специально снижал пошлины или совсем освобождал от них купцов, направлявшихся через Молдавию к портовым городам — Белгороду или Килии. «А того мыто татарское, що было оустановлено оу Былом городе, а мы того мыто Ливовчаном отпустили, абы не давали ни пинеза, хоте от тысяча коп»⁷⁶, — говорил Стефан Великий, поощряя торговые отношения Молдавии с львовскими купцами.

Торговый путь, о котором идет речь, довольно точно устанавливается хотя бы по торговому привилегии от 3 июля 1460 года. В последнем говорится: «А кто идет до татарской

⁷⁴ Documente, II, p.p. 365, 381, 394, 466, 458 и др.

⁷⁵ Там же, II, стр. 273.

⁷⁶ Там же, стр. 274—275.

стороны, от дванадесят кантари (весы — Ф. Г.) що се важит оу Сочаве один рубли серебра, оу Яском тръгу 30 гроши, а оу Лапоушном 30 грош, а оу Билом городе пол рубли серебра»⁷⁷. На Белгороде документ приостанавливает перечисление пошлин и переходит к другой теме. Таким образом, Львов—Черновицы—Сучава—Яссы—Белгород — это основной тракт, шедший через Молдавию и приносивший большой доход государственной казне.

Второй торговый путь лежал через города: Львов—Черновицы—Сучава—Роман — Баков, Аджуд — Путна — Васлуй — Бырлад—Текуч. Он определяется на основе того же интересного и содержательного торгового привилегия 1460 года. «А кто повезет соукно до Басараб, дати имет на головном мыте оу Сочаве от гривноу три гроши, а оу Романова тръгоу и оу Бакове и оу Ажуда и оу Поутною и оу Васлоуи и оу Берладе и оу Текоучи от воза 2 злати»⁷⁸.

Третий торговый путь шел от Хотина по Днестру до Белгорода⁷⁹. По нему сплавлялась пшеница из Польши, Галиции, Венгрии, Подолии, Молдавии, Украины в молдавские портовые города Килию и Белгород, откуда через посредничество генуэзцев хлеб и другие товары поступали в восточные страны.

В Трансильванию к знаменитым торгово-ремесленным центрам Сибин и Брашов можно было попасть двумя путями: первый шел от Сучавы к Долгополю и Родне, а оттуда на Быстрицу, второй лежал от Сучавы по направлению Баи, а затем на Немец и Быстрицу⁸⁰. Впоследствии образовался еще один торговый тракт взамен «молдавского пути», потерявшего свое международное торговое значение. Он проходил через Васлуй, Бырлад, Текуч, Галац, Исака, Бабадаг, вдоль побережья Черного моря, к Константинополю. Образование последнего торгового пути относится к концу XV в. (после 1484 г.) и связано с турецкими завоеваниями на северном побережье Черного моря.

Остановимся кратко на торговых пошлинах и на денежной системе Молдавии второй половины XV века. Пошлины с купцов взимались мытниками не только при въезде и выезде с товарами из Молдавии, но и во всех торговых центрах страны, даже в селах. Это были пошлины за пользование рынками, дорогами, мостами, перевозами. Все названные доходы шли в пользу господаря, которому нужны были средства для содержания обширного административно-управленческого аппарата, а также для собственного хозяйства.

Торговые пошлины устанавливались по усмотрению господаря: одних купцов он мог поощрять, другие, напротив, не

⁷⁷ Documente, II, p. 273.

⁷⁸ Там же, стр. 274.

⁷⁹ Там же, стр. 374—375.

⁸⁰ Там же, стр. 374.

имели никаких привилегий. Крестьяне, за очень редкими исключениями, совсем не пользовались льготами. Правда, крестьяне того или другого землевладельца могли быть освобождены тарханной грамотой от пошлин, но фактически освобождение это касалось не их, а их хозяина-землевладельца, который хотел выжать как можно больше доходов из населения своих вотчин. Свободные же крестьяне-резеши, выступавшие на рынке со своими товарами, все без исключения облагались пошлинами.

Единицы обложения были разные. Пошлины выплачивались: во-первых, со стоимости товара, во-вторых, с его веса и, в-третьих, с единицы счета. В том случае, когда пошлины взимались со стоимости товара, единицей измерения считалась гривна (основная весовая и денежная единица). Это ясно видно из торгового привилегия 1460 г., в котором говорится, что в Сучаве при сборе великой пошлины с сукна собиралось три гроша с гривны. Пошлина второго вида взималась с веса товара. Например, за двенадцать весовых единиц львовские купцы должны были уплачивать один рубль серебром. Торговый привилегий отчетливо различает вес и стоимость товаров. «Оу Сочаве от 12 кантари (весовая единица — Ф. Г.) що имоут ся важити 1 рубль серебра»⁸¹, а «кто повезеть соукно.. от гривноу три гроши»⁸². Наиболее распространенной была пошлина со штучного товара. Она взималась с поголовья скота или со шкур всех видов. В торговом привилегии говорится, что в Сучаве с каждой единицы крупного рогатого скота поступает в качестве пошлины 1 грош, за десять овец или свиней взыскивается 6 грошей, за одну лошадь — 6 грошей, за сто беличьих шкурок — 1 грош, за сто лисьих шкурок — 10 грошей, за сто овчин — 4 гроша, за сто смушек — 2 гроша, за сто шкур крупного рогатого скота — 15 грошей и т. д.⁸³.

«Великая пошлина» или, как она еще называлась по месту ее сбора — сучавская, уплачивалась большей частью в Сучаве, но иногда купцы могли платить ее в том городе, где останавливались для продажи своего товара. Это видно из грамоты от 23 апреля 1460 г., представлявшей собой пожалование господарем пошлины города Бакова духовному феодалу Евстратию. «Евстратие, мыто великое и малое и перепис от Бакова, — дали. — такожде и мыто от Тазлова... Що за купци, и буд от коле, приидут имут складати свои товарь у Бакове, а они (монахи — Ф. Г.) с них да возьмут великое мыто от гривны»⁸⁴. Приведенный документ указывает, что «великая» пошлина взималась в виде исключения и на местах: «а товарь що проминет, а они да берут от воза как право»⁸⁵. Крестьяне, выносившие свой товар

⁸¹ Documente, II, p. 274.

⁸² Там же, стр. 274.

⁸³ См. там же, стр. 273.

⁸⁴ Там же, I, стр. 37.

⁸⁵ Там же.

на рынок, иногда платили пошлины натурой. Это свидетельствует о недостаточном еще обращении денег в стране: «которые боудут возити рибу, он (крестьянин — Ф. Г.) абы давал от едну мажу едну рибу,—говорится в тарханной грамоте 1495 г.,—а от един возок також едну рибу...»⁸⁶. Подобные указания мы находим и в других аналогичных источниках⁸⁷.

Из рассмотренных нами материалов выясняется, что в Молдавии существовали торговые пошлины двух видов: «великая» и «малая». «Великая» пошлина взималась только один раз, как правило (знавшее, правда, исключения), в городе Сучаве и в основном со стоимости товара. «Поченши где есть головное мыто, на складе оу Сочаве, от соукна от гривноу три гроши»⁸⁸, — говорится в торговом привилегии 1460 года. Таким образом, пошлина составляла три процента со стоимости товара. Иногда название «великая пошлина» заменяется в источниках словом «сучавская», однако совершенно ясно видно, что в этих случаях речь идет именно о «великой» пошлине, которая собиралась обычно в Сучаве. «А Сочавское мыто нигдеъ да не платетъ лише оу Сочаве, хоте бы за морем ходили»⁸⁹. Таким образом, после уплаты «великой», или сучавской, пошлины, как отмечают источники, купцы могли идти хоть за море. Но впереди их еще ждала «малая» пошлина. «Малая» пошлина взималась за транзит в разных городах, расположенных на торговых путях. Почти все города Молдавии оказались в сфере торговых путей, поэтому «малая» пошлина приносила государству значительные доходы. Она собиралась со стоимости товара, с его веса и единицы счета. Это определенно устанавливается торговыми договорами и привилегиями.

Если купцы направлялись со своими товарами в сторону Черного моря, они должны были, кроме «великой», или сучавской, пошлины, платить «малую» транзитную пошлину в Яссах, Лапушне, Бендерах, Белгороде. Транзитные города довольно точно определяются в источниках, в особенности в торговом привилегии, данном львовским купцам 3 июля 1460 года. В этих источниках фигурируют следующие транзитные пункты, в которых собиралась «малая» пошлина: Роман, Баков, Аджуд, Путна, Васлуй, Бырлад, Текучь, Бая, Молдовица, Тротуш, Серет, Черновицы, Дорохой, Хотин и Тазлов. Таким образом, наличие большого количества развитых транзитных городов сделало Молдавию прекрасным рынком товарообмена между Востоком и Западом.

Пошлины платились также за пользование рынками, дорогами, мостами, перевозами (переправами). «А оу Чернов-

⁸⁶ Documente, II, p. 64.

⁸⁷ Там же, стр. 482.

⁸⁸ Там же, стр. 273.

⁸⁹ Там же, стр. 262.

ци от фоурманского воза мыто четири гроши, а от орменского воза шесть гроши, — и далее, — а на перевозки от воза, или от немецких или орменских, по четири гроши, але коли змоут возыты поромом»⁹⁰, — так говорится в привилегии 1460 года. Пошлины вносили в казну и местные жители, и иностранцы, однако, некоторым купцам, в особенности иностранным торговцам, и монастырям, в виде исключения давались льготы. Тарханная грамота 1457 г., с одной стороны, говорит, что все население территории Молдавии, независимо от подданства, при обращении к рынку, должно было облагаться сборами, а с другой, — что от них освобождались призигированные купцы и представители господствующего класса землевладельцев. Более того, часть пошлин могла быть пожалована кому-либо по усмотрению господаря. «Даем и подтверждаем, — говорил Стефан Великий в 1457 г., — сим нашим листом даание дида нашего... Александра... мито от Баковского тръга и от Тазлове, и камены воскоу от Баковского тръга... А також оу тихъ вышеписаных митахъ и от камень воскоу ни един тарканъ да не боудет, ни великого ани малого, ни съ нашей земли ани с чоужей, — таким образом, продолжает далее источник, — оуси купъци, хоте ис чоужей, аби послоушьни били платити мито оу руки оуредниковъ монастирских»⁹¹.

Разбогатевшим на внутренней и внешней торговле местным и иностранным купцам, а также крупным духовным и светским феодалам, втягивавшимся в рыночную торговлю, не представляло труда уплачивать пошлины. К тому же они в виде привилегии частично или полностью освобождались от обложения. Дополнительным бременем пошлины ложились на плечи крестьянской массы. Крестьяне с трудом проникали на рынок через преграждавшую им путь густую фискальную сеть. Крестьянская семья попрежнему жила натуральным хозяйством, продолжая производить почти все необходимое для жизни. Поэтому не следует преувеличивать для этого времени роль рыночных отношений, в которые была втянута в основном верхушка общества.

Торговые пошлины являлись монополией господаря и собирались специально назначенными для этого людьми, которые назывались мытниками. Великий казначей был в то же время великим мытником, которому подчинялись и перед которым отчитывались остальные мытники. Это подтверждается рядом источников, в которых встречаются титулы, вроде следующего: «От пана Киракола, вистерника и мытника, и от пана Бучума, вистерника и мытника»⁹². Кроме специальных мытников, пошлины собирали и феодалы, через

⁹⁰ Documente, II, p. 275.

⁹¹ Там же, стр. 4.

⁹² Там же, II, стр. 369.

владения которых проходили мосты и дороги. «Жодный наш боярин ани оуреднык ани мытник ани глобъник ани инъ никто да ся не смеет оумешати оу монастырскыи доход»⁹³, — говорил в 1457 г. господарь Стефан, оберегая права монастыря.

Таким образом, центральной фигурой, контролировавшей всю деятельность таможенной службы, был великий казначей при господарском дворе, который при помощи обыкновенных, «малых», мытников осуществлял взимание пошлин, поступавших в господарскую казну и служивших дополнительным источником личного обогащения господаря.

Несколько слов о денежной системе. Самой распространенной монетой в Молдавии был грош, который считался «деньгами страны». Чеканка монеты была объявлена регалией господаря, а покупка жженого венгерского серебра — его монополией. Только после удовлетворения нужд господаря иностранные купцы могли продавать в пределах Молдавии или вывозить из страны оставшееся жженое серебро.

Из приведенных источников можно заметить, что почти во всех случаях пошлины взимались в грошах. Однако кроме грошей в обращении находились татарские златы, серебряные рубли, гривны, венгерские златы, в небольшом количестве турецкие златы, сомы, аспры, динары. Расчет при сделках купли-продажи на землю производился татарскими златами⁹⁴, а «завязска» — судебный штраф — взимался в рублях серебра⁹⁵. Остальные денежные единицы обращались среди узкого круга населения.

Переходим к рассмотрению молдавской метрологии. Из источников можно установить, что единицей длины в Молдавии в рассматриваемое время являлся локоть. Мануфактурные ткани, сукно при продаже измерялись локтями. Иногда сукно продавалось целым куском. Значение локтя как меры длины видно из следующего текста: «По градом и по тръгом, продавати свою торговлю, и сукна и платно (полотна — Ф. Г.) и бобов и буд що коли имут имати; але платно и бобов да продают локтем»⁹⁶. — писал Стефан Великий в торговом привилегии, данном брашовским купцам в 1458 году. Тот же источник свидетельствует, что сукно покупали не только на локти, но и отдельными кусками: «а сукна съвигом (куском — Ф. Г.), да продают». «А мыто имають платити от единого вига (от целого куска — Ф. Г.) (Колонева) по двенадесете гроши, а от Леубиа по осмъ надесете гроши, а Бытьваръ (Буда — Ф. Г.) по 8, а Чех по 4 гроши»⁹⁷. Очень характерно, что чешские купцы уп-

⁹³ Documente, I, p. 4.

⁹⁴ Там же, II, стр. 99.

⁹⁵ Там же, I, стр. 195—196.

⁹⁶ Там же, II, стр. 261.

⁹⁷ Там же, II, стр. 261—262.

лачивали на рынках Молдавии вдвое меньше пошлин по сравнению с венгерскими. «А коли привезоут Ливовчане соукна... а оу них никто гвалтом (силой.— Ф. Г.) без пинезеи (денег — Ф. Г.) ни один локоть не могль оузети, ни мытник, ани боярин ава ни ми сами»⁹⁸. Приведенный документ интересен в двух отношениях. Во-первых, здесь выступает локоть как мера длины, во-вторых, иностранные купцы на территории Молдавии получают гарантию свободы торговли, в которой был заинтересован сам глава государства.

Единицей измерения меда была бербеница. Взимавшаяся с крестьян натуральная дань или рента в пользу государства исчислялась в бербеницах. «Никто от наших бояр или десетник да не сме,— писал Стефан Великий в жалованной подтвердительной грамоте 1458 г., — брати десятину от пчел, ани бербеницю меду»⁹⁹. Аналогичные данные находим в жалованной оброчной грамоте 1466 г.: «усы бербеницы меду от десетину що будет от селах их» (монастырских — Ф. Г.)¹⁰⁰.

Мерой сыпучих тел являлась колода, емкость которой составляла приблизительно четыре ведра, или пятьсот тридцать два польских фунта,¹⁰¹ Колода служила не только рыночной мерой. Она, как и бербеница, являлась единицей при расчете количества зерна, поступавшего в виде дани государству или в виде натуральной ренты феодалам-землевладельцам. Стефан Великий в жалованной тарханной грамоте 1470 г., желая вернуть обратно на родину холопов, бежавших в Польшу от своих хозяев, между прочим, говорил: «ничего, ни колоды, ни дан щобы никоторому своему пану не платили»¹⁰².

Единицей меры воска был камень, который весил 32 литовских фунта. «Половина камен воску»¹⁰³, — говорит источник от 9 июля 1466 года. В жалованной купчей грамоте 1503 г. читаем: «да имаеть тѣи вышереченный наш святии Немецкый монастырь на сваку годину (навсегда—Ф. Г.) по шесть камень воску от наших каменах що нам приходять от нашего места от Немца»¹⁰⁴. «Въси камени от воску от нашего Серецкого тръга»¹⁰⁵, передавал в числе других льгот Стефан Великий Путнянскому монастырю.

В источниках, говорящих о торговле, содержатся также указания на вес, мажу (возок) и ряд других метрологических данных.

Все вышеизложенное свидетельствует о богатстве страны,

⁹⁸ Documente, II, p. 275.

⁹⁹ Там же, I, стр. 8—9.

¹⁰⁰ Там же, стр. 105.

¹⁰¹ Там же, II, стр. 598.

¹⁰² Там же, I, стр. 140.

¹⁰³ Там же, стр. 105.

¹⁰⁴ Там же, II, стр. 233.

¹⁰⁵ Там же, стр. 216.

которая вызвала восхищение со стороны доброжелательно настроенных к ней славянских народов и жгучую ненависть со стороны ее врагов, особенно Турции, проявлявшей агрессивные тенденции против Молдавии. Разросшаяся на территориальных захватах Турция все время зарилась на Молдавское княжество, предпринимая против него один поход за другим. Независимость Молдавского государства поддерживалась ценой больших жертв и усилий народа. Турецкому султану Магомету II так и не удалось осуществить свою заветную мечту — покорить Молдавию и видеть ее народ на коленях перед завоевателем. Но незадолго до своей смерти, в 1475 г., он завоевал Каффу и другие города северного Причерноморья. Этим был нанесен большой удар Молдавии, в частности ее торговле с восточными странами. Молдавия потеряла крупных потребителей зерна, продуктов животноводства, рыбы, корабельного леса и других товаров.

Международный торговый путь, шедший на Белгород и Килию, а оттуда на Восток, начал терять свое значение. Молдавия была отрезана от Генуи, Каффы и других городов. Этим, по сути, подготавливался первый удар Молдавии. После падения Каффы и Крыма на очереди стояли крупные военно-стратегические пункты и портовые города Килия и Белгород. Турецкий султан Баязид II, занявший место своего отца, планомерно и последовательно проводил в жизнь намеченный последним завоевательский план.

Баязид II считал порт и крепость Килию «ключом к Молдавии и Венгрии»¹⁰⁶, а Белгород — «ключом и воротами ко всей Польше, Галиции»¹⁰⁷.

После долгой и кровопролитной войны в 1484 г. Баязид II, поддержанный валахами, сломил сопротивление Килии и Белгорода, превратив их в форпосты для дальнейшего наступления. Таким образом, Баязид II овладел устьем Дуная и прочно обосновался в северном Причерноморье, отрезав от Молдавии основные артерии, ведущие к странам Востока. Молдавия была изолирована от берегов Черного моря, и центр торговли переместился на север и северо-запад.

Этим не только был нанесен страшный удар торговой деятельности Молдавии. Падение Килии и Белгорода было предвестником грядущего упадка Молдавии. В течение почти тридцати лет после перенесенного страшного удара Молдавия мужественно отстаивала свою независимость, но экономическая мощь и политическая сила Молдавского государства с потерей важных портовых центров стали идти на убыль.

Важным фактором, определяющим специфику феодального города, является развитие в нем ремесла, которое, в результате

---

¹⁰⁶ I. Ursu, Указ. соч., стр. 362.

¹⁰⁷ I. Ursu, Stefan cel Mare si turcii, Bucuresti, 1914, p. 116.

роста производительных сил и общественного разделения труда, выделилось в самостоятельную отрасль.

Состояние ремесла значительно хуже отражено в источниках. Однако грамоты-хрисовулы и другие источники упоминают и о ремесленниках. Развитию промыслов и ремесла оказывали содействие сами молдавские господа. Так, Александр Добрый переселил в Молдавию из Мидии большое количество семейств армян и цыган¹⁰⁸. Последние считались искусными кузнецами, они вырабатывали орудия, необходимые для сельскохозяйственного производства: косы, серпы, плужные лемехи, топоры, пилы и другие кустарно-ремесленные изделия. Развитие промыслов и ремесла увеличивало емкость внутреннего рынка. В источниках, хотя и недостаточно, отражена забота молдавских господарей о развитии ремесла. В грамоте 1453 г. мы читаем, что господарь освобождает ремесленников полностью от всяких податей¹⁰⁹. Это мероприятие способствовало притоку в город крепостных крестьян и холопов, которые бежали от своих господ, спасаясь от тяжелого феодального гнета. Часть холопов была отпущена на волю хозяевами, в силу малой производительности их труда в феодальном хозяйстве, и устремилась в город, другая часть была направлена феодалами на более выгодные промыслы: рыболовство, пчеловодство.

Ремесло в Молдавии в рассматриваемое время развивалось, главным образом, на местном сырье, и это определяло его направление.

Задача обеспечения внутреннего рынка, а также нужд иностранных купцов вызвала рост пищевой и винодельческой промышленности. Развивается также шерстяное производство и выделка овчин, шкур и т. п. В торговом привилегии 1460 г. говорится о большом количестве животноводческого сырья. Частично это полуфабрикаты, т. е. выделанные смушки, лисьи и беличьи шкурки, куницы или сырые шкуры, которые должны попасть на производство для переработки. В том же источнике рассказывается, что купцы привозили железо и денежное серебро, которое, несомненно, перерабатывалось в стране. Как свидетельствуют приводимые ниже материалы, в Молдавии в это время имелись оружейники, золотых и серебряных дел мастера и другие специалисты. В купчей грамоте 1484 года говорится: «продали тое мисто от млин слузе нашему Станчулю аурарю (золотых дел мастеру — Ф. Г.) за 50 злат татарских»¹¹⁰. Станчул выступает здесь как золотых дел мастер. В другом документе Стефан Великий просит жителей Быстри-

¹⁰⁸ А. Н а к к о, Указ., Соч., стр. 109.

¹⁰⁹ М. С о с т а ч е с с у, Documentele moldovenesti înainte de Stefan cel Mare, Iasi, 1931, p. 310.

¹¹⁰ Documente, I, p. 285.

цы отправить к нему серебряника Антония, который убежал от Стефана во время турецкого нашествия на Молдавию. Господарь жалуется, что у него стоит работа, которую он хочет поручить Антонию. Кроме того Стефан Великий обещал Антонию отпустить его, как только тот пожелает, на родину и гарантировал ему хорошую плату за работу¹¹¹. Чеканка монеты являлась регалией господаря. Поэтому число золотых дела мастеров, ювелиров, серебряников, а также оружейников было незначительным, и в них чувствовалась нужда. «И по сем прошу твоя милость,— писал Стефан Великий в 1470 г. в письме к бургомистру г. Брашова, — яко нашего приятеле, аби еси лишил слуга наш Михаю мештер (мастер — Ф. Г.), аби пришел до нас съ мечи и съ оръжие, аби нам били на погане (против турок — Ф. Г.) понеже нам требуют»¹⁰². В грамоте 1475 г. речь идет об итальянском кораблестроителе Филиппе, который приехал в Яссы¹¹³. В источнике, датированном 1489 г., отмечено, что слово «армаш» значит оружейник.

Из другого документа видно, что квалифицированные мастера, как, например, мастер Михаил и другие, пользовались привилегиями и доверием у господаря Стефана Великого.

Развивалось в Молдавии также гончарное и деревообделочное производство, имевшие своей задачей исключительно обслуживание нужд местного населения. Лесоразработки, кроме удовлетворения местных нужд, преследовали цели вывоза леса для кораблестроения в приморские города: Венецию, Геную, Каффу. В льготной тарханной грамоте 1466 г., между прочим, говорилось о железе и о гончарных и деревянных ремесленных изделиях, фигурировавших на рынке в качестве товара: «от железо или от плавь или от горнци (гончарные изделия. — Ф. Г.) или от древенем (деревянном — Ф. Г.) соудинам»¹¹⁴.

В одном источнике упоминаются шорники, изготовлявшие сбрую — «хамове»¹¹⁵. Ряд ремесленников, несомненно, специализировались на выделке лисьих, беличьих, куньих мехов.

Горное дело не получило развития в Молдавии, и это определялось, конечно, отсутствием естественных горных богатств в стране. Эта отрасль производства почти не находит отражения в документах того времени. Только один известный нам источник упоминает слово «руда», не указывая, что она собой представляла. «На руду на Козию, та рудою до малого до-рргу»¹¹⁶, — говорит документ, определяя место нахождения села Козия.

¹¹¹ Documente, II, p. 360.

¹¹² Там же, стр. 337.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же, стр. 96.

¹¹⁵ П. Сыр к у. Тексты 28 славянских документов валашского происхождения XV—XVIII вв. городских архивов Сибины, Брашова и Брюкентальского музея в Сибине, СПБ. 1906, стр. XXXV.

¹¹⁶ Documente, I, p. 334.

В стране шло оживленное строительство городов. Основным строительным материалом был камень, имевшийся в Молдавии в достаточном количестве. Для строительных работ были нужны мастера-каменщики, которые входили в категорию привилегированных ремесленников.

Итак, среди ремесленников молдавских городов во второй половине XV в. встречаются золотых дел мастера, серебряники, ювелиры, оружейники, кузнецы, жестянщики, сапожники, шорники, гончары, плотники, овчинники, бочевники, каменщики и прочие.

Кроме квалифицированных мастеров-ремесленников профессионалов имелся «черный» люд без всякой квалификации, работавший на той же стройке города-посада, обслуживавший склады местных и в особенности иностранных купцов, находивший применение своему труду на лесоразработках и т. п.

Основными ремесленными центрами являлись знакомые уже нам торговые пункты: Сучава, Роман, Белгород, Килия, Васлуй, Тротуш и другие.

Заметное оживление в рассматриваемое время происходит на рыбных и соляных промыслах. Рыба и соль потреблялись не только внутренним рынком. Частично эти продукты служили предметом экспорта в Польшу, Геную, Венецию, Каффу. Рыбные промыслы получили свое развитие, главным образом, в городах, расположенных на Дунае и Днестре, но ловля рыбы производилась также и в других реках, которыми изобиловала Молдавия. Источники говорят о наличии большого количества соленой и свежей рыбы на молдавских рынках¹¹⁷. Для ловли рыбы изготовлялись специальные сети и неводы. «На Днестри да учинеть собі 2 сетники»¹¹⁸, — говорил Стефан Великий в жалованной грамоте 1466 года.

Основные соляные промыслы были сконцентрированы у устья Днестра — в Днестровских лиманах. Соляные варницы приносили большие доходы государственной казне, и господари всячески поощряли развитие этого источника дохода. Второе место по добыче соли занимали промыслы (так называемые окны). Соль считалась ценным товаром, разработка ее являлась монополией господаря, в особенности добыча крупной соли — «дробь», которая была сосредоточена у города Тотруша. «Пак же дали есми вышереченному же (Путнянскому — Ф. Г.) монастыру, да имае на въсекий год от нашей окни от Тотруша по сто и пятьдесят дробов соли»¹¹⁹, — отмечает грамота 1502 года.

Характерной чертой ремесла и промыслов того времени является наличие непосредственной связи между производителем

¹¹⁷ Documente, I, p. 36; II, p. 272—276,

¹¹⁸ Там же, I, стр. 106.

¹¹⁹ Там же, II, стр. 210.

лем и потребителем. Ремесленник сам выносил на рынок свой товар, и между ним и покупателем не было промежуточного звена в виде перекупщика.

Таково в кратких чертах состояние ремесла в Молдавии в рассматриваемый нами период.

Внутреннее устройство молдавского города ранне-феодального периода и организация его управления нам почти неизвестны. Это можно объяснить неразработанностью истории города вообще и вопросов внутригородской жизни в частности, вызванной недостаточным знакомством с источниками, которые еще ждут своего исследователя. Поэтому очень важно хотя бы кратко остановиться на поставленных вопросах.

Молдавский город по своей структуре и организации управления является городом славянским.

Маркс в своих «Хронологических выписках», говоря о возникновении молдавского государства, подчеркивает, что Молдавия составляла «часть княжества Галицкого»¹²⁰. От Киевской и Галицко-Волынской Руси она и унаследовала основные черты организации и управления городов.

Во главе молдавского города, пользовавшегося правом гражданского и судебного самоуправления, стоял шолтуз, солтыс — бургомистр — префект, назначаемый господарем, и выборные лица — пыргаре. Вместе с шолтузом пыргаре составляли городской совет. Члены городского совета, или пыргаре, назывались «радцами» и выбирались из лиц, принадлежавших к экономически сильной городской верхушке. Шолтуз при помощи пыргарей осуществлял руководство всей городской жизнью и управление населением городской округи, или «въне-тръже», как она называлась в Молдавии. В функции городского совета и шолтуза, как его председателя, входило ведение всех судебных дел, за исключением уголовных, разбор которых был поручен дворнику, назначавшемуся, как и шолтуз, господарем. В ведении дворника могло находиться несколько мелких городов и городских округ. Шолтузы и пыргаре следили за проведением в жизнь в городе и городской округе господарских циркуляров, за сбором и своевременным внесением жителями налогов, податей и за выполнением различных повинностей.

Источники довольно часто рассказывают о шолтузах, пыргарях, останавливаются на их функциях, обязанностях. Например, в тарханной несудимой грамоте 1459 г., между прочим, говорится: «А також тоты люди из тех сел (Леукушаны и Драгомирешты — Ф. Г.) да не имае их судити ни шолтузы ани пръгаре, ни глоб брати ис них, ни радци тръговских... ни дан

---

¹²⁰ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 150, Госполитиздат, 1946.

да не дадут съ иними мистичи». «Да не имае ни един наш боярин, ани старости, ани шолтузи и пръгари Сучавски, ани шолтузи и пръгари от Серетского тръга, ани дворници от тѣх двох тръгах, ани глобници от волости Сучавской. — писал господарь в документе, датированном 1479., — да не имают дило до тих наши люди от Радовцы от село нашему митрополю, ни судити их, ани глобу ис них брати, ни за великое дило ани за малое дило»¹²¹. Приведенный текст вскрывает иерархическую структуру городского управления, складывавшегося из целой группы средних и мелких государственных чиновников, имевших над собой власть пыркалаба или наместника — представителя господаря — и, наконец, самого господаря.

Пыркалабы являлись верховными наместниками и комендантами в волостных центрах, крепостях и городах военно-стратегического значения, где размещались военные гарнизоны. В городах меньшего ранга руководство принадлежало дворнику и старосте. Носителями власти в третьестепенных городах были шолтузы с представителями бюргерства—пыргарами.

Пыркалабу, как представителю верховной власти господаря и административному лицу, являвшемуся как бы маленьким «царьком» в государстве, были подведомственны дворники, старосты, шолтузы, пыргаре, глобники, припашары, перерубцы, ослухары, илишары и все население волости. Сам пыркалаб подчинялся только господарю и, кроме него, никем не мог быть назначен или смещен. Как правило, пыркалаб являлся членом государственного совета — Рады. «Оже тоти истинии шолтузове и паргарове и оуси наши мешчане от места от Брълад, — говорил молдавский господарь в 1495 г., — и пак оуси оубогии люди от оусих сель що к тому месту прислухают и що по хотар осажени»¹²². Таким образом, приведенный источник называет городского голову-префекта, его помощников радцев-пыргарей, горожан и «убогих» людей сельской округи, прилегающей к данному городу и находящейся под прямым надзором городских властей. Представителями последних являются феодалы-землевладельцы, на землях которых работают несвободные крестьяне и холопы.

В торговом привилегии брашовским купцам читаем: «а та кож, коли оухотет Брашовене пред нас стояти на закон, коли имет буд кто на них тегати, а они да сут волни прити пред нас, абыхом мы их судили. А ины никто оу нашей земли без их воли, ни боярин ани дворник ани шолтуз, да не смееть их судити, ани оузяти ис них ни един грош больше как выше пишем»¹²³.

¹²¹ Documente, I, p. 230.

¹²² Там же, стр. 62—63.

¹²³ Там же, стр. 226.

Здесь не только перечислены функции отдельных городских чиновников, бояр, но имеются прямые указания на то, что представители власти на местах нередко злоупотребляли своим положением, совершая беззакония. Поэтому господарь, опасаясь произвола местных властей, брался сам чинить правду привилегированным иностранным купцам, изымая их из общей подсудности. Это преследовало цель поощрения торговой деятельности купечества, из которой господарь извлекал большие материальные выгоды. Бесправные, угнетенные крестьяне и горожане много терпели от безудержного произвола. Их судили и господарь, и дворник, и староста, и шолгуз, а крепостные и холопы были подсудны боярину-землевладельцу. Все нити управления сходились в городе, где находилась вся господствующая феодальная верхушка.

Молдавские шолтузы и пыргаре находили общие интересы и общий язык с пыргарями и шолтузами — бургомистрами соседних городов, Львова и Брашова. «От шолтуза и пръгаре от Васлуя поклонение нашим приятелем, шолтузом и пръгаремъ и въсемъ старшим от Брашова»¹²⁴, — писали сами молдавские бюргеры городским вельможам Брашова. «Нашимъ правым приятелемъ шолтоузомъ и пръгаремъ и въсемъ орошаномъ и въсемъ купцемъ от големии до малыи, от Брашова»¹²⁵, — говорил господарь в 1472 году.

Следовательно, молдавскому городу были известны формы самоуправления в виде совета, представленного радцами-пыргарями. Город становился экономическим и административно-хозяйственным центром, распространяя свою власть на значительную территорию.

Итак, изучение источников, характеризующих молдавский город второй половины XV века, во-первых, позволяет установить наличие двух видов городов (господарских и частновладельческих), определить их количество, географическое размещение и классовый состав их населения; во-вторых, дает представление о качественном состоянии торговли и ремесла, об основных путях внутренней и внешней торговли, а также о торговых пошлинах, денежной системе и метрологии; наконец, дает возможность решительно опровергнуть измышления румынской буржуазной историографии об извечной экономической «отсталости» молдавского народа.

---

¹²⁴ Documente, II, p. 453.

¹²⁵ Там же, стр. 315.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И УПРАВЛЕНИЕ

1. Постановка вопроса в историографии

Государственный строй Молдавии второй половины XV века с марксистско-ленинских позиций почти совершенно не изучен в молдавской историографии. Однако политическая жизнь Молдавского и Валашского княжеств привлекала большое внимание русских и иностранных ученых, а также путешественников, оставивших немало материалов историко-мемуарного характера. Их авторами являются: П. Алепский, П. Сумароков, Д. Кантемир, С. Руссов, М. Нарапов, Н. Бантыш-Каменский, Н. М. Карамзин, С. С. Татищев, С. М. Соловьев, П. В. Жадовский, С. Н. Палаузов, А. Накко, а также О. С. Беер, Е. Карра, М. Когальничану, Н. Балческу, Ф. Аарон, А. Ксенополь, Н. Йорга, И. Богдан, П. Панаитеску, И. Урсу, К. Журеску и др.

Общий недостаток всей этой литературы заключается в том, что политический строй княжеств рассматривается оторванно от их внутренней истории, от того социально-экономического базиса, на котором была создана политическая надстройка. Следует отметить большие пробелы в освещении явлений как раз той эпохи, которой посвящено настоящее исследование — второй половины XV в.

Перечисленные выше авторы подходили к решению поставленных вопросов с неодинаковых методологических позиций. Но при всем разнообразии точек зрения отдельных ученых, все же их можно разделить на две основные группы. Первую и наиболее многочисленную группу составляют исследователи, признающие власть господаря «абсолютной», при чем некоторые из них, как, например, А. Д. Ксенополь, сравнивают права господаря с властью «азиатских деспотов». Ко второй группе относятся ученые, считающие полномочия господаря до некоторой степени ограниченными. Этой точки зрения придерживаемся и мы, хотя, естественно, подходим к решению данного вопроса совершенно с других методологических позиций, чем дворянские и буржуазные историки.

Д. Кантемир следующим образом характеризует власть и авторитет господаря: «власть господаря, — говорит он, — распространялась не только на бояр и местных жителей, она простиралась также на всех иностранцев, бывших в Молдавии. независимо от их чина и положения. Их жизнь была всецело в руках господаря, и при неправильном осуждении кого-либо на смерть, ссылку, порку или изъятие имущества пострадавшие могли только просить пощады господаря устно или письменно, но никто не имел права противиться его суждению»¹.

Примерно в таком же духе высказывались А. Д. Ксенополь, Н. Йорга и другие ученые.

К. К. Журеску выступил с возражениями Ксенополю и пришел к иному выводу: «руководителем страны является господарь. Он — глава государства, он — его руководитель, он — высший судья, он и верховный руководитель войска. Но он не имеет «абсолютной власти» и поэтому нельзя говорить об «азиатском деспотизме»².

Итак, в оценке характера власти и роли господаря нет единства мнений и общепризнанных выводов, на которые можно было бы опереться. Поэтому лучшей опорой для нас являются источники. Они показывают, что характеристика, данная Д. Кантемиром, не может распространяться на всех молдавских господарей. На господарском троне было немало бездарных личностей, которые служили просто марионетками в руках великих бояр и не пользовались ни властью, ни авторитетом. С мнением Д. Кантемира можно согласиться, и то с большими оговорками, только в отношении таких господарей, как Александр Добрый и Стефан Великий. Тем более неприемлемой является точка зрения А. Д. Ксенополя, который считает власть господаря «абсолютной», сравнивая ее с полномочиями «азиатских деспотов».

2. Господарь

Познакомившись с основными мнениями исследователей по данному вопросу, перейдем к рассмотрению предмета на основе источников.

Важнейшим источником для изучения политического строя, структуры и управления Молдавского княжества вообще, и во второй половине XV века в частности, являются духовные и договорные грамоты молдавских господарей. Феодальный общественный и государственный строй Молдавии во второй половине XV века получил свое оформление, пройдя к этому времени все предварительные стадии развития.

¹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 187.

² С. Giurescu, Istoria romanilor, Bucuresti. 1937, p. 338.

Общему облику феодального государства, каковым была Молдавия в рассматриваемый период, соответствовал и политический строй, который развивался на реальном экономическом базисе.

Во главе Молдавского государства стоял воевода — господарь — князь. Происхождение власти молдавских господарей нам известно. Характерей титул, который носили правители княжества: воевода — господарь — князь. Этот титул до некоторой степени объясняет усиление господарской власти на определенном отрезке времени, до его ограничения господарским советом.

Первые молдавские правители княжества именовались древним славянским титулом «воевода», что означает — предводитель войска. С расширением государства, укреплением его экономических и политических основ выросло значение, а также изменились и функции самого «воеводы», как верховного правителя.

Путь воеводы — это путь от руководителя племенных групп, военной дружины до руководителя самостоятельного феодального государства, в первую очередь, и предводителя войска во вторую. Таким образом, не только варьируется титул, но и функции воеводы становятся более обширными и разнообразными. Воевода теперь не только руководитель войска; перед ним выдвигаются новые, более сложные задачи, обусловленные ростом страны, усилением экономической и политической мощи государства.

Поэтому молдавский воевода Роман Мушат (1391—1394) вносит изменения в свой титул. Он именует себя: «Я, великий самодержец Ио Роман Воевода, владеющий Молдавской страной от гор до великого моря»³. Последующие молдавские воеводы вплоть до Александра Доброго пользовались титулом, воспринятым от Романа Мушата. Но уже из документов, вышедших из господарской канцелярии Александра Доброго, видно, что титул опять терпит изменения. Александр Добрый называет себя: «млстю божию мы Александръ воевода господарь земли Молдавской»⁴. Здесь фигурирует новое понятие «господарь», т. е. хозяин страны — князь. Последний титул в дальнейшем почти не изменялся, так как он отображал всю мощь и силу верховного правителя государства.

Власть господаря не была ограничена каким-либо определенным законодательным актом. Стефан Великий выступает как повелитель своей страны, вышший судья и военный вождь. Владение землей молдавскими господарями покоилось на родовом праве, и страна рассматривалась ими как семейная и вотчинная собственность. Так, например, Стефан Великий, ведя

³ М. Kogalniceanu, *Letopistele*., p. 134.

⁴ М. Costăchescu, *Documentele moldovenesti pâna la Stefan cel Mare*, vol. II, Iasi, 1931—1932, p. 310.

в 1503 году переговоры с польским королем Александром по поводу Покутии, говорит, что последняя «есть наша правая зъ стародавна отъчына»⁵. Эта формула применялась даже тогда, когда речь шла о спорной территории.

Таким образом, господарь — это глава государства, в руках которого концентрируется как законодательная, так и исполнительная власть, ибо в те времена строгого разграничения между законодательными и исполнительными функциями не было. Господарь, как крупнейший феодал-землевладелец, обладал большими материальными ценностями и это обстоятельство создавало ему политический авторитет. В руках господаря сосредоточивались все нити управления страной. Он издавал важнейшие грамоты, подписывал договоры с иностранными державами, ему принадлежало право суда в последней инстанции, он же выступал в качестве предводителя войска.

Однако нельзя считать власть господаря неограниченной, так как он должен был делить ее со всеми вассалами — великими и малыми боярами. Молдавский господарь в управлении страной опирался на мелких и средних бояр и на растущее дворянство, стремясь при их помощи держать в узде беспokoйных и требующих места у власти великих бояр. Однако при отсутствии в Молдавии крупных городов и многочисленного городского населения, в подлинном смысле слова, при заинтересованности верхушки феодального класса землевладельцев в ослаблении господарской центральной власти, молдавские господа не имели той прочной социальной базы, на которую они могли бы опереться и при поддержке которой могли бы стать представителями порядка в феодальном беспорядке. Никем не сдерживаемый феодальный класс, имея прочную экономическую основу, политически усиливался на базе крупного землевладения, а государственная власть все больше и больше подвергалась феодализации. На этой почве и происходила борьба между феодальными родами за центральное место у власти в государстве, что ослабляло последнюю и не допускало установления прочного порядка наследования престола, как это имело место в более развитых европейских странах. Отсутствие такого порядка еще больше обостряло внутриклассовую феодальную борьбу, которая являлась характерной чертой всей политической жизни страны. Молдавский господарь Стефан Великий казнил сторонников Петра Арона, которые, расчищая последнему путь к престолу, готовили заговор против Стефана Великого. Даже после того, как Петр Арон совершенно сошел с политической сцены, Стефан жестоко расправлялся с непослушными ему боярами, обвиняя их в измене. При Стефане Великом были казнены великие

---

⁵ Documente, II, p. 485.

бояре: чашник Негрилэ, стольник Алексей, дворник Исай⁶, Костя пыркалаб — (наместник, комендант города — крепости). Ивашка логофет — (великий канцлер) и Сима вистиарник⁷ (казначей).

Итак, в Молдавии второй половины XV в. борьба шла даже внутри господствующего класса землевладельцев, не говоря уже об обществе в целом, которое раздиралось противоречиями, делившими его на противоположные антагонистические классы. Страх перед массами крестьянства заставлял представителей всех прослоек, существовавших в самом классе феодалов, несмотря на противоречия между ними, объединяться в одном стремлении держать в подчинении зависимое население.

Таким образом, власть, созданная для охраны интересов господствующего класса — феодалов, не могла обойтись без совета с ними. Так возникла еще до XV века «рада» или совет, председателем которого был сам господарь.

3. Боярская рада

Господарь обладал властью, достаточно сильной, чтобы руководить всей жизнью государства, тем не менее, ему приходилось считаться с мнениями своих ближайших советников, экономически сильных феодалов, великих бояр и представителей духовенства, которые добивались политической власти. С образованием Молдавского самостоятельного государства вырабатываются формы организации власти и управления. С одной стороны, стало более сложным внешнее положение страны, с другой — необходимо было поддерживать внутренний порядок и спокойствие, в которых были заинтересованы землевладельцы, чтобы держать в повиновении зависимое сельское население. Господарь к тому же не мог сам выполнять все многообразные правительственные функции. Необходимо было известное разделение верховного управления на отдельные отрасли, руководство которыми господарь поручил назначенным им лицам, действовавшим согласно его указаниям. Эти лица становились ближайшими советниками господаря.

Они составляли при нем совет—раду, центральный орган управления, руководивший всей внутренней и внешней государственной политикой. Однако эта феодальная рада юридически не связывала воли господаря. Она являлась только высшим совещательным и в то же время исполнительным органом, и без воли и участия господаря не могла принимать никаких серьезных решений. Господарь действовал и осущест-

---

⁶ М. Kogalniceanu, *Letopisteie..*, p. 157.

⁷ Там же, стр. 188.

влял свою власть при помощи рады. В совещаниях рады принимали участие представители крупнейших феодалов как светских, так и духовных. Что касается малых бояр, то хотя они и составляли многочисленную феодальную прослойку, располагавшую достаточной силой, чтобы держать население в повиновении, тем не менее, они не принимали прямого участия в управлении государством. Они только изредка являлись участниками заседаний рады. Однако это не мешало господарю на всех заседаниях рады формально выступать от имени великих и малых бояр.

По своему составу и функциям рада напоминает «боярскую думу», заседавшую при московских великих князьях, а также чешскую и польскую «курию» или сербскую «синклиту».

Светские феодалы, члены рады, именовались «радными боярами»⁸, «радцами»⁹, т. е. думными боярами. — советниками. В договоре, датированном 1499 годом, читаем: «съ вьсеми архиепископи и епископи, и съ вьсеми нашими бояре радным...»¹⁰. «Дорадили (совещались — Ф. Г.) се есмо с нашимъ митрополитомъ кир Теоктыстомъ, и епискупомъ нашимъ кир Тарасиемъ... и съ усею нашею радою»¹¹, — говорит господарь Стефан Великий в жалованной грамоте 1466 года. «Ино мы есми досмотрили, — пишет господарь в 1480 году, — с нашими бояри и радою та есми... учили закон согласно земского права...»¹².

Прямое указание на то, что рядом с господарской властью стоит высший орган управления — рада, находим и в документе 1481 года. «...Ми есми досмотрили ис нашими болери и съ усею нашею наивише радою и учили есми закон...»¹³, — так гласит этот источник. «...Георгием митрополитомъ Сучавскимъ, и съ усими нашими молдавскими бояри, — говорит Стефан в данной подтвердительной грамоте 1490 года, — и наивише съ усею нашею радою...»¹⁴. В другой грамоте, относящейся к тому же году, читаем: «Мы и съ благословением... кир Георгия митрополита Соучавского и съ оусими нашими бояре и радою»¹⁵.

В торговом привилегии 1458 года, данном господарем брашовским купцам, сказано: «оже прирадили се есми съ нашими бояре и съ оусею нашею радою»¹⁶. «Ино мы дорадившися съ нашими паны и радою»¹⁷, — говорится в привилегии львовским купцам.

⁸ Documente, II, p. 371.

⁹ Там же, II, стр. 425.

¹⁰ Там же, II, стр. 425.

¹¹ Там же, I, стр. 105.

¹² Там же, I, стр. 239.

¹³ Там же, I, стр. 259.

¹⁴ Там же, I, стр. 406.

¹⁵ Там же, I, стр. 419.

¹⁶ Там же, II, стр. 261.

¹⁷ Там же, II, стр. 272.

Для обсуждения особо важных вопросов на заседании рады приглашался более широкий круг крупных феодалов как светских, так и духовных. Господарь Стефан, готовясь присягнуть польскому королю Казимиру, совещается перед этим актом с «доуховнымъ митрополитомъ и съ оусимъ доуховенствомъ и пак и съ оусими нашими (его — Ф. Г.) паны, и старыми (родовитыми — Ф. Г.), и молодыми, и съ оусею нашею верною радою молдавскою»¹⁸.

В другом документе, также связанном с присягой на верность Стефана Казимиру, говорится: «...мы Феоктисть, митрополит молдавский, и съ оусими доуховными и пак и свецкими паны молдавскими, и богатыми и оубогими (малыми — Ф. Г.), со оусею радою господаря нашего Стефана воеводы...»¹⁹. Здесь интересно то, что от имени господаря и его рады выступает митрополит. Как видно из приведенного текста, рада состояла из «доуховных и свецкихъ панов молдавскихъ». Они ценились господарем за их экономическую силу и знатное происхождение. Характерно также, что Феоктист называет «богатых и оубогих», т. е. великих и малых бояр, проводя между ними определенную грань. Первые — советники, сподвижники и нередко соперники господаря, вторые — его опора, феодалы, меньшие по своему значению, но не терявшие надежды при удобном случае достичь высшего ранга — стагъ великими боярами и получить место у власти.

Великие бояре, члены рады, имели свои печати, которые они привешивали в доказательство подлинности важных, а иногда и второстепенных документов, вышедших из господарской канцелярии.

Так, например, договор, заключенный между Стефаном Великим и литовским князем Александром, был скреплен большой печатью господаря, а также печатями его сына и бояр, членов господарского совета. «...А на большою крепост и потврѣждение тому вышеписанному (в договоре — Ф. Г.) нашу печат болшую и печат сына нашего Богдана воеводи и печати бояр наших радных велели есми завесити к сему нашему листу»²⁰, — так заканчивается этот договор.

«И тотъ запись свой зъ болшую своею печатью и съ печатьми панов рады своее тимижъ нашими послы рачилъ бы твоя милость къ намъ его прислати»²¹, — так требует польский король, настаивавший через уполномоченных им послов Петра Олехновича и Федка Гавриловича, чтобы Стефан Великий передал подписанный договор, к которому были бы привешены великая господарская печать и печать великих бояр, членов ра-

¹⁸ Documente, II, p. 301.

¹⁹ Там же, II, стр. 288—289.

²⁰ Там же, II, стр. 443.

²¹ Там же, II, стр. 407.

ды. Король польский, со своей стороны, обязуется проделать такую же процедуру. В документе 1485 года читаем: «Ана более крепост и потверждение тому вьсему вышеписанному, и печат нашу и печат усих бояръ наших радних привесили есми к сему листу нашему»²².

Из рассмотренных источников можно в известной степени установить, кто были эти члены рады, с которыми совещался господарь. Это — виднейшие светские и духовные сановники: митрополит Феоктист, епископ Тарасие, митрополит Георгий, епископ Ионакие, Иоан Таутул, Болдур, Влайкул, Станчиул Пониц, Шандря, Лука Арбуре, Дума Влайкович, Иссак, Клэнеу, Юга, Радул Гангур, Неагул, Микота, Дума Браевич, Збеара, Герман, Журжа, Маноил Гречин, Гоун, Штефул, Мехен, Юга, Бодя, Бухтя, Пашко, Арбуре, Лука, Вылча, Бырсу, Илия Хурулу и др. Названные члены рады именуются в латинских источниках: „*Consilarii terrae Moldaviensis*“²³, а совет носит название „*Consilium*“.

Во главе этого высшего совещательного органа при феодальном молдавском государе стоял, как правило, крупнейший феодал-сюзерен — сам господарь. Но он мог поручать в отдельных случаях руководство радой кому-либо из двух своих ближайших помощников — светскому или духовному. Прежде чем говорить о том, кто именно руководил радой по поручению повелителя страны, необходимо познакомиться с господарской канцелярией и высшими должностями в государстве, ибо крупнейшие феодалы-землевладельцы, помимо участия в раде, занимали руководящие посты в аппарате управления страной. Таким образом, станет более ясной и функция рады, через которую проводилась вся внутренняя и внешняя политика государства и осуществлялась верховная власть господаря.

Господарская канцелярия, которой поручалось исполнение важнейших внутренних распоряжений и на которую возлагались внешние сношения, находилась в заведывании великого логофета-канцлера. Под начальством этого сановника с греческим титулом работали чиновники, носившие столь знакомое русскому человеку название «дьяков». Великий логофет имел двух помощников — малых логофетов. Господарская канцелярия должна была изготовлять «урики» — хрисовулы. Великий логофет в отсутствие господаря руководил радой, как самое близкое доверенное его лицо. В отдельных случаях радой еще мог руководить по поручению господаря и митрополит Сучавский, речь о котором будет идти ниже.

---

²² Documente, II, p. 372.

²³ Там же, II, стр. 441.

В дипломатических переговорах логофет является главным и ответственным лицом. В документах внешнеполитического характера он выступает как глава рады, для грамот, относящихся к внутреннему управлению, характерна следующая формула: «логофету такому-то» «писати и нашу печат привесити»²⁴.

С 1475 по 1511 год великим логофетом был Иоан Таутул, который в договоре, заключенном с Польшей в 1494 году, фигурирует как глава рады. В 1496 году Таутул был послан господарем Стефаном Великим с дипломатической миссией к турецкому султану Баязиду II, а в 1497 году он направляется к польскому королю Албрехту. Таутул был вернейшим вассалом господаря и крупнейшей фигурой в аппарате управления государством во второй половине XV века. В латинских источниках логофет именуется: „*summus cancellarius et secretarius*“ или просто: „*summus secretarius*“, что означает в переводе на русский язык канцлер, руководитель государственной канцелярии. Его роль в государственном аппарате была ведущей.

Для того, чтобы познакомиться, с одной стороны, с составом расширенных собраний рады, имевших место в случаях особой государственной важности, а с другой стороны, с номенклатурой высших государственных должностей при господарском дворе, приведем отрывок из договора 1499 года: «...Мы Георгие архиепископ Сучавский и земли молдавской, Василие епископ Долней епископии Романова тръга, Ионакие епископ Радовской епископии, Иоан Тъоутул логофет, Дума Влаикулович паркалаб, Болдор дворник, Хръман паркалаб, Шефоул пръкалаб, Дума Брудур паркалаб, Тоадер и Негрилъ старости хотинский, Еремия и Драгоше паркалабове немицкии, Шандру пръкалаб новоградский, Лука Арбоуре сучавский, Ион Грумаз староста черновский, Иванко и Алекса пръкалаби орхенский, Косте паркалаб сороцкий, Кълнъу спатар, Исак вистиарник, Думша постелник, Могила чашник, Ион Фрунтеш столник, Петрика комис, панове рада земли молдавской, с предреченным велможным Ио Стефаном воеводою...»²⁵.

Рассмотрим кратко упоминающиеся в договоре высшие государственные должности. Функции логофета нами были уже выяснены. Господарь, как указано выше, был верховным, главнокомандующим, и вполне понятно, что органы военного управления играли при нем важную роль. Непосредственным помощником господаря Молдавии как военачальника был великий ворник, который отвечал за военную охрану господарского дворца, имел право суда над подчиненными и в

²⁴ Documente, II, p. 226.

²⁵ Там же, II, стр. 425.

нужный момент, во время похода против неприятеля, замещал господаря, пользуясь всеми его prerogativami.

В латинских источниках молдавский термин „велики дворник“ (польский маршалець)²⁶ переводится как „*supremus iudex curial*“²⁷.

Видная роль среди членов рады принадлежала пыркалабам, наместникам господаря в городах-крепостях с военными гарнизонами, которым подчинялась территория окружающих волостей. Таких волостей было свыше пятнадцати. В более крупных городах — волостных центрах и важных стратегических крепостях имелось по два пыркалаба. Помощники пыркалабов в волостях были старосты. Далее среди членов рады упоминается спатарь (от спага—мечь) — меченосец, функции которого аналогичны функциям меченосца славянских стран, вистиарник-казначей, постельник „*cubicularius*“ — камердинер, ведавший покоем господаря, его камерой (спальней), стольник, наблюдавший за господарским столом, чашник, ответственный за напитки, предназначавшиеся для господаря. Обычно, прежде чем поднести напиток господарю, чашник, отвечавший за его жизнь, сам должен был выпить первую чашу. Чашник же производил дегустацию вин. На низшей ступени лестницы государственных придворных чинов стоял конюший, т. е. лицо, ведавшее господарскими конюшнями. В молдавских источниках он именуется комисом. В грамотах обычного типа старосты и пыркалабы незначительных городов не фигурируют в качестве участников рады.

Приведенный выше источник очень характерен. Он перечисляет высшие должности при дворе. В нем нашел свое отражение политический строй Молдавии, сложившийся под сильным славянским влиянием. Становится очевидным, что рада появилась и выросла в связи с ростом государства и развитием феодальных отношений. Поэтому, несмотря на громкий титул господаря, как повелителя страны, он в сущности был только первым среди равных. Духовные и светские феодалы фактически ограничивали его власть. Господарские грамоты лишь юридически оформляли те отношения вассалов-землевладельцев к своему господарю-сюзерену, которые устанавливались в Молдавии в процессе развития феодализма.

Крупную роль в стране играла церковь. Она заняла выдающееся место в системе феодальной монархии, являясь государством в государстве. Известно, что церковь располагала огромным земельным фондом, в ее руках был суд по церковным и другим делам, иногда она имела право судить даже за уголовные преступления.

²⁶ Documente, II, p. 597.

²⁷ Там же, II, стр. 599.

Благодаря своему экономическому весу, источником которого было крупное землевладение, церковь стала мощным проводником внутренней и внешней политики. Являясь составной, неотъемлемой частью государства, церковь превратилась в орудие жестокой эксплуатации сельского населения страны. Объединяясь с господствующим классом землевладельцев, церковь выступала вместе со светскими феодалами, чтобы держать в повиновении бесправное и угнетенное крестьянство. Поэтому между господарем и духовенством установились самые тесные отношения. Представители духовенства занимали одно из первых мест в раде, а в отдельных случаях становились и ее руководителями.

Митрополит Сучавский Феоктист²⁸ еще со времен Петра Арона и до самой смерти (1478 г.) являлся активным членом рады, а во время отдельных заседаний заменял господаря. Он играл видную роль в дипломатических сношениях Молдавии с православными государствами в самые тяжелые для страны дни.

В документе, относящемся к 1462 году и говорящем о присяге Стефана Великого польскому королю Казимиру, духовные сановники выступают во главе рады, ручаясь за верность своего сюзерена — Стефана Великого, который не должен нарушать молдавско-польскую дружбу.

«...Феоктистъ, митрополит молдавский, и съ оусими доуховными и пак свецкими паны молдавскими, — говорится в названном документе, — и богатыми и оубогими, со оусею радю господаря нашего Стефана воеводы...»²⁹. Таким образом, крупнейший духовный феодал возглавляет в данном случае раду и говорит от имени духовенства, от великих и малых бояр, от всей страны, в интересах своего господаря Стефана.

«Оже приидоша пред нами и пред нашим митрополитом кир Феоктистомъ от Сучаве, — говорит господарь в меновой грамоте от 5 июля 1470 года, — и перед епискоупомъ нашим кир Тарасиемъ от Романова тръга и пред оусими нашими бояры молдавскими, великих и малих...»³⁰. Духовенство выступает здесь на первом месте, а светские феодалы на втором.

В жалованной подтверждающей грамоте 7 мая того же (1470) года находим почти аналогичные данные: «прииде пред нами, — говорит господарь Стефан, — и пред митрополитом нашем Феоктистом и пред оусими нашими болери, великими и малыи, старыми и молодыи»³¹.

---

²⁸ А. У л ь я н и ц к и й, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., Москва, 1887, стр. 87.

²⁹ Documente, II, p. 288—289.

³⁰ Там же, I, стр. 152.

³¹ Там же, I, стр. 147.

Таким образом, церковь играла в государстве видную экономическую и политическую роль. Однако, с течением времени в жизни церкви и в ее положении в государстве происходили изменения. В борьбе за государственную власть светские феодалы одержали победу над духовными. К концу второй половины XV века церковь начала утрачивать свое политическое значение, а ее место у власти заняли крупнейшие светские феодалы-землевладельцы. Но светские и духовные сановники вместе выступали против угнетенной и несправедливой крестьянской массы, на плечах которой держалась вся феодальная иерархия и за счет которой существовал разветвленный административный аппарат.

Таким образом, Молдавия в описываемое время представляла собою вполне сформировавшееся феодальное государство. Феодальная монархия в Молдавии была государством крупных землевладельцев. Духовные и светские феодалы принимали активное участие в раде и делили власть с господарем. Опираясь на свою экономическую мощь, в первую очередь, на владение землей, наследственные связи и политическое преобладание в государстве, светские феодалы и духовенство были действительными владыками страны.

Заканчивая этот раздел, мы должны подчеркнуть, что рада при молдавском господаре являлась высшим совещательным и исполнительным органом, при помощи которого осуществлялось руководство страной сверху донизу. Это было орудие господствующего класса землевладельцев, направленное против угнетенной, эксплуатируемой крестьянской массы с целью держать последнюю в повиновении.

4. Армия

Для поддержания внутреннего порядка и спокойствия в стране, для обеспечения независимости и защиты Молдавии от агрессивно-настроенных соседей господарь нуждался в войске. Армия являлась опорой Молдавского государства.

Для отражения бесчисленных нашествий и нападений со стороны агрессивно-настроенных соседей и особенно Турции, требовались военные силы. Поэтому молдавские господари Александр Добрый и, в особенности, Стефан Великий проявляют большую заботу о создании войска, способного устоять перед внешней военной угрозой. Они всячески расширяют контингент армии, заботятся о ее вооружении. Вторая половина XV века в истории Молдавии особенно изобилует войнами за независимость против венгерских и польских феодалов, против агрессивной, захватнической политики Турции. Таких военных походов, больших и малых, насчитывается во второй половине XV века около тридцати шести.

Молдавский господарь Стефан Великий располагал довольно значительными для того времени военными силами, и в нужный момент сам выступал в качестве предводителя войска, а если стране приходилось воевать одновременно с несколькими врагами, то на одном из фронтов против неприятеля господаря заменял великий дворник, который пользовался всеми прерогативами господаря. В отдельных случаях мог выступать во главе части войска и пыркалаб, функции которого нам уже известны.

Основным ядром молдавской господарской армии являлся господарский «двор», состоявший из средних и мелких вассалов-дворян, несших военную службу. Процесс слияния феодальных дружин в общей системе молдавской армии в это время еще не был закончен. Крупные и мелкие феодалы выходили на военную службу с собственными отрядами вассалов и мелких слуг.

Таким образом, общего и единого порядка в несении военной службы не было. Каждый феодал выводил столько военных слуг, сколько он мог содержать по своему экономическому положению.

Кроме основного войска при дворе, господарь имел военные гарнизоны, расквартированные в важнейших городах-крепостях в разных местах страны. Такими городами являлись: Хотин, Сороки, Оргеев, Белгород, Килия, Роман, Нямец и др. Во главе этих городов стояли пыркалабы, которые, кроме несения повседневных административных и военных функций, обязаны были в случае войны выступать по требованию господаря в поход со своим отрядом. В мирное время они следили за действиями и движением неприятеля, за тем, чтобы никто не вторгнулся в пределы страны, а также наблюдали за всей жизнью населения вверенных им областей — волостей — держав, согласно принятому в то время административному делению.

Четвертую часть войска составляло крестьянское, сельское и городское ополчение. Поэтому молдавская армия отличалась большой пестротой. С одной стороны в ней были хорошо одетые, прекрасно (для тех времен) вооруженные бояре, а рядом с ними плохо одетые и почти не вооруженные крестьяне. Несвободное крестьянство в войско, как правило, не бралось, оно не могло быть прочной опорой государства крупных землевладельцев, которые жили за счет его подневольного труда. Оно могло быть призвано только в чрезвычайных случаях, когда весь народ поднимался на борьбу против внешней агрессии.

«А на войско то кто да идут, — говорит Стефан Великий в жалованной тарханной грамоте 1458 года, — тоти люди, коли прилучится самому господства ми ити на войско, тогди

и тоты люди да идут на войску, а иногда николи (никогда — Ф. Г.)³².

Однако несмотря на то, что несвободное крестьянство обычно не участвовало в армии, господарь очень редко прибегал к привлечению наемного войска.

Иностранные наемные силы занимали очень незначительное место в системе войск Молдавии. Об этом можно судить хотя бы по сражению 1475 года у г. Васлуя, в котором против турецкой армии выступали в основном молдавские крестьянские ополчения³³.

Участие жителей в том или ином роде войска определялось их имущественным положением и социальным происхождением. Артиллерия, тяжелая конная кавалерия, осадные отряды считались привилегированными родами войска; в них входили все вассалы. Основная масса народа, сельское и городское население, составляли легкую кавалерию и пехоту. Численность молдавского войска не была постоянной; в военное время общий состав армии выражался в цифрах от семидесяти до ста тысяч³⁴.

Главное значение в молдавской армии имела кавалерия; артиллерия и другие рода войска еще не получили своего распространения. Поэтому господарь принимал все меры к тому, чтобы из страны не вывозились пригодные для армии лошади.

Вооружением воинов служили: лук, копье, пика, топор, сабля и просто дубина³⁵. Употреблялось и огнестрельное оружие: ружья «пищали», пушки. Львовские и, в особенности, брашовские купцы, с которыми господарь был в хороших отношениях, не прекращали привоза в Молдавию всего необходимого для армии. «Шолтузу от Брашова, — говорит Стефан, — приятелю нашему милому. И по сем прошу твоя милость, яко нашего приятеле, аби яси лишил слуга наш Михаю мештер, аби пришел до нас съ мечи и съ оръжие, аби нам били на погане, понеже нам требуют»³⁶.

В другом письме господаря к брашовским властям читаем: «просим вашу милость аби есте стояли с ним (меченосцем, посланным господарем — Ф. Г.) за едьно посполу и аби есте нам купили що нам требует, где стримени (стремена для седел — Ф. Г.), где оръжие, где поворази, как он вамъ узъвелит»³⁷. Отсюда видно, как господарь заботился о вооружении молдавской армии огнестрельным оружием. В известном тор-

---

³² Documente, I, p. 14.

³³ См. К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельс», т. VII, стр. 203.

³⁴ N. Balcescu, Puterea armata si arta militara la moldoveni in timpul maririi lor, Opere, Bucuresti, 1940, p. 165.

³⁵ Там же, стр. 175.

³⁶ Documente, II, p. 337.

³⁷ Там же, II, стр. 468.

говом привилегии львовским купцам Стефан говорит о «цик-вах» — стволах к артиллерийским пушкам, необходимым для вооружения армии³⁸.

Однако несмотря на все старания господаря вооружить армию при состоянии техники того времени было очень трудно.

Таким образом, армия второй половины XV века носила ярко выраженный феодальный характер и соответствовала общему облику феодальной эпохи.

Стефан Великий был одним из крупнейших полководцев своего времени. Он с молдавским войском почти всегда одерживал победу над превосходящим его по численности и вооружению противником. Стефан прекрасно использовал и патриотизм, и подвижность своих небольших отрядов, которые со всех сторон нападали из засады на противника. Стефан умел прекрасно учитывать особенности той местности, где происходило сражение. Кроме того, как свидетельствуют источники, у него была хорошо налажена разведка и связь. При помощи своих людей этот господарь узнавал каждое намерение противника и своевременно раскрывал его замыслы.

Основные сведения о намерениях турок, валахов и венгров Стефан получал из Брашова, с которым он почти регулярно поддерживал связь. «И по сем, листу... що ни есте писали и що ни есте поръчили по вашего человека, — говорит Стефан брашовским людям, — по Михая мечер, мы све добре уразумехмо що ни даете ваша милость на знание за работу Туркем, ере идут на господство ми. Тогаи, — продолжает Стефан, требуя сведений о противнике, — ради просимо, що хоте знати от съда на пред, а ваша милость аби есте нам дали на знание. Михая мечер, а вы ему верите о вьсем, ере сут наши речи»³⁹. Так господарь собирал информации о приготовлениях и движении своего противника.

В депеше 1480 года читаем: «Того ради ваша милость гледаите (смотрите — Ф. Г.) добре съ исходники, та ако извидите како те тизи враги или на вас или на нас потегнути, ви будете готови и нам скоро пошлите у знание, и день и ноч, да будемо и ми готови...»⁴⁰. Следовательно, господарь принимал все меры для того, чтобы предохранить от опасности свою страну и во время получить необходимые сведения о вражеской стороне, чтобы разгадать планы противника и своевременно подготовиться к встрече с врагом на поле брани. В нашем распоряжении имеется около пятнадцати сохранившихся до нашего времени депеш; все они говорят о постановке разведки в военном деле.

Стефан Великий учредил знамена в армии. Лучшая воен-

³⁸ Documente, II, p. 273.

³⁹ Там же, II, стр. 338.

⁴⁰ Там же, II, стр. 356.

ная дружина, проявившая храбрость и отвагу в борьбе с врагом, кроме своего знамени, под которым она выступала в поход, получала знамя за военную храбрость и отвагу. Господарь награждал также своих войнов-вассалов за отвагу и мужество, проявленные ими в войне, землями и высокими должностями.

Крестьянская масса, составлявшая в критические для государства дни основной контингент войска, наград не получала. Стремление к свободе, любовь к своей родине, чувство глубокого патриотизма — вот что вдохновляло молдавский народ идти на бой с врагом и храбро защищать свою независимость, отдавая жизнь в борьбе за свою страну.

5. Господарский суд

Мы уже указывали, что во второй половине XV века в Молдавии еще сохранялась довольно большая площадь общинных земель, на которых жили свободные крестьяне — общинники-резеша. Управлялись они выборными старостами, сотниками, кнезами, жудами, в обязанности которых входило самолично или на мирской сходке распределять между резешами часть общинных земель, производить раскладку и сбор государственных податей, регулировать пользование общинными угодьями, вести от имени общины переговоры с властями, защищать интересы общинников на высшем суде и т. д. Эти жастаросты, кнезы, жуды судили общинников по мелким делам.

Они именовались «лучшими и добрыми людьми», «старейшими людьми». Во главе общин стояли богатые крестьяне. Несвободное крестьянство и холопы судились своим владельцем, за исключением важнейших уголовных дел. Иногда и по этим делам землевладелец в силу феодального иммунитета имел право суда. Правом суда пользовались также шолтузы и представители государственной власти на местах. Это ясно видно из источников. «Да не имае ни един наш боярин, ани старости, ани шолтузи и пръгари Сучавски, ани шолтузи и пръгари от Серетского тръга, ани дворници от тих двоих тръгох, ани глобници от волости Сучавской, да не мают дило до тих наши люди от Радовци... ни судти их, ани глобу их брати»⁴¹, — говорит Стефан Великий в иммунитетной грамоте 1479 года, изымая людей Радовицкой «митрополии» из общей подсудности представителям государственной власти.

Из приведенного источника видно, что право суда имели и бояре, и старосты, и шолтузы, и пыргаре, и дворники, и глобники, и другие влиятельные лица. В этой же грамоте

---

⁴¹ Documente, I, p. 230.

далее читаем, что настоятель Радовицкого монастыря мог судить даже за «великое дело». «...Ни за великое дило ани за малое дило, ни за душегубство, ни за волочению дивку... аби не имали дило судити их (крестьян — Ф. Г.), али аби судили их молебник наш кир Ионакие...»⁴².

Высшей и последней судебной инстанцией являлся верховный суд, во главе которого стоял господарь. Грамоты отводят немало места судебной деятельности господаря, осуществлявшейся в большинстве случаев особым судьей при господарском дворе, уже известным нам великим дворником. Судья этот разбирал тяжбы между должностными лицами при дворе, к нему же попадали некоторые важнейшие дела, возникавшие между жителями страны, прежде всего так называемые великие (уголовные) дела. Так, он судил за «душегубство»⁴³, «за татбу що се застанет лицем»⁴⁴, «за волочению дивку»⁴⁵. Дворники судили также «за сваду торговскою», т. е. за спор в городе в праздничные дни (Ильин день и др.). «За сваду торговскою и за татбу, що се застанет лицемъ у тръгу, — говорит Стефан в грамоте 1479 года, — аби судили дворники...»⁴⁶. То же самое читаем в несудимой грамоте 1472 года: «...тоулко да имают наши глобници оузяти нам нашу глобоу от душегубство и от волочение дивкоу...»⁴⁷.

Верховный суд, как и суд на местах, был организован так, что обе стороны должны были представить своих свидетелей, которые приносили присягу. Число свидетелей не было постоянным и колебалось, доходя иногда до двадцати четырех человек и больше с одной только стороны.

Особенно много тяжб возникало по земельным вопросам, ибо процесс феодализации страны сопровождался захватами феодалами общинных земель, к тому же борьба за землю не прекращалась, а нарастала и внутри класса феодалов. Следствием этого было бесчисленное количество судебных дел, которые передавались от одного господаря к другому, тянулись десятилетиями, переходя из поколения в поколение, если только тяжба не прекращалась в результате наложения судом штрафа («завязки») на одну из сторон. «Того ради мы есми смотрили и судили ис нашими бояры, — говорит Стефан, — и дали есми Иванкови братиамаъ его, как ест право и закон по обычаю (обычному праву — Ф. Г.), аби пошел Иван сам съ 24 присежници, и щоби присегнул ис ними, аже Иван и съ своими братиаими соут оунуки Купчичеви по их матери.. Того

---

⁴² Documente, I, p. 230.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, I, стр. 173.

ради Иван и съ своими братиами они се отметили от свою присегу и не хотели присегнути и съ своими присежници, али се отпустили на Марушку и подтвердили Марушки... оусе села Купчиева, вьсе имение его да ест имь...»⁴⁸. Итак, княгиня Марушка выиграла процесс в силу того, что она имела больше веса в государстве, чем Иван, который, кроме своих братьев, привел на суд еще двадцать четыре свидетеля.

Приведенный документ интересен не только тем, что вскрывает участие самого господаря в судебном разбирательстве. Он заслуживает внимания потому, что показывает характерные для того времени решения судебных дел. Один из тяжущихся, Иван, выставил на суде двадцать четыре свидетеля. Тем не менее, его противница, Марушка, победила, получив по решению суда имения Купчича, так как племянники последнего, не имея силы и влияния в феодальном обществе, не смогли доказать на суде свое право на эти имения. Чтобы отбить всякое желание у Ивана и его братьев, а также у «оунуков» Купчича снова начать дело против княгини Марушки, господарский суд выносит решение о взыскании с истцов в случае возобновления этой тяжбы условного штрафа или судебной пошлыны-завязки в шестьдесят рублей чистым серебром.

«А кто се покусит тегати или перед нами, — говорит господарь, — или перед иных господарех, или Иван, алибо от его братиа или от их роду, тот тогда да заплатит завезску 60 рубли серебра чистого...»⁴⁹. Так верховный господарский суд чинил «правду».

Любопытным является другой документ 1460 года, повествующий о судебном процессе между крупнейшим светским феодалом, Ивашкой, членом рады, в защиту которого выступает его родственник казначей Иван, и его противниками Томой Дмитриескулом и Костей Турбуре. Вопрос заранее был предрешен в пользу крупнейших вассалов господаря, членов господарской рады: комиса Ивашки и его покровителя вистиарника Ивана. Более того, на истцов Тому и Костю налагается предупредительный штраф в сумме ста рублей серебром. «А черес тое усе а мы, — говорит господарь, — есми поставили завезку 100 рубли серебра... коли и у которых днех и часох бы хотели Тома или Косте или их дети или братиа или их вес род тегати или упоминати на Ивашка, или на его дети...»⁵⁰. Так генеалогические и поземельные связи имели громадное значение в жизни феодального государства и господствующего феодального класса.

---

⁴⁸ Documente, I, p. 192.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, I, стр. 41.

Суд был орудием в руках крупных землевладельцев. Он использовался в их интересах для подавления всякого сопротивления со стороны трудящихся масс. Суд составлял неотъемлемую часть, составную часть государства, а «так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»⁵¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги нашей работы, можно сделать следующие выводы:

1. Основным занятием населения Молдавии с древнейших времен было земледелие. Земля очень рано начала привлекать к себе внимание светских и духовных сановников. Поэтому вопросы о землевладении, о социальных категориях крестьян, попавших вместе с землей в феодальную зависимость к землевладельцам, наконец, вопрос о сложившемся в стране феодальном социально-экономическом и политическом строе являются важнейшими проблемами, без исследования которых нельзя понять не только феодализм, как систему производственных отношений, но и вообще историю молдавского народа с древнейших времен и до наших дней.

2. В Молдавии, как и в других странах западной и восточной средневековой Европы, имел место феодальный социально-экономический строй со всеми присущими ему признаками. Феодальный способ производства представлял собой итог внутреннего роста страны и мы рассматриваем развитие данной социально-экономической формации общества как естественно-исторический процесс. Феодальная социально-экономическая формация молдавского общества поддается изучению преимущественно через посредство грамот, вышедших из господарской канцелярии.

3. Молдавское феодальное право знает те две основные формы владения землей, которые присущи феодальному строю во всех странах: 1) владение на право полной и безусловной (вотчиной) собственности и 2) владение, представляющее собой условную собственность — выслугу. Так в описываемое время сложились две основные группы феодальных землевладельцев: крупные привилегированные землевладельцы-вотчин-

---

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 147.

ники — бояре и служилые дворяне-помещики. Господствующее место в феодальной Молдавии занимали бояре.

4. Феодальная крупная вотчина представляла собой хозяйственную организацию, обслуживающуюся трудом зависимого крестьянства и частично рабов-холопов. Рабство быстро шло на убыль, основная масса рабов была посажена на землю и превращена в крепостных крестьян, труд которых являлся более производительным и отвечал требованиям и интересам землевладельцев. В условиях господства натурального хозяйства землевладельцы имели небольшую запашку, удовлетворявшую потребительские нужды феодальной усадьбы, и поэтому в начальной стадии развития феодальных отношений барщина не получила еще распространения. С конца XV в. замечается стремление землевладельцев увеличить число барщинных дней. Но в основном крестьяне стоят на оброке, поэтому, несмотря на наличие всех трех видов земельной феодальной ренты, господствующей формой эксплуатации молдавского крестьянства во второй половине XV в. является продуктовая рента.

5. Отношения между несвободными крестьянами и феодалами-землевладельцами определялись местным молдавским обычным правом и теми средствами внеэкономического принуждения, которые находились в распоряжении землевладельцев для удержания крестьян в своем феодальном хозяйстве. С дальнейшим усилением государственной власти в эти отношения все более и более вмешивается государственная власть, в силу чего замечается резкое ухудшение положения зависимой основной крестьянской массы.

6. В Молдавии, как и в других странах, существовала крестьянская община. Свободные общинники известны под именем содошей или резешей. В процессе феодализации страны большая их часть стала крестьянами-вечинами. Крестьянская община показала свою жизнеспособность, однако, под влиянием общих экономических процессов, вызванных дальнейшим ростом феодальных отношений и под воздействием со стороны государства, в жизни крестьянской общины происходят большие перемены, которые приводят к дальнейшему расслоению крестьянской массы и полному ее закреплению.

7. Несвободная крестьянская масса состояла из нескольких социальных категорий, которые отличались друг от друга: как качеством феодальных повинностей, так и подсудностью и степенью зависимости от землевладельца. Во второй половине XV века можно наблюдать две основные социальные группы несвободных крестьян. Первые — это «люди», имевшие в основном право перехода от одного землевладельца к другому. Вторые — «межиаши», «соседи» — «вечины», — люди, которые фактически — уже потеряли право перехода; их свобода и положение зависят целиком и полностью от их господина-землевладельца.

8. Молдавский город второй половины XV века является ранне-феодальным городом, он целиком и полностью входит в общую феодальную систему. При господстве натурального хозяйства внутренний обмен был еще незначительным, и только на общем фоне земледельческих и пастушеских занятий населения вырисовывались контуры ремесла, торговли и промышленности в стране. Однако намечается растущая роль денег и жажда привилегированных сословий общества к обогащению.

9. Общему облику феодального государства, каковым была Молдавия во второй половине XV в., соответствовал и политический строй, который развился на реальном экономическом базисе. Феодальная монархия в Молдавии была государством крупных землевладельцев. Светская феодальная знать и церковь сосредоточили в своих руках громадный земельный фонд, ставший основным источником их материального обогащения. Выдающееся место в феодальной монархии занимала церковь. Опираясь на владение землей и на свое политическое преобладание, бояре и духовенство были действительными владыками страны. Крестьяне-земледельцы, бесправные и угнетенные, мало видели пользы от силы и блеска царства Стефана Великого. Вполне понятно, что в рассматриваемое время были и армия, и суд, а также разветвленная сеть государственных чиновников, призванных держать в узде и повиновении трудящиеся массы, которые сопротивлялись местным туеядцам.

Таким образом, Молдавия в описываемое время представляла собой вполне сформировавшееся феодальное государство. Крестьяне — непосредственные производители страны, задавленные нуждой, приниженные личной зависимостью, и умственной темнотой, отвечали протестом и вооруженным сопротивлением своим эксплуататорам. Во второй половине XV века непрерывно происходила классовая борьба, которая являлась характерной чертой всего социально-экономического и политического строя страны.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

**молдавских слов и редких терминов, встречающихся
в приведенных в работе источниках**

Апрод	—	слуга, судебный пристав.
Армаш	—	оружейник.
Аурар	—	золотых дел мастер, золотонскатель.
Бербеница	—	мера емкости.
Бредулец	—	пихта.
Буката	—	кусок, часть.
Булбока	—	1) пучина (в реке); 2) небольшая низменность.
Батаман	—	сотский, помощник старосты.
Виг	—	кусок, рулон.
Войник	—	воин, храбрый, силач.
Вражмаш	—	враг, неприятель.
Вьетръже	—	городская округа, территория вне города.
Врьтоапе	—	пещеры.
Глодурь	—	болота.
Грунь	—	высокая, острая гора.
Гырла	—	ложбина, водопад.
Друм	—	дорога.
Жуде	—	судья, староста общины.
Илиш	—	подать на прокормление армии.
Илишар	—	сборщик подати „илиша“.
Кнезь, кнез	—	1) глава общины, судья, как и жуде; 2) князь.
Комис	—	конюший.
Коулме	—	возвышенность.
Кумнат	—	шурин.
Кутулу	—	поселок, приселок, хутор.
Логофет	—	канцлер, секретарь господарской канцелярии.
Мартор	—	свидетель.
Мартурия	—	присяга.
Мартурисати	—	присягать, свидетельствовать.
Межиеш-вечин	—	1) сосед, соседний; 2) несвободный, крепостной.
Могиль	—	бугор, холмик.
Морун	—	белуга.
Муере	—	женщина.
Непоатэ	—	внучка.
Непот	—	внук.
Окна	—	соляные копи.
Окол	—	1) округа, городская округа; 2) гороженное место, загон, забор.
Околни	—	соседние, окружающие.
Орашан	—	горожанин.
Оурик (хрисовул)	—	грамота.
Паров	—	ручеек.

Писк	— насыпь, возвышенность.
Питар	— булочник.
Плоскар	— фляжник.
Порта	— Порта, Турция.
Портар	— воротник, привратник.
Привилем	— привилегия, льгота.
Припашар	— ведающий заповедниками.
Прыгар	— бюргер, горожанин, член совета.
Пръкалаб	— наместник, губернатор, верховный военный и гражданский правитель волости.
Пъхърник	— чашник.
Пъхърничел	— второй чашник.
Слобозия	— тарханная, льготная грамота.
Содош	— резеш, свободный крестьянин.
Спатарь	— меченосец.
Талмач	— истолкователь, дьяк.
Тълхаръ	— похититель, вор.
Ушар	— швейцар.
Фалга	— древнейшая мера поверхности в Молдавии (14 322 кв. м.).
Холтеюл	— холостяк.
Хэрман	— ток.
Четъциле	— крепости.
Шолтуз	— префект, бургомистр, городской голова, мэр города.
Язер	— озеро.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Глава первая. Введение	7
1. Тема и задачи исследования	7
2. Обзор источников	10
3. Историография вопроса	21
Глава вторая. Землевладение и сельское хозяйство Молдавии второй половины XV в.	28
1. Постановка вопроса о феодальном землевладении	28
2. Состав молдавского феодального общества	33
3. Землевладение господаря	41
4. Боярское землевладение	45
5. Церковное землевладение	47
6. Дворянско-помещичье землевладение	52
7. Резешское землевладение	55
8. Наследственное землевладение	56
9. Право наследования вотчин	59
10. Условное землевладение	60
11. Сельская община	63
12. Иммунитет	66
13. Сельское хозяйство и орудия труда второй половины XV в.	71
Глава третья. Сельское население Молдавии второй половины XV в.	78
1. Постановка вопроса	78
2. Свободные крестьяне-резеши	79
3. Несвободные крестьяне	86
4. Холопы	91
5. Феодальные повинности крестьян	96
6. Классовая борьба в феодальной деревне	100
Глава четвертая. Молдавский город второй половины XV в.	105
Глава пятая. Политический строй и управление	137
1. Постановка вопроса в историографии	137
2. Господарь	138
3. Боярская рада	141
4. Армия	148
5. Господарский суд	152
Заключение	155
Краткий словарь молдавских слов и редких терминов, встречающихся в приведенных в работе источниках	158

КАРТА МОЛДАВСКИХ ГОРОДОВ И МЕСТЕЧЕК

XV В.

Цена 6 руб. 50 коп.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ МОЛДАВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА**

Ф. ГРЕКУЛ